АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. Ю. Крупянская, С. И. Минц

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Сборник «Материалы по истории песни Великой Отечественной войны» содержит тексты произведений, сложенных в годы войны солдатами и офицерами Советской Армии, партизанами, гражданским населением тыла и прифронтовой полосы. Здесь объединены материалы фронтовой и партизанской художественной самодеятельности, народного творчества и отдельные произведения советских поэтов, прочно вошедшие в устно-поэтический репертуар периода Великой Отечественной войны. Напечатанные в сборнике тексты являются образцами того, что пелось в военные годы в армии, в партизанских отрядах, в тылу. Каждая песня (по возможности) сопровождается комментарием, дающим сведения о том, где, когда, в каких условиях она была создана и как распространялась. Такое внимание к вопросам бытования этих песен, выяснению условий их создания, исполнения и отношения к ним вполне закономерно. Это - внимание к проблеме зарождения песни в широких кругах советских людей и освоения ее широкими массами в годы войны. Сообщаемые сведения по истории песен пополняют материалы, позволяющие судить о процессах, происходящих в области песенного творчества советского народа. Сборник, следовательно, является научным изданием, содержащим материалы для разработки теоретических вопросов, а не песенником и не специальным художественным изданием.

•

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ XIX

В. Ю. КРУПЯНСКАЯ и С. И. МИНЦ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

★

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборник «Материалы по истории песни Великой Отечественной войны» содержит тексты произведений, сложенных в годы войны солдатами и офицерами Советской Армии, партизанами, гражданским населением тыла и прифронтовой полосы. Здесь объединены материалы фронтовой и партизанской художественной самодеятельности, народного творчества и отдельные произведения советских поэтов, прочно вошедшие в устно-поэтический репертуар периода Великой Отечественной войны. Напечатанные в сборнике тексты являются образцами того, что пелось в военные годы в армии, в партизанских отрядах, в тылу. Каждая песня (по возможности) сопровождается комментарием, дающим сведения о том, где, когда, в каких условиях она была создана и как распространялась.

Такое внимание к вопросам бытования этих песен, выяснению условий их создания, исполнения и отношения к ним вполне закономерно. Это — внимание к проблеме зарождения песни в широких кругах советских людей и освоения ее широкими массами в годы войны. Сообщаемые сведения по истории песен пополняют материалы, позволяющие судить о процессах, происходящих в области песенного творчества советского народа.

Сборник, следовательно, является научным изданием,

содержащим материалы для разработки теоретических вопросов, а не песенником и не специальным художественным изданием.

В. Ю. Крупянская и С. И. Минц — не только составители сборника, но в большинстве случаев и собиратели печатаемых текстов. В результате их переписки с многочисленными корреспондентами фронта и тыла, командировок и экспедиций, осуществленных при их участии или под их руководством, составился большой архив песенных и прозаических материалов, созданных в годы Великой Отечественной войны. Архивы хранятся в Государственном литературном музее и в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР. Материалы архивов названных двух учреждений публикуются в сборнике. В книгу не вошли тексты, публикация которых мало что вносит в наши представления о путях создания и распространения песен Великой Отечественной войны, и ряд текстов, уже публиковавшихся в ранее изданных сборниках.

Включенным в сборник текстам предпослана статья, характеризующая песни Великой Отечественной войны. Выводы статьи основываются не только на материалах данной книги. Более широкое использование материалов по истории песни Великой Отечественной войны дает возможность полнее и лучше охарактеризовать процессы развития массового песенного творчества военных лет, типичными образцами которого являются произведения, печатаемые в сборнике.

Несмотря на то, что в сборнике публикуются различные тексты: песни, популярные в отдельных воинских частях или локально ограниченные, и песни, получившие широчайшее, повсеместное распространение,— весь материал книги целостен. Он отразил думы, чувства, стремления советских людей, вставших на защиту социалистической Родины и победивших силы германского фашизма и японского империализма. Книга говорит о минувших годах суровых боев за Советскую Родину и за освобождение всего прогрессивного человечества от ига фашизма. В книге слышен голос советских воинов дод руководством Коммунистической партии Советского Союза победоносно завершивших Великую Отечественную войну. Живая память о недавнем прошлом мобилизует нас, призывая к борьбе за мир во всем мире. Материалы этой книги вливаются в общее русло советской литературы и искусства, призванных служить делу идеологического воспитания масс в период перехода от социализма к коммунизму. Непосредственность и глубокая правдивость песен Великой Отечественной войны заставляют внимательно отнестись к ним, как к материалу, ценному и для историков, и для литературоведов, и для творческих работников

литературы и музыки. Материалы по истории песен военных лет могут быть использованы при изучении общественных и литературных явлений в советской действительности и в работе в области массового художественного творчества. Борьба за высококачественное и полноценное искусство масс — одна из ответственных задач, поставленных перед нами XIX съездом партии, указавшим на большое значение литературы и искусства в нашей современности.

Героической советской молодежи, сражавшейся на фронтах Великой Отечественной войны, посвящают авторы эту книгу

ВВЕДЕНИЕ

1

В основу сборника «Материалы по истории песни Великой Отечественной войны» положены произведения народно-поэтического творчества и армейской художественной самодеятельности, собранные московскими организациями.

Работа по собиранию фольклора Великой Отечественной войны началась в Москве с первых месяцев войны. Эта работа была, сосредоточена на первых порах в фольклорном отделе Государственного литературного музея и во Всесоюзном доме народного творчества им. Н. К. Крупской. С декабря

1944 г. в работу включился Институт этнографии Академии Наук СССР.

Институт этнографии и Государственный литературный музей собирали

главным образом произведения массового устно-поэтического творчества непосредственных участников военных действий — бойцов и командиров Советской Армии, партизан.

Собирание песенных материалов проводилось путем записей со слов фронтовиков. Работа эта в основном велась в госпиталях, а Ь первые два года войны, особенно в те месяцы, когда Москва была прифронтовой полосой, собиратели выезжали и в воинские части. Большое количество фронтовых песен было получено от фольклористов-фронтовиков. Еще в 1942 г. Государственным

литературным музеем была выпущена листовка с призывом к бойцам и командирам Советской Армии собирать фольклор фронта. Позднее, в 1944 г., она была перепечатана в выпущенном Государственным литературным музеем сборнике «Фронтовой фольклор»1. В мае

1945 г. аналогичная инструкция была выработана Институтом этнографии Академии Наук СССР и при содействии Главного политического управления вооруженных сил СССР опубликована на страницах фронтовой печати. Эти инструкции вызвали большой приток материалов, в основном песенного жанра. Правда, поступавшие материалы были не всегда хорошо документированы; пришлось провести значительную работу, чтобы установить, насколько популярны эти песни и действительно ли они созданы фронтовиками. Выяснить эти и многие другие вопросы помогли доклады фронтовиков о бытовании фольклора на фронте, которые неоднократно ставились на заседаниях сектора фольклора Института этнографии и Государственного литературного музея. Особый интерес представляют доклады, сделанные еще в 1943 г. участником партизанского движения И. В. Гуторовым, политработником майором Д. И. Романенко, фронтовиками А. И. Лукиным и Наживовым, а также сообщения фольклористов-фронтовиков Н. В. Новикова и Л. Н. Пушкарева, сделанные на фольклорном совещании, организованном Институтом этнографии в декабре 1947 г.

В своих докладах фронтовики касались вопросов роли фольклора в армейской художественной самодеятельности, репертуара, изменения его в ходе войны, форм бытования и путей распространения произведений армейского творчества.

В те же годы Государственным литературным музеем были организованы встречи с фронтовиками-поэтами: Г. Фроловским, А. Гуторовичем, А. Чистовым и другими. Это дало возможность познакомиться не только с песенным творчеством фронтовиков-поэтов, но и с историей возникновения песен и их распространением в армейской среде. Материал для изучения песенного репертуара дали также дневники, записные книжки и тетради фронтовиков, собранные Государственным литературным музеем и Институтом этнографии.

Позднее, после окончания войны, знакомство с обширными записями песен (около 400), собранных бывшим фронтовиком И. В. Ефремовым и политработником армии Д. И. Романенко (песни и частушки), дало интересный материал для сравнений и обобщений. Значительный материал был собран в результате экспедиций и командировок, которые, начиная с 1942 г.,

организовывались Всесоюзным домом народного творчества им. Н. К. Крупской в освобожденные от немецкой оккупации области — Московскую, Орловскую, Минскую, Полесскую и на Кубань. Значение этих экспедиций не столько в собранных ими материалах (главным образом устные сказы), сколько в живых наблюдениях над бытованием и ролью фольклора в дни Великой Отечественной войны. Большой материал по истории песен, созданных в годы войны, дала также экспедиция в Сталинградскую область в 1944 г. и экспедиции, проводившиеся уже по окончании войны: Брянская в 1945 г., Хоперская в 1947 г., Сталинградская в 1948 и 1949 гг.

Организованная Институтом этнографии Академии Наук СССР совместно с Московским государственным университетом, под общим руководством проф. П. Г. Богатырева1, Брянская экспедиция обследовала основные центры партизанского движения в Брянской области. Помимо записей партизанских песен и сказов, экспедиция подробно изучила также фольклор населения, на территории которого шла ожесточенная борьба, населения, кровно связанного с партизанами и в подавляющем своем большинстве активно участвовавшего в борьбе.

Брянская экспедиция ознакомилась с историей возникновения отдельных произведений партизанского фольклора, условиями их бытования, их общественной ролью, а также с творчеством партизанских поэтов — авторов многочисленных песен и частушек, получивших широкое распространение среди партизан. Экспедицией записано около трехсот таких несен и свыше 2 тыс. частушек.

В качестве материала для сопоставлений в сборнике использованы также собрания песенного фольклора белорусских партизан, записанного экспедицией белорусского Государственного университета, под руководством Л. Г. Барага, и Минского педагогического института, под руководством М. С. Меерович.

При изучении фольклора русских партизан эти материалы представляют особый интерес, так как партизаны Брянщины, Смоленщины и Белоруссии были тесно связаны в своих боевых операциях. В связи с этим был весьма интенсивным и обмен фольклора между русским и белорусским населением.

Архивы фольклорного отдела Государственного литературного музея и Института этнографии Академии Наук СССР содержат также значительные коллекции песен, записанных со слов бывших узников фашистских концлагерей. Особенно интересны коллекции песен этого типа, явившиеся результатом организованного сбора,— крупные собрания А. А. Гуторовича и Д.

И. Романенко, переданные собирателями Государственному литературному музею. Типичность этих материалов подтверждается и другими аналогичными коллекциями, из которых наибольшего внимания заслуживает собрание Имшенецкого (Архив фольклорного сектора Института литературы Академии Наук СССР, Ленинград).

Многочисленные рукописные и печатные материалы способствовали разрешению вопросов, касающихся истории отдельных песенных сюжетов, определения типичности текста, выяснения условий его зарождения, бытования и его общественной роли.

Помещенные в сборнике 107 песен представляют собой лишь небольшую часть собрания. Критерием отбора являлось идейное содержание песни, ее художественные достоинства, отображение в ней героической действительности, связь ее с историческими событиями, в атмосфере которых она родилась и бытовала, степень популярности песни в годы войны.

Конечно, в художественном отношении некоторые песни армейских и партизанских поэтов стоят невысоко. Песни эти не всегда вынашивались, как вынашивается литературное произведение, а иногда попадали в тетрадь собирателя, не успев пройти того пути длительной шлифовки, которой подвергались произведения традиционного народного творчества, передаваясь из уст в уста в течение десятков, а иногда и сотен лет. Тем не менее ценность этих песен в той непосредственности, которая делает их подлинным документом своего времени, в агитационном значении, в той роли, которую они играли в дни войны, повышая боеспособность и моральный дух советских войск.

Историческая и общественная значимость собранного материала выдвинула вопрос о необходимости научного издания произведений устно-поэтического творчества, сложившихся и бытовавших в годы войны.

2

Мы избрали объектом нашего исследования песню — этого неизменного спутника советского бойца в грозные годы войны, так как песня полнее, чем какой-либо другой жанр фольклора, запечатлела героические дела и дни войны.

Вместе с тем на материале этого жанра, проявившего в наши дни особую жизнеспособность, исследователь получает возможность поставить ряд общих проблем, касающихся сути и характера творческого процесса в современной устной народной поэзии. Изучение песни военных лет, несомненно, должно пролить свет и на вопросы, касающиеся этого ведущего в период

Великой Отечественной войны жанра.

«Многие побывавшие на фронте,— пишет старший сержант В. С. Родионов,— перенесшие все тяготы этой войны, крепко подружились с песней, с нашей русской песней, задушевной, простой, зовущей и заставляющей любить все дорогое, чем мы жили, и ненавидеть все гнусное, подлое, что несла в себе фашистская Германия и что недостойно жить...» (Из материалов Гос. лит. музея).

Фронт сосредоточил в себе огромные массы людей, объединенных общими задачами, воодушевленных единой целью, сплоченных единым чувством горячей любви к своей Родине. В атмосфере боевой дружбы, предельной напряженности чувств, порождаемой обстановкой войны и опасности, родилась и жила песня.

Трудно учесть все формы и условия бытования песни на фронте. Они столь же многообразны, как многообразна и сложна военная обстановка. В землянках и блиндажах, на марше и на привалах, в поездах и машинах, санпунктах и госпиталях — всюду и при обстоятельствах, иногда крайне напряженных и трудных, песне находится место.

То чувство коллективизма, которое присуще любой боевой части, будь то полк, батальон, рота и т. п., способствовало широкому бытованию песни. Решающее значение здесь имела живая, устная передача песни от одного к другому. Большую роль в распространении песен сыграли записные книжки и дневники, куда обычно переписывались наиболее понравившиеся произведения.

В условиях боевой обстановки были чрезвычайно развиты бригады художественной самодеятельности, явившиеся организованной формой поэтического творчества широких народных масс. Непосредственными участниками этих бригад были сами бойцы — певцы, частушечники, танцоры, баянисты, в большинстве случаев знатоки и любители фольклора, работавшие, как правило, на местном материале. Это было, несомненно, одной из очень живых и действенных форм бытования фольклора в условиях фронта. В художественную самодеятельность обильно проникали и народные песни, и частушки, а иногда сказка, народный анекдот. Значительное количество поэтических произведений, особенно сатирических, вышло именно из недр самодеятельности. Художественная самодеятельность обогащала репертуар бойцов новыми песнями.

Большую роль в жизни поэтического творчества фронта играла и фронтовая печать. Лучшие образцы полковых походных песен и многочисленных стихов, авторами которых являлись сами

фронтовики, а также песни и стихи профессиональных поэтов публиковались на страницах армейской печати; во фронтовых газетах неоднократно печатались итоги конкурсов на лучшую военную песню, — все это способствовало развитию песенного творчества. Подобные же материалы содержались и в низовой армейской печати, в так называемых «Боевых листках». Большим тиражом выходили на фронте листовки с отдельными популярными песнями советских поэтов и композиторов. Издавались и песенники. Те и другие распределялись главным образом по хоровым коллективам и являлись одним из значительных источников популяризации советской массовой песни. Многие песни советских поэтов и композиторов создавались здесь же, в условиях фронта.

Столь же широко бытовала песня и в партизанской среде. В глубоком тылу врага, в лесах издавались газеты, художественно-политические журналы, большею частью рукописные. Эти журналы ходили по рукам и способствовали распространению поэтического творчества партизан — их песен, частушек и т. п. В деревнях, где поддерживалось общение с партизанами, организовывались вечеринки, молодежь пела и танцевала.

Песня слагалась и бытовала среди узников фашистских концлагерей. Исполнение песен здесь строго преследовалось: за песню сажали в карцер> избивали, известны даже случаи расстрела. Дневники, записи песен на клочках бумаги тщательно прятались. Среди заключенных фашистских лагерей особой любовью пользовалась старая народная песня — русская, украинская, белорусская, живо напоминавшая о далекой родине, о родных и близких. Создавались также и новые песни, правдиво рассказывавшие об ужасах неволи.

В подполье фашистских концлагерей слагались стихи и песни, агитационное воздействие которых на узников было огромно. Песни эти поддерживали дух заключенных, высмеивали палачей-тюремщиков, вселяли в сознание пленников твердую уверенность в близости освобождения*

В годы Великой Отечественной войны ведущая роль в создании и распространении песен принадлежала, несомненно, армии и партизанским отрядам, сосредоточившим в себе лучшие, наиболее творческие силы народа.

Здесь, под влиянием героических событий, возникали новые песни, бесконечно варьировались и творчески переосмыслялись в связи с боевой обстановкой песни давно знакомые, здесь можно было встретить знатоков и любителей песни.

Носитель современной военной песни, являющийся часто и ее автором,— это рядовой боец и офицер Советской Армии.

Фронтовики в своих письмах вместе с текстами популярных на фронте частушек и песен сообщают обычно и автобиографические сведения. Эти биографии типичны для многих фронтовиков.

«Обращается к вам сержант-фронтовик Исупов Иван Павлович — любитель сочинять и петь песни, частушки и т. д., которые пользуются большой популярностью среди фронтовиков. Год рождения 1916, член ВКП(б), орденоносец, образование среднетехническое, гражданская специальность — зоотехник, селькоровский и военкоровский стаж 5 лет».

«Могу сообщить о себе,— пишет танкист Борис Садовнич,— что до войны работал клепальщиком на заводе в Ленинграде и одновременно учился в школе взрослых. За месяц до войны подал заявление в кораблестроительный техникум. Русский, 1920 г. рождения... Я сам очень интересуюсь литературой и вообще люблю учиться... Пишу стихи и у меня сразу их переписывает весь взвод. А я, в свою очередь, переписываю у других...»

Тот же характер носит и биография командира роты средних танков капитана Зудова. До войны он был слесарем паровозоремонтного завода, член ВКП(б). Популярность Зудова как исполнителя фронтовых песен была настолько велика, что когда он лежал в госпитале на излечении, его, по требованию больных, переносили в соседние палаты, где он исполнял песни из своего богатого и разнообразного репертуара, причем автором некоторых песен был он сам.

Характерна и чрезвычайно колоритна фигура запевалы взвода, а позже — всей части, Александра Козярского. Юноша 21—22 лет, украинец — уроженец Каменец-Подольской области, сын крестьянина, с законченным средним образованием,— Александр Козярский обладал прекрасным голосом, исключительно обширным песенным репертуаром и в своей части считался лучшим запевалой. Но не только в большом запасе песен заключалась причина его популярности. Козярский выделялся своей творческой одаренностью, способностью импровизировать, уменьем переделать песню соответственно запросам советского бойца. Благодаря исключительному умению вложить в песенный текст и в его передачу свои переживания, Козярский удачным исполнением и интерпретацией какой-нибудь старой песни давал толчок к ее возрождению во фронтовой среде. А. Козярский погиб незадолго до окончания войны.

В Советской Армии было значительное число фронтовых поэтов. В большинстве случаев это авторы, впервые начавшие писать в годы войны. Часто это были работники фронтовых редакций, участники армейских ансамблей. Наиболее

популярный жанр их творчества — литературно-музыкальные монтажи, в которых прозаические и стихотворные отрывки перемежаются с песнями. Подобные монтажи создавались на общеполитические и военные темы. Материалом служили обычно события фронтового дня в данном полку, батальоне, роте. Армейские поэты были авторами многих строевых песен, маршей (см. песни №№ 1—26).

Следует, однако, заметить, что такое выделение армейских поэтов в отдельную группу в значительной мере условно, так как большого принципиального отличия между ними и массовыми исполнителями и авторами фронтовой песни, конечно, нет. И для тех и для других в равной мере характерен исключительный интерес как к самой песне, так и к самостоятельному песенному творчеству.

Различие в военном звании, в гражданской профессии и т. п. определяло большое разнообразие песенного репертуара отдельных воинских групп. В этих репертуарах порой встречается и старая народная песня (типа «Кочегара», «Варяга», «Ермака», «По Дону гуляет» и т. д.), и солдатская, и казачья песня, и песни эпохи гражданской войны, особенно популярные в партизанской среде. Значительное место занимает народная песня, украинская и русская, и городской романс.

Однако наибольшей популярностью в армейской и партизанской среде пользовалась, несомненно, песня с советской тематикой. Тема советского патриотизма громко звучала в песнях, возникших в дни войны в среде непрофессиональных и профессиональных поэтов и композиторов. Она проникала и в старую народную песню, переосмысливая ее и создавая современные ее варианты (см., например, песни «Во степях да во донецких» № 30, современные варианты «Кочегара» №№ 43—46 и др.).

«Я не буду делить репертуар песен на старые и новые,— пишет фронтовик В. С. Родионов,— в этой войне защищали Родину все, от мала до велика, отец стоял плечом к плечу с сыном, и поэтому неудивительно, что песни того или другого поколения сплелись в единый репертуар — советский, русский. Встав на защиту советского отечества, сын преисполнился мудрости отца, отец — юношеского пыла и вдохновения сына, оба — гордости за прошлое и настоящее своей Родины». (Из письма В. Родионова, адресованного в Государственный литературный музей.)

Эти песни на советскую тематику и определяют в основном песенный репертуар армии и партизанских отрядов.

Анализ песен Великой Отечественной войны показывает, что круг их идей и тем чрезвычайно разнообразен. Кроме песен, отразивших непосредственные события войны, значительное место заняли темы, выдвинутые переживаниями военных лет, и прежде всего темы, касающиеся морального облика советского человека.

Основные этапы Великой Отечественной войны находят свое отражение в песенном фольклоре.

Уже с первых дней войны появляется потребность в походных маршевых песнях, и они создаются в полках и дивизиях, батальонах и ротах.

В рядах народного ополчения, в среде коммунистов и комсомольцев Москвы, вошедших в состав особых добровольческих частей, в зенитных частях, стальным кольцом окружавших столицу, — зарождается новая строевая песня. Эта песня выдвигает боевые лозунги начального периода войны: «Стоять насмерть!—Отчизна нам сказала», или: «Чужой земли ни пяди нам не надо, А нашей никому не отобрать...», или: «Мы будем бить нещадно и сурово, Крушить врага заклятого, громить...» и т. п.

Вместе с тем песни эти, призывающие на борьбу с врагом и на подвиг, героические по своему существу, включают многие подробности, тесно связанные со средой и местом, где песня возникла, и потому особенно глубоко волнующие и исполнителей и слушателей.

Такие строфы из песни народного ополчения Киевского района г. Москвы:

Нам тяжесть походной котомки
Широких плечей не согнет,—
Шагает профессор с Волхонки,
И слесарь с винтовкой идет... (№ 1)

Или

А ветер доносит с Арбата
Далекий столицы привет... (№ 1)

— пробуждали воспоминания о родном и близком.

Не случайно эта песня, сложившаяся в феврале 1942 г. как марш дивизии и повествующая о том, как «в сумрак июльских ночей» — во время боев за Варшавское шоссе — «по старым московским дорогам» шагают ополченцы Москвы, глубоко входит в индивидуальный репертуар армейцев как любимая песня

москвичей.

Характерной чертой маршевых песен этой начальной поры является их устремленность вперед и вера в победу.

В этом отношении характерна песня Особой добровольческой части, сформированной по преимуществу из московских комсомольцев:

Добровольно в строй мы встали,
Мы на бой с врагом идем,
Нас ведет товарищ Сталин,
Наш отец и наш нарком... (№ 6).

С этой песней в октябре и ноябре 1941 г. проходили комсомольцы по улицам Москвы. По словам бывшего замполитрука этой части В. Е. Гусева, ее пели с особым подъемом, так как она всем своим содержанием выражала уверенность Советской Армии в победе.

И в боях под Ленинградом,
И под Киевом родным
Разгромим фашистских гадов,
Их полки развеем в дым...

Таков особенно заключительный куплет песни:

За вождем вперед, лавиной Мы по всем фронтам пройдем И по улицам Берлина Флаг советский пронесем... (№ 6)

Именно к этому периоду разгрома немцев под Москвой, а также успешных действий Советской Армии в районе Ростова-на-Дону, Тулы и Калуги, под Ленинградом и Тихвином и относится возникновение большого количества новых песен фронта.

И это не случайно. В своем докладе на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1942 г. товарищ Сталин, подводя итоги истекшего военного года, говорил: «...успешные действия Красной Армии... вскрыли два знаменательных факта. Они показали, во-первых, что Красная Армия и её боевые кадры выросли в серьёзную силу, способную не только устоять против напора немецко-фашистских войск, но и разбить их в открытом бою и погнать их назад. Они показали, во-вторых, что немецко-фашистские войска при всей их стойкости имеют такие серьёзные органические недостатки, которые при некоторых благоприятных условиях для Красной Армии могут привести к поражению немецких войск».

Советская Армия осознала свои крепнущие силы, что нашло отражение в развитии поэтического творчества фронтовиков.

Характерно, что в этот период как раз особое распространение получают произведения военной сатиры. Главное ее содержание — разгром немцев под Москвой. Едко высмеивают эти песни провал гитлеровского плана «молниеносной войны»:

« — Где ж эта «молния», где ж этот гром..?»
...«Молния» в русскую землю ушла,
Армия там же могилу нашла...»

В этих песнях в остром сатирическом плане даны образы фашистов и их главарей, пытавшихся создать «новый порядок» в Европе1 2.

В это же время складывается и большое количество песен героического характера. Возникая чаще всего по горячим следам минувших событий, они носят характер боевой хроники. Так родится песня «катуковцев» — бойцов танковой бригады генерала М. Е. Катукова, сражавшейся в октябре — ноябре 1941 г. на подступах к Москве и участвовавшей в разгроме армии Гудериана. Характерны ее строки:

Мы под Орлом себе добыли славу
И похвалу наркома — под Москвой...

Такова и песня 130-й стрелковой дивизии, сформированной из рабочих коммунистических батальонов Москвы. Она отражает боевой путь дивизии: подступы к Москве, далее Калининский и Северо-Западный фронты.

И в предгорьях Валдая
Мы врага побеждаем,
Как когда-то в полях под Москвой... («N*2 2)

В феврале 1942 г. в ансамбле Западного фронта слагается песня о рейде генерала Белова в глубокий тыл врага. В образах этой песни встают «предместья Каширы, ворота Венева», прорыв на Варшавском шоссе и взятие Дорогобужа и т. д. (№ 20).

Слагаются также песни о героях, подвиг которых хотя и остается безыменным, но связывается с определенным участком фронта, с конкретными событиями войны. Такова, например, песня «Гибель друга», сложившаяся в среде танкистов в дни обороны Москвы на Смоленском участке фронта. Ее лирическая тема развертывается в реальной обстановке атаки, боя советских танков с танками противника1.

Дальнейшее течение событий — лето и осень 1942 г.—

ознаменовано новой попыткой врага овладеть Москвой. Глубоким обходным движением с востока немцы рассчитывали взять Москву. Советская Армия преградила путь немецко-фашистским захватчикам.

«Навсегда сохранит наш народ,— говорил И. В. Сталин,— память о героической обороне Севастополя и Одессы, об упорных боях под Москвой и в предгорьях Кавказа, в районе Ржева и под Ленинградом, о величайшем в истории войн сражении у стен Сталинграда»1 2.

Именно с этим периодом — периодом ожесточенных и кровопролитных боев и вместе с тем возросшей уверенности в своих собственных силах — и связана возросшая поэтическая активность широких армейских масс.

Фронтовым песням этой поры было суждено стать живым документом, правдиво и бережно сохранившим память о героических днях. Авторами и носителями этих песен были участники самих событий, непосредственно откликавшиеся в песне на то, очевидцами чего они были сами.

Так, в походной казачьей песне о Сталинграде с добросовестной точностью излагаются все обстоятельства исторического сражения под Сталинградом. Песня упоминает и 62-ю армию, защищавшую город, и ее командира генерала Чуйкова, и прорыв фронта на Цацу, и бои под станицей Чирской, называет и количество немцев, уничтоженных в этом сражении3.

В рядах той же армии возникает песня о разгроме немцев под Сталинградом. Песня повествует, как под ударами войск Рокоссовского разлетелся фашистский кулак, и вражеские войска оказались зажатыми в кольцо.

Из этих песен, запечатлевавших — часто в индивидуальном преломлении — отдельные моменты сталинградской эпопеи, возникает образ города-героя. Этот образ находит свое символическое выражение в песне об «Утесе»:

Есть на Волге утес,
Он бронею оброс,
Что из нашей отваги куется...
В мире нет никого,
Кто не знает его,
Он у нас Сталинградом зовется... (№ 42).

«Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться»4. Это решающее в ходе войны значение Сталинграда прекрасно было осознано народом. Недаром о Сталинграде

продолжают слагаться песни и после

окончания войны, недаром воспоминания о Сталинградской битве обязательно встречаются в песнях о пройденном боевом пути. Свято сохраняется память о Сталинграде в сердцах бойцов:

А на сердце солдат — Сталинград,
Нашей славы военной звезда (№ 63).

Тема защиты родного города проходит не только в Сталинградском цикле песен. В ходе Великой Отечественной войны борьба за крупнейшие жизненные центры страны имела совершенно исключительное значение. Бои за Севастополь и Одессу, за Ростов-на-Дону и Киев, судьбы Москвы, Ленинграда и Сталинграда волновали весь советский народ. В эти грозные дни родились поэтическая тема защиты родного города и поэтический образ города-героя.

Город упоминается в песне не только как место, где развертывается действие («У стен Одессы флот дерется...» или: «В этот день в боях под Старой Руссой» и т. д.), но в ряде песен о городе говорится как о живом существе, дорогом и близком: город переносит «тяжелые муки», «ранен город, наш город родной» («Песня о Великих Луках»), «город — кровавая рана» («Севастополь»), «стоит Севастополь в дозоре, громя ненавистных врагов». В песне о гибели краснофлотца герой, прощаясь с любимым городом, за который он отдал свою молодую жизнь, обращается к нему:

Одесса, ты сынов растила,
Учила в битвах побеждать,
Матросы вновь штыки скрестили
У стен твоих, родная мать.

В песнях о гибели героя широко распространен мотив обращения к городу, мотив прощания с ним:

Прощай, Севастополь, наш город-боец,
Прощайте, орлята-ребята (№ 44).

В ряде песен город делается лирическим героем. Так, в севастопольском варианте песни «Раскинулось море широко» на первый план выступает образ города, соответственно чему меняются все поэтические детали песни.

В цикле песен о городах-героях совершенно особое место занимает Москва. Образ Москвы приобретает символическое значение. Москва — это сердце Родины.

Мы помним в схватках кровавых:
С нами — родная земля,
Московские наши заставы
И древние башни Кремля... (№ 1).

Москва — это символ новой, социалистической отчизны; «Через Москву наш путь в будущее» (Ал. Толстой) — вот в чем пафос этих песен.

Великая Отечественная война явилась серьезнейшей проверкой силы и жизненности нашего общественного и государственного строя. Одним из источников силы нашего государства, важнейшим фактором в деле организации победы была в годы войны организующая роль Коммунистической партии Советского Союза. «В дни Отечественной воины,— говорил И. В. Сталин,— партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков... За время войны партия ещё более сроднилась с народом, ещё теснее связалась с широкими массами трудящихся»1. Осознание этой роли партии отчетливо звучит и в народном поэтическом творчестве военных лет, например, в многочисленных песнях, воссоздающих образы политруков, командиров-коммунистов, верных помощников партии — комсомольцев.

Определяющими чертами образа коммуниста в песенном творчестве является безграничная преданность партии и народу, сознание своего долга перед Советской Родиной. Эти черты раскрываются, например, в образе Клочкова — политрука героического подразделения панфиловцев, преградивших в дни обороны Москвы путь немецким танкам к столице.

Уж десятки подбитых чудовищ горят,
Но слабеют ряды смельчаков.
И встает во весь рост, поднимая отряд,
Большевик и гвардеец Клочков.
«Здесь придется, товарищи, нам умирать,
Будет наша отчизна жива,
Велика ты, страна, но нельзя отступать,
За спиною — родная Москва!» (№ 19)

Солдаты с любовью говорят о своих боевых товаршцах-коммунистах, гордятся их героическими подвигами, видят в них образец для себя. И если коммунист гибнет на своем посту, товарищи по оружию дают клятву продолжать его дело. Такова,

например, сложившаяся в 1942 г. на Южном фронте среди бойцов противотанкового взвода песня о коммунисте В. В. Суркове (№ 2).

Герой одной из популярных армейских песен первого периода войны — рота комсомольцев-добровольцев, готовых мужественно защищать Родину (№ 6).

В разнообразных произведениях фронтового и партизанского поэтического творчества отразилось то сознание постоянной связи с партией и ее вождем И. В. Сталиным, которое было столь характерным в дни войны для каждого рядового бойца Советской Армии.

Особый интерес песен военного периода в том, что высокие идеи эпохи, моральный облик народа выступают в них правдиво, непосредственно и ярко. Любовь и беззаветная преданность Родине, жгучая ненависть к врагу — эти мотивы проходят через все песенное творчество армии, в значительной мере определяя его тематику и образы. В этом отношении особенно характерны припевы походных песен, основным содержанием которых является призыв к отмщению (см., напр., №№ 11, 22).

С еще большей силой призыв этот звучит в песенном творчестве партизан. В песнях партизан встает образ народного мстителя за поруганную фашистами, истекающую кровью Родину.

В партизанских песнях, как и во всем фольклоре Великой Отечественной войны, о защите Родины говорится как об общенародном деле. В этом — источник того глубокого лиризма, которым проникнуты партизанские песни.

Наряду с этим в поэтическом творчестве партизан, звучит тема разоренного родного гнезда, мук и страданий порабощенных людей.

Сознание глубокого единения со своей Родиной, вера в конечную победу проходят лейтмотивом и в песнях узников фашистских лагерей (№№ 82—84).

* * *

В песенном творчестве Великой Отечественной войны на всем протяжении военных лет рядом с героической темой неизменно звучит и тема лирическая.

Эта война, связанная с бездной человеческого горя, естественно, подняла большую эмоциональную волну, нашедшую свое поэтическое выражение в лирических стихах и песнях. Да и носителем этих песен в основном была молодежь со всеми свойственными ее возрасту переживаниями и чувствами. И с первых же дней войны, наряду с песнями о грядущих боях и о готовности на любые жертвы во имя Родины, рождается и другая

песня — песня о разлуке с близкими, о любви, о дружбе.

В лирической песне военных лет характерно именно это слияние тем личных с темами общественного характера. Любовь к милой облегчает бойцу тяготы фронтовой жизни, она дает ему силы в борьбе с врагом, вдохновляет на подвиг (см. песни №№ 47—50, 55—76). Одна из центральных тем фронтовой лирики — любовь и верность.

Таков, по существу, весь цикл лирических песен от «Катюши» Исаковского до произведений безызвестных авторов (№№ 47—50, 55—76). Тема эта в большинстве песен разрешается в плане социальном, патриотическом. Так, в песне «Трубите тревогу, горнисты», возникшей в дни обороны Москвы и быстро завоевавшей большую популярность, герой, уходя на войну, прощается с любимой женщиной. Однако боль разлуки не заслоняет у него сознания своего патриотического долга и чувства связи с коллективом:

Нас тысячи едут в вагонах
Свободу страны защищать...

В дни Великой Отечественной войны фронт и тыл жили единой жизнью, были охвачены одним стремлением победить врага. На фабриках и заводах, в шахтах и рудниках, на транспорте и в сельском хозяйстве шла огромная самоотверженная работа советских людей. Глубокий патриотизм народа нашел свое выражение в поэтическом творчестве широких масс. Одним из характерных примеров является случай со стихотворением Чистова («Просьба», см. комм. № 75). В тысячах ответов, которые сержант Чистов получал на свой призыв:

Девчата Родины моей!
Чтоб в яростной войне
Я стал к врагу в три раза злей,
Пишите письма мне,—

звучит единое настроение, единая мысль, сущность которой выражена особенно ярко в стихотворении девушки-ленинградки:

Все для Родины — ее закон.

Теми же чувствами продиктованы и песни-ответы и песни-письма девушек (см. №№ 71—75).

Мотивы единения фронта и тыла глубоко проникают в поэзию народа.

Так, например, слагается в Уральском добровольческом танковом корпусе песня, в которой фронтовики вспоминают о

подарке уральских рабочих1.

В свою очередь и в тылу создавались песни, которые входили в репертуар фронтовиков.

На завершающем этапе войны новые настроения порождают новую тематику лирической песни. Возвращение на родину, в родной дом, радость встречи с близкими, радость победителя — темы, все чаще и чаще встречающиеся во фронтовой лирике последних лет войны.

Вместе с тем лирические темы, особенно характерные для этого периода, не вытесняют из репертуара бойцов героической песни, которая продолжает звучать и на этом заключительном этапе войны.

На всем протяжении войны каждая часть имела свою походную песню, боевая хроника которой, в связи с блистательными победами Советской Армии, постоянно пополнялась новыми событиями и фактами.

Таков характер, например, «Марша 716-го артиллерийского полка».

Сражались мы под Ельней и Бреслау,
Средь финских скал и Пруссии болот,
И от Москвы зениток наших славу
Все время гордо мы несем вперед... («N 2 17).

«Бить врагов я начал в Сталинграде»,— поется в «Песенке фронтовика», сложенной на одном из участков фронта.

Шаг за шагом отмечает походная песня сражения и победы своего боевого соединения (см., напр., № 14—17, № 106).

В 1945 г. в Германии в танковом корпусе сложился «Походный вальс» на мотив песни Исаковского — Блантера «В лесу прифронтовом». В песне молодого поэта-фронтовика А. Янежича звучит голос Советской Армии-победительницы, всегда готовой встать на защиту родных рубежей.

...Мы с этим вальсом шли вперед
За наш родной народ,
Походный вальс, любимый вальс
Наш гармонист поет.
Про наши встречи, про девчат,
Оставленных вдали,
И про героев — про ребят,
Что до границ дошли;
Что снова мы готовы в бой,
В победный бой идти,

Что в мире силы нет такой,
Чтоб наш удар снести («N* 103).

Огромный исторический интерес представляют песни, посвященные завершающим боям — штурму и падению гитлеровского Берлина:

И вновь знамена русские победы Мы принесли в поверженный Берлин.

Содержание этих строк является лейтмотивом многих песен той поры.

Запечатлен в песнях и великий день победы над фашистской Германией:

Эту песню в Берлине сложили,
Но Россия нам вся подпоет,
Как советский народ шел в последний поход,
Как фашистов в боях разгромили («N* 105).

В дни капитуляции фашистской Германии особую популярность приобретают песни типа «Застольной». Они появляются на различных участках фронта, варьируясь в соответствии с новыми событиями.

Если в годы войны о боевом пути пели в строевой походной песне, то теперь широкое распространение получает застольная песня, темой которой являются воспоминания о пути пройденном. Завязкой для песен этого типа служит момент расставания с боевыми товарищами.

Время пришло, и прощаться приходится
С хлопцами роты штабной.
Выпить бы надо да вспомнить, как водится,
Где мы ходили на бой... (№ 106).

И за рубежом родной земли подолжают звучать песни, возникшие и певшиеся в дни боев за свои города и села.

Характерно, что наиболее популярные фронтовые песни были подхвачены и исполнялись в странах, освобожденных Советской Армией от фашистского рабства. Фронтовики свидетельствуют, что такие, например, песни, как «Огонек», «Катюша», «По долинам и по взгорьям», — пели и чехи, и поляки, и болгары, и румыны и другие народы.

* * *

В докладе на торжественном заседании 6 ноября 1941 г.

товарищ Сталин сказал: «Не может быть сомнения, что идея защиты своего Отечества, во имя чего и воюют наши люди, должна породить и действительно порождает в нашей армии героев, цементирующих Красную Армию, тогда как идея захвата и ограбления чужой страны, во имя чего, собственно, и ведут войну немцы, должна породить и действительно порождает в немецкой армии профессиональных грабителей, лишённых каких-либо моральных устоев и разлагающих немецкую армию»1. Эта закономерность, так четко сформулированная товарищем Сталиным, дает ключ к пониманию поэтических образов песен Великой Отечественной войны.

В этих песнях встает прежде всего образ ее непосредственного участника — воина Советской Армии и народного мстителя — партизана. В ряде песен герой — историческое лицо — назван своим подлинным именем, подчас известным всей стране, как, например, Доватор (№ 21), Черняховский (№ 23), Матросов (№27) и другие. Но часто песня запечатлевает образ и имя местного героя, известность которого ограничивается пределами данного подразделения, части или полка. Таковы песни о снайперах Мозовце (№ 24), Ильине и Гончарове (№ 25), песни-некрологи о полковнике Садыкове (№ 22) и другие. Однако, запечатлевая имя героя и документируя тем самым его подвиг, песня вместе с тем типизирует его образ. В ряде случаев песня, утратив связь с определенным лицом, живет как песня о безыменном герое.

С другой стороны, момент обобщения в песнях настолько силен, а действительность давала такое количество примеров подвига, что часто песня о герое без имени применялась к конкретному историческому лицу, наполняясь живыми фактическими подробностями. Такова, например, песня «В чистом поле, поле под ракитой», которая в соответствующей переделке бытовала в одном из партизанских районов Белоруссии,— ее героем стал местный партизан Михаил Голдышев (№ 90, комментарий).

Герой песен строевых, маршевых — коллектив, собирательное лицо, мощь и мужество которого воспеваются: «И мы идем лавиной несдержимой...» или: «Пусть наша сила громом разразится».

Характеристика этого коллектива в полковых песнях гвардейцев, артиллеристов, танкистов и других дается обычно в общей декларативной форме: «Гвардейцы зря не любят говорить»; «Наш порох сух, снарядов точен лёт»; «Наша воля к победе — из стали» и т. д.

Полковые песни, воспевая своих героев, своих любимых

командиров, называют их имена, указывают точно время и место совершенного ими подвига, сочетая это стремление к исторической точности с патетической приподнятостью тона. Таков характер песен о Доваторе, Черняховском, Садыкове, дающих образ идеального командира; такова и песня о Матросове, доносящая до слушателя пафос героического подвига.

По-иному рисует своего героя лирическая песня того времени. Повесть о том, как «парень молодой» или «паренек в пилотке и серой шинели» проливал свою «кровь горячую» за Советскую Родину, слагается обычно как рассказ очевидца о товарище по оружию, с которым «служили мы вместе во взводе одном».

Определяющие черты центрального образа песен Великой Отечественной войны нашли свое выражение в «Песне разведчика», особенно популярной на Ленинградском фронте:

Мы все — молодые ребята,
Нам Родина счастье дала... (№ 35).

Рядовой представитель советской молодежи, откуда бы ни привела его на фронт война — «из просторных ли цехов» ленинградского завода («Парень с Васильевского острова», № 34), из далекой ли смоленской деревни, («Крутится, вертится»), из селений ли Алтая (№ 72), или «из шахты угольной» в донецких степях, — он хорошо нам знаком и близок. Недаром и в песне поется: «Его не раз встречали вы...» (№ 34); недаром также молодой сталинградский поэт В. Чайка вспоминает об этом лирическом герое как о своем товарище: «Часто казалось нам — рядом парень идет молодой» (№ 36, комментарий).

История его жизни, начало которой воспето еще довоенной песней, развертывается шаг за шагом одновременно с ходом военных событий. Это он стоит «на далекой норвежской границе», он «вышел твердой поступью», «степью украинскою», это он прошел «с ватагою веселой на Кубань, Сиваш и Перекоп», это ведомые им боевые машины прошли «От стен Сталинграда до Прусской земли». Любовь к родной земле, готовность для блага ее к самопожертвованию—основные черты этого образа. Не случайно поэтому старая солдатская песня, прошедшая и через гражданскую войну,— песня о бойце, погибшем, но не выдавшем военной тайны (№ 29), делается одной из самых распространенных и любимых в репертуаре Советской армии.

Образ стойкого и мужественного защитника страны выступает и в песенном творчестве партизан.

Любовь к своему оружию — черта, которую песня выдвигает

как характерную в образе советского бойца.

Ты был настоящий, хороший матрос
И крепко любил автомат...

Снайпер бережет свою винтовку, «как невесту». Эпитеты «родной», «неизменный» обычны в песне в применении к пулемету, автомату, винтовке. Знаменательно видоизменяется традиционный мотив народной песни — прощание с конем в песне танкиста: умирая, герой прощается с танком:

Прощай, любимая подруга,
И ты, любимый конь стальной.

Есть и еще одна черта в этом образе, делающая его особенно живым, доходчивым и близким,— это любовь к песне. Веселый баянист и частушечник с Васильевского острова, и «веселый, как огонь», радист танка, владеющий гармонью, «как заправский баянист», и моряк Черноморского флота, умирающий с любимой песней на устах, и молодой старшина, поющий в теплушке о своем погибшем под Сталинградом друге,— по существу все это черты самого создателя и носителя песни.

В песнях проходят перед нами простые образы молодых представителей различного рода оружия — танкистов, моряков, летчиков, пехотинцев и других. Образ молодого советского человека становится конкретным, обогащается реалистическими подробностями, соответствующими той военной среде, в которой сложилась песня. Чувство живой связи с коллективом порождает столь типичные для современной военной песни темы — боевой дружбы, совместного подвига.

Глубоко жизненны и значительны женские образы песен Великой Отечественной войны. Живо и ярко встает в них образ молодой героини — простой советской девушки, отважной и сильной духом и вместе с тем мягкой и женственной.

Наша Катя пули не боится,
Не боится вражьего штыка.
Катя слово раненому скажет
Так, что в сердце песня запоет,
Катя раны крепко перевяжет,
На руках из боя унесет (№ 51).

В песнях Отечественной войны неизменно проходят два девичьих образа: образ далекой возлюбленной, «любимой и

верной подруги», образ, живущий в воспоминаниях и мечтах юноши-бойца:

«Ты, я знаю, измениться не могла,
Ты, я верю, все такая, как была»,—

и образ героини — активной участницы Великой Отечественной войны. Действительность давала яркие образцы подлинного героизма женщин. По сравнению с песенным фольклором предшествующих войн женский образ современного советского песнетворчества значительно ярче и многограннее. В дореволюционных военных песнях встает привлекательный образ женщины, наделенный чертами сердоболия и терпения, заботливости и материнской ласки к бойцу,— таковы, например, широко распространенные в период Великой Отечественной войны старые песни о медицинской сестре.

В образах современных песен на первый план выступают активные черты женского характера. Героиня прежде всего — соратник мужчины-бойца (см., наир., № 41). Такова и отважная девушка — командир партизанского отряда:

Вражий штаб Катюша окружила И с гранатой бросилась вперед...

Такова и медицинская сестра, выносящая бойца из огня, с поля боя (№№ 51, 57), такова и партизанка, спасающая от гибели своего боевого товарища (№ 98).

В ряде случаев песни связаны с конкретным историческим лицом. Такова, например, получившая широкую популярность в народе песня о «Тане» (Зое Космодемьянской) (№ 92) и песни о местных героинях. В большинстве песен дается обобщенный образ простой, веселой и вместе с тем мужественной и смелой советской девушки, исполненной сознания своего гражданского долга.

Это о ней говорится в песне:
Знаю я, что ты тоже такая,
Ты такая, как весь наш народ,—
Если нужно — работа до пота,
Если нужно — и жизнь отдает.

Таков по существу и девичий образ в песенке «Катюша», столь удачно найденный М. Исаковским.

Песни военного периода как бы продолжают поэтическую биографию любимой героини. Катюша — «девушка простая» песни Исаковского приобретает во фронтовых песнях черты

активного борца за родину.

И не раз фашистов сокрушала,
Защищая Родину свою,
С автоматом девушка простая,
О которой в песенке поют (№ 50).

Жизненность этого образа в том, что в нем раскрывается то высокое представление о женщине, которое живет в сознании советского человека.

Таковы в основном идейное и общественно-историческое содержание и образы песен Великой Отечественной войны. Сохраняя всю свежесть и непосредственность первоисточника, эти песни являются подлинным голосом народа, вставшего с невиданным в истории героизмом на защиту своей Родины и отстоявшего ее. Песни Великой Отечественной войны, столь живо и непосредственно связанные с исторической действительностью, их породившей, так правдиво ее отображающие,— подлинные советские исторические песни.

4

Вопрос о поэтическом стиле современной народной песни теснейшим образом связан с вопросом песенного репертуара. То, что живет в песенном репертуаре народа и в его сознании, как свое,— это и есть тот поэтический фонд, тот запас ритмов, интонаций, поэтических образов, из которого черпает народный поэт в процессе песенного творчества. Как своя, исконная может в равной мере осознаваться и традиционная крестьянская песня, и старая песня литературного происхождения, и вновь освоенная песня советского поэта и композитора.

Наблюдения над песенным репертуаром периода Великой Отечественной войны показывают, что широкому распространению новой песни советского поэта и композитора или возрождению старой народной песни в большинстве случаев сопутствует появление на их основе новых народных песен.

Так, мы имеем свидетельства об исключительной популярности в годы войны песни «Ермак»,— именно на мелодию «Ермака», в его ритмах создается на фронте замечательная песня о подвиге Матросова (№ 27).

Композитор М. Фрадкин вспоминает, как символически звучала в осажденном Сталинграде старая народная песня об утесе Степана Разина (см. № 42, комментарий). В Сталинграде в то же время родится новая песня, в которой образ утеса, в течение более трех четвертей века живший в народном сознании как символ народной мощи и воли к свободе, находит новое

обоснование в фактах победоносной борьбы за Сталинград.

В годы Великой Отечественной войны песня «Раскинулось море широко» приобретает исключительную популярность и делается родоначальницей многочисленных новых песен.

Только глубокое проникновение песни советского поэта в народный песенный репертуар могло породить бессчетное количество новых, возникших в народной среде песен на основе «Катюши», «Огонька», «И кто его знает» — Исаковского, «По долинам и по взгорьям» — Алымова и других.

Вот почему при изучении процесса создания современной народной песни огромное значение приобретают вопросы отбора и творческого использования художественного наследства. Чрезвычайно важно, что отбирает и как интерпретирует современная народная песня песенное наследие прошлого или песенный материал современной советской поэзии.

Вопрос об источниках современной народной песни, разрешаемый таким образом, есть вопрос творческого метода народной поэзии, изучение мировоззрения народа в наши дни.

Критерий отбора песни всегда диктуется жизнью. В армейском и партизанском репертуаре широко бытовали традиционная крестьянская и солдатская песня, старый романс и песня поэтов XIX в., песни гражданской войны и песни советских поэтов.

Новая популярность, которую приобретает старая песня, или успех, выпадающий на долю нового произведения советского поэта и композитора, стоит в прямой зависимости от того, насколько тема, ведущий образ, идейное содержание песни, ее общий тон соответствуют живой действительности, духовным запросам той среды, в которой она должна получить распространение. Это подтверждается фактами из истории песен Великой Отечественной войны. Так, старые народные песни «Ермак,» «Утес», «Варяг», «Кочегар» и другие, возникновение и распространение которых тесно связано с эпохами больших социальных движений (см. наши комментарии к этим песням), приобретают особую популярность среди армейцев и партизан в годы войны.

Причина заключается, несомненно, в том, что в песнях этих народов воспеты идеалы любви к родине, воинской доблести и долга, что в них звучит революционный пафос, протест против всяческого угнетения и любовь к свободе — мотивы, получившие особое значение в годы войны. Вот почему, например, песню «Ермак» «пели как традиционную песню казаки Сибирского казачьего войска во все времена, и пели наши сибиряки — герои, воины сибирских дивизий, отправляясь на фронт для борьбы с

озверевшим фашизмом».

Особая популярность, которой в партизанских отрядах, боровшихся против фашистских захватчиков, пользовались песни гражданской войны, объясняется, несомненно, спецификой условий партизанской борьбы.

По тем же причинам традиционная народная женская песня о тяжелой доле на чужой стороне возрождается в неволе фашистских лагерей, так же как и старая тюремная песня.

Следует при этом отметить, что мелодия песни играет немалую роль в ее популярности. Лирическая концепция песни, ее ведущий образ получают свое полное выражение в поэтическом комплексе, который создается словом и мелодией. Так, например, образ простора и свободы звучит не только в словах запева «Раскинулось море широко», но и в его мелодии. Популярность и народность песни о Катюше создается не только правдивым образом простой советской девушки, но и самой мелодией песни.

Совершенно естественно, наконец, возрождение в Советской Армии лучших старых солдатских или казачьих походных песен с характерными для этого жанра маршевым ритмом и мелодией (см., напр., №№ 18, 29).

Совершенно исключительной популярностью в годы войны пользовались песни советских поэтов и композиторов. Материалы настоящего сборника, другие публикации и богатые архивные собрания песен Великой Отечественной войны, а также свидетельства самих фронтовиков говорят о широком распространении песен Исаковского, Лебедева-Кумача, Суркова, Долматовского, Алымова и других поэтов (см. наш указатель).

Современники и непосредственные участники совершающихся событий, поэты и композиторы создают в годы войны песни с тематикой и образами большой жизненной действенности, которая и явилась одной из основных причин популярности их песен.

Волнующие близкие темы песен — любовь и верность («Катюша», «Огонек», «Морячка», «Моя любимая»), ненависть к врагу («Каховка», «Крутится, вертится», «Незримая рана»), воспоминания о родном доме, о семье («В лесу прифронтовом»), образы простой советской девушки — военной подруги («Катюша», «Я помню ночь осеннего привала»), народный мститель — партизан («Возле рощи густой», «Что ты смотришь, родимый товарищ» и др.) — принимались как свои, быстро забывался подлинный автор песни, и авторство приписывалось уже боевому товарищу.

К герою песни привыкали, как к живому человеку, своему сверстнику (см. № 36, комментарий). Песни глубоко волновали,

вызывали желание на них ответить (см. №№ 58—60, 62 и др.).

Песни советских поэтов прочно вошли в армейский репертуар еще и потому, что творчество их всеми своими корнями связано с устно-поэтическим народным творчеством. Народность поэтического языка, образов, идейного содержания песен советских поэтов-песенников были основной причиной полного освоения их песен народом.

Освоение армейским репертуаром традиционной народной или литературной песни, современного или дореволюционного автора, выражается также и в стремлении ощутимо увязать песню и с переживаемым, вводя в нее подлинные имена, географические и другие обозначения. Действительность не только корректирует отбор песенного репертуара, но властно вторгается в текст песни. События действительности вступают во взаимодействие с мотивами и образами хорошо известной песни, в результате чего возникает то, что обычно называют песенной переделкой, но что, по существу, в большинстве случаев является новой песней на основе старой мелодии.

Факт рождения новой песни на основе песни известной определяется теми же причинами, как и возрождение или рост популярности песни.

Необычайно широкое использование в годы войны популярных песен при создании новых объясняется не только условиями поэтического творчества в обстановке фронта, но исключительной созвучностью отдельных современных народных песен и песен советских поэтов переживаемому моменту. Анализ идейного содержания, тематики и образов песен Великой Отечественной войны обнаруживает свежесть и самостоятельность творчества народных поэтов, создавших свои, новые песни о событиях и людях Великой Отечественной войны.

Обращение при создании новой песни к ритмам, мелодии, образам популярных песен в равной мере характерно и для песнетворчества советских профессиональных поэтов.

Как безыменный народный поэт, создавая «Бескозырку» на мотив «Раскинулось море широко», вкладывает строки этой старой матросской песни в уста своего героя («В бреду черноморец-моряк напевал: «Раскинулось море широко»), — точно так же Е. Долматовский, рассказывая о побеге из плена в одной из глав своей поэмы «Пропал без вести» (Е. Долматовский! Стихи, песни, поэмы. М. 1951, стр. 261—263), переходит на дактиль старой народной песни о беглеце — сибирском бродяге и как рефрен повторяет слова:

Хлебом кормили крестьянки меня,

Парни снабжали махоркой.

Точно так же использует М. Исаковский ритм и строки старого городского вальса «Крутится, вертится шар голубой» в известной своей лирической поэме, и параллельно, отправляясь от того же источника, безыменный поэт создает сатирические куплеты на мотив «Крутится, вертится». В творческой памяти советских поэтов в годы войны часто возникают слова и ритмы старой песни эпохи англо-бурской войны «Трансвааль». Ее перефразирует Илья Френкель («Донбасс, Донбасс, страна моя, горишь ты вся в огне»); ее использует А. Сурков в «Песне о слепом баянисте», как лейтмотив, проходят ее строки в «Песне о Родине» М. Исаковского.

Некоторые песни порождают одну-две новых песни. На основе других родится такое количество песенных новообразований, что эти песни могут справедливо быть названы песнями-родоначальницами. Такие произведения, как песни советских поэтов: «Землянка» — Суркова, «Катюша», «Огонек», «И кто его знает» — Исаковского, «Моя любимая» — Долматовского, «Партизанская» — Алымова и некоторые другие, имели совершенно исключительное значение в деле создания новых песен фронта.

При создании новой песни на основе другой, хорошо известной, используются или целиком сохраняются те композиционные ее части, которые заключают в себе ведущий образ или мотив, благодаря которым песня сохранила или вновь приобрела популярность. Так, например, часто сохраняется запев. Это происходит не оттого, что песня начинается с запева, почему он и лучше запоминается, а потому, что в большей части песен в запеве заключается экспозиция ведущего образа песни или ее основного настроения. Так, не случайно сохраняет песня о Матросове на мотив «Ермака» строки запева «Думы» К. Рылеева, сопоставляющие картину суровой природы с героическим подвигом человека. Не случайно песня о гибели отважной пятерки героев Севастопольского полка начинается с запева старой песни, заключающего в себе символический образ скорби: «Что затуманилась, зоренька ясная, пала на землю росой»,— расширяя ее диапазон до большой гражданской скорби бойцов о погибших товарищах-героях.

Указание, что песня исполнялась на старый песенный мотив, нельзя рассматривать как свидетельство неизменности ее мелодии. Фонограммы и нотные записи песен Великой Отечественной войны дают достоверный материал для суждений по этому вопросу. Мелодия, как и текст, претерпевает

видоизменения, и то основное, что сохраняет текст новой песни из песни-родоначальницы, находит свое выражение и в мелодии.

Песни Великой Отечественной войны знаменуют собой то органическое взаимодействие литературы и фольклора, которое так характерно для народного устно-поэтического творчества советской эпохи. Песни военных лет в подавляющем своем большинстве зафиксированы в огромном количестве вариантов, сложившихся в процессе бытования — часто на протяжении всей войны — в различных военных коллективах, на различных участках фронта, в различных районах и областях нашей страны. Отдельные фронтовые и партизанские песни приобретали иногда большую и устойчивую популярность в тылу. Как уже отмечалось выше, многие песни дали большое количество новообразований, представляющих самостоятельные по своему сюжету и идейному содержанию произведения, бытующие в свою очередь в разнообразных вариантах. Этот процесс чрезвычайно характерен для современного песенного фольклора.

Песни, вызванные к жизни событиями и переживаниями военных лет, отнюдь не были только песнями-однодневками. Многие из них прошли через всю войну, и, как обнаружили экспедиции последних лет, продолжают свою жизнь в широких народных массах1.

Изучение истории песен Великой Отечественной войны показывает, что в создании новой фронтовой и партизанской песни в равной мере принимали участие профессиональные и непрофессиональные поэты. В годы войны, в обстановке фронта, партизанского отряда творческая деятельность авторов обеих категорий взаимно дополняла друг друга. Граница между поэтами-песенниками профессионалами и начинающими фронтовыми создателями песен легко переходима. Путь от поэта, известного лишь определенному подразделению, до поэта, печатающегося в центральных органах печати, был пройден многими авторами наших песен. Так, например, песню «Добровольно в строй мы встали» сочинил в 1941 г. красноармеец С. Гудзенко, бывший студент Института философии и литературы, известный в настоящее время как профессиональный поэт. Далеко за пределы ансамбля Западного фронта вышла известность поэта Г. И. Фроловского, автора текста известной песни композитора А. Новикова «Ветер студеный» (№ 78).

Вместе с тем изучение лица носителя песни Великой Отечественной войны показывает, что знаток и любитель песни в армейской и партизанской среде и ее профессиональный или' непрофессиональный создатель близки друг к другу. Это представители того могучего поколения советских людей,

которое в суровую годину войны грудью своей защитило завоеванное отцами, тех патриотов, у которых был общий враг, единая цель борьбы, одна Родина. Это представители советского народа — народа-воина и поэта, подлинного и единственного автора песен Великой Отечественной войны.

В. КРУПЯНСКАЯ, С. МИНЦ

ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

☆

1

ВПЕРЕД, ДИВИЗИЯ

Гремит боевая тревога,
И в сумрак июльских ночей
По старым московским дорогам
Проходят полки москвичей.
Припев:
Вперед, дивизия!
Моя дивизия!
Твое оружие отточено в бою.
Вперед, любимая, Неустрашимая,
Вперед — за Сталина,
За Родину свою!
В те дни враг пытался расширить
Стремительный танков прорыв,
Но стали полки у Каширы,
Сердцами столицу прикрыв.
Припев.
Мы помним в схватках кровавых

С нами — родная земля,
Московские наши заставы,
И древние башни Кремля.
Припев.
И время летело, как в песне,
В стремительном марше полков.
С боями прошли на Алексин,
С боями заняли Венев.
Припев.

Дороги уходят на запад,—
Иного пути у нас нет.
А ветер доносит с Арбата Далекий столицы привет.
Припев.
За жертвы, за пепел пожарищ Нам ненависть в сердце стучит...
Откуда б ты ни был, товарищ,
По сердцу мы все москвичи!
Припев.

Марш дивизии народного ополчения Киевского района Москвы сложен в феврале 1942 г., в деревне Юрино, Смоленской области, в период боев за Варшавское шоссе.

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 1).

По воспоминаниям участницы Великой Отечественной войны Н. Семовской, служившей в этой дивизии, текст песни был напечатан во фронтовой газете «В бой за Родину» в феврале — марте 1942 г. «Музыку мы получили позже,— пишет она.— Вначале эта песня исполнялась только дивизионным ансамблем, а примерно, в апреле — мае песню стали разучивать и в подразделениях. Песня — марш, и в первый период своего появления на свет она и играла только роль марша. Однако потом она пелась уже не только на маршах. Москвичей в дивизии становилось все меньше, дивизия «разбавлялась» пополнениями, бойцы-новички не знали истории части. И я вспоминаю, как иногда, когда на привале пелась эта песня, ребята-москвичи обращались ко мне с вопросами, часто совершенно неожиданными: «А ты помнишь Крымский мост? Ведь я около него живу», — или: «Ты была в Большом театре?» Эта песня навевала воспоминания о Москве. И чем дальше мы шли, тем дороже становилась она нам. Поэтому и любили мы петь эту песню.

Только третью строфу мы пели так:

Мы помнили в схватках кровавых:
За нами — родная земля,
Московские наши заставы
И древние башни Кремля.

И, кроме того, за первой строфой шла такая:

Нам тяжесть походной котомки
Широких плечей не согнет,—
Шагает профессор с Волхонки,
И слесарь с винтовкой идет».

(Из воспоминаний Н. Семовской, 1948 г., Архив Гос. лит. музея).

НАША ПЕСНЯ

В октябре, в непогоду
Сорок первого года,
Враг прорвался к столице родной.
Мы за город, где Сталин,
Добровольцами встали
Неприступной и грозной стеной.
Припев:
Зовет на бой нас родная столица,
Зовет на бой нас великий народ.
И будет вождь москвичами гордиться.
Вперед, товарищи, на Запад вперед!
В октябре, днем и ночью,
В батальоны рабочих
Шли сражаться отцы и сыны,—
За родные просторы,
За Кавказские горы,
За могучее сердце страны.
Припев.
И в предгорьях Валдая
Мы врага побеждаем,
Как когда-то в полях под Москвой.
Ведь за город, где Сталин,
Мы с оружием встали
Неприступной и грозной стеной.
Припев.

Песня 53-й гвардейской дивизии, сформированной в октябре 1941 г. из рабочих коммунистических батальонов Москвы.

Песня отражает боевой путь дивизии: октябрь — ноябрь — подступы к Москве, далее — Калининский и Северо-Западный фронты. Автор песни — старший лейтенант В. Ермаков. Ему принадлежит большое количество стихотворений, публиковавшихся во фронтовой газете «Вперед на Запад». Музыка — красноармейца Б. Айзенмана. 1942 г.

(Из фондов Гос. история, музея. Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 5).

ПЕСНЯ 1-й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ

Броня от частых выстрелов дрожала.
Шел жаркий бой с фашистскою ордой,
Звенела песня, и вперед бежала
Дорога нашей славы боевой.
Припев:
Вперед, гвардейцы, сломим все преграды,
Мы рождены, чтоб в битвах побеждать.
Чужой земли ни пяди нам не надо,
А нашей — никому не отобрать!
Нас в бой послал народ страны родимой.
Он дал наказ: «Ты будь к врагу суров!»
И мы пошли лавиной несдержимой,
Нас в бой ведет товарищ Катуков.
Припев.
Мы под Орлом себе добыли славу
И похвалу наркома под Москвой,
Гвердейцев знамя носим мы по праву,
Гордится нами Сталин наш родной.
Припев.
Наш Сталин — знамя, с ним мы побеждаем,
Наш порох сух, снарядов точен лёт,
Броня крепка и сердце крепче стали,
Неукротим и меток пулемет.
Припев.
Мы будем бить нещадно и сурово,
Крушить врага заклятого, громить.
Вовеки наше нерушимо слово.
Гвардейцы зря не любят говорить.
Припев.

Нас в бой послал народ страны родимой,
Он дал наказ: «Ты будь к врагу суров!»
И мы идем лавиной несдержимой,
Нас в бой ведет товарищ Катуков.

Припев.

Песня танковой бригады, сражавшейся в октябре — ноябре 1941 г. на подступах к Москве. Песня сложена в начале 1942 г. Она вошла в репертуар «катуковцев» — бойцов танковой бригады, одержавшей под командованием генерала М. Е. Катукова ряд побед. Слова и музыка — старшины Фокина и заместителя политрука Гурьева.

Записана старшим научным сотрудником Гос. историч. музея О. А. Блюмфельд во время ее поездки в 1-ю гвардейскую танковую бригаду в сентябре 1942 г.

(Из фондов Гос. историч. музея. Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор»,

№ 2).

По сведениям, полученным в 1945 г. от бывшего механика-водителя, сражавшегося на 1-м Белорусском фронте, С. И. Калинина, эту песню, под названием «Катуковская», пели постоянно в строю.

В книге Я. Л. Лифшица «1-я гвардейская танковая бригада в боях за Москву», М., 1948, мы находим свидетельство, что эта песня сложилась под новый 1942 год: «Гурьев и Фокин,— сообщает Лифшиц,— сочинили песню о 1-й гвардейской танковой бригаде и сами подобрали музыку к ней. Мигом товарищи разучили новую песню, сразу ставшую родной».

Когда броня от выстрелов дрожала
В боях за Родину с фашистскою ордой,
Отсюда Первая берет свое начало,
Свой славный путь победы боевой.
Нас в бой послал народ страны великой,
Он дал наказ: «Ты будь к врагу суров!»
Мы в бой идем и бьем врага жестоко,
Нас в бой ведет любимый Катуков.
Мы под Орлом себе добыли славу,
Хвалу наркома — под родной Москвой.
Нам Сталин имя дал — танкист-гвардеец,
Награды выдал Сталин нам родной.
Мы с песней в бой идем и побеждаем,
Наш порох сух, снарядов точен лёт,
Броня крепка и сердце крепче стали,
Без устали врага бьет пулемет.

Этот приведенный в книге Лифшица текст (см. стр. 238—239) является, видимо, первоначальным вариантом публикуемой нами

песни.

ПЕСНЯ ПЯТИДЕСЯТОЙ АРМИИ

На грозный бой мы посланы Москвою,
Там Сталин наш, там братья и отцы,
И мы всегда, всегда готовы к бою
Пятидесятой армии бойцы.
Припев:
Нами путь суровый пройден,
Смело мы пойдем вперед,
Генерал наш храбрый Болдин
В наступленье поведет.
На нас с надеждой вся страна взглянула,
Как сыновей нас обняла она,
Когда врагами скованная Тула
Была упорством нашим спасена.
Припев.
Разбили мы войска Гудериана,
Преодолев мятели и снега,
Мы шли вперед, и Ясная Поляна
Была отбита нами у врага.
Припев.
Мы шли вперед от Тулы до Калуги,
Тесня врагов на запад вновь и вновь.
К винтовкам примерзали наши руки,
Мороз свирепый леденил нам кровь.
Припев.
Врагов мы гнали по полям и склонам,
Мы били их в глубоком снежном рву,
И защитили мы стальным заслоном
Родную нашу матушку-Москву.

Текст сообщила А. К. Мореева, записавшая эту песню в 1943 г. на Западном фронте. Исполнялась армейским ансамблем как походная песня 50-й армии. Текст Швецова, музыка Данилова.

МАРШ ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВОЙ ОТДЕЛЬНОЙ ЗЕНИТНО - АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ

У стен Москвы стоят, как часовые,
Родные наши грозные полки.
Мы помним дни сражений огневые,
К столице рвались хищные враги.
«Стоять на смерть!» — отчизна нам сказала.
«Не пропустить!» — гремел приказ в полках.

Любовь к Москве сердцами управляла, Столицу отстояли мы в боях.

Припев:
Воздух! Дивизия стальная,
К бою! Столичная, родная!
Встретить врага огневой стеной.
К бою, вперед! Враг не пройдет!
Враг не пройдет к Москве родной!
Мы дали клятву: «будем тверже стали»,—
Когда к столице двинул танки враг.
За нами Кремль, за нами маршал Сталин,—
Умрем, но не отступим ни на шаг!
В огне, в дыму, под грохот канонады
Мы знамя свято пронесли в бою,
Сжигали танки меткие снаряды,—
Столицу отстояли мы свою.
Припев.
У стен Москвы стоят, как часовые,
Родные наши грозные полки,
Нас ждут еще сраженья огневые,
Но не пройдут к родной Москве враги.
Пусть наша сила громом разразится,
И наша клятва в битвах оживет.
Рожденная в сраженьях за столицу
Дивизия в бою не подведет.
Припев.

Песня московских зенитчиков. Была распространена в период 1942—1943 гг. Текст красноармейца-зенитчика т. Ховкина, музыка — красноармейца Барама. Запись — научного сотрудника Гос. Лит. музея Н. И. Панкратовой, июнь 1943 г. (Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 9).

6

Добровольно в строй мы стали,
Мы на бой с врагом пойдем.
Нас ведет товарищ Сталин,
Наш отец и наш нарком.
Наша рота — рота комсомольцев
Разгромит врага в боях.
По отчизне пронесется
Слава о ее делах.
И в боях под Ленинградом
И под Киевом родным

Разгромим фашистских гадов,
Их полки развеем в дым.
А ночами под Одессой
За отцов и матерей
Партизаны бьют из леса
По врагам страны своей.
К нам фашисты шли с мечтами
В ордена украсить грудь,
Но могильными крестами
Свой они покрыли путь.
За вождем вперед лавиной
Мы по всем фронтам пройдем
И по улицам Берлина
Флаг советский пронесем.

Песня сложена С. Гудзенко в период боев за Москву. По воспоминаниям преподавателя Челябинского педагогического института В. Е. Гусева (бывшего политработника Особой добровольческой части, сформированной в 1941 г. преимущественно из комсомольцев Москвы), песня была чрезвычайно популярна в этой части. Она пелась как строевая на мотив широко известной армейской песни «Школа младших командиров». «В напряженные дни обороны Москвы, октябрь — ноябрь 1941 г.,— вспоминает В. Гусев,— эта песня часто звучала на улицах столицы. Ее пели с особым подъемом, так как это была «своя» песня, она как бы знакомила москвичей с исполнявшими ее бойцами. Песня одновременно была обращена к москвичам и всем своим содержанием выражала уверенность в победе над врагом. Последняя строфа песни лучше всего формулировала это чувство, и поэтому конец песни исполнялся с огромным воодушевлением. Мы не раз были свидетелями, как москвичи, проходившие мимо, останавливались специально для того, чтобы прослушать нашу песню, и их внимание лучше всего говорило о силе впечатления, которое она производила».

(Из материалов Гос. лит. музея 1947 г. (Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 4).

7

НАША ПОЛКОВАЯ

Нам Остапенко прикажет,
Будем с честью выполнять,
тобы слава нашей части
По стране могла звучать.
Припев:

Мы, остаповцы лихие,
Метко будем бить врага,
Истребителям фашистов
Честь и слава дорога.
Наш снаряд пойдет недаром,
Цель найдет он на пути,
Доты, дзоты и траншеи—
Все сметет с лица земли.
Припев.
Отступающих фашистов
Мы осколочным добьем.
И под знаменем советским
До Берлина мы дойдем.
Припев.
Наше знамя полковое
Мы с боями пронесем
И по площадям Берлина
Твердым шагом мы пройдем.
Припев.

Строевая песня. Поется на мотив «Тачанки» М. Рудермана — К. Листова. Песню сообщили в сентябре 1945 г. парторг подразделения старший сержант Шаповалов и комсорг старший сержант Мохов. По их свидетельству, песня пелась до последних дней войны. По сравнению с публикуемым текстом в вариантах, возникших в последний период войны, были изменены вторая строка припева и последний куплет песни, которые стали петься: «Били метко мы врага» и «Наше знамя полковое мы с боями пронесли, и по площадям Берлина твердым шагом мы прошли».

(Архив Института этнографии АН СССР).

8

ПЕСНЯ О ВЕЛИКИХ ЛУКАХ

Вспомним, братцы, мы жизнь фронтовую
На Калининском фронте своем,
Дружно песню споем боевую
И о городе русском споем.
Припев:
Бей врага винтовкою,
Русскою сноровкою!
Крепче бей и пули не жалей!
Славен город Великие Луки,
Славен древней своей сединой,
Перенес он тяжелые муки,

Ранен город, наш город родной!
Припев.
За него мы в атаки ходили,
Дом за домом мы брали в бою
И фашистскую гадину били
За Россию, за землю свою!
Припев.
В эти дни, дни сурового боя,
Штурмовали мы гнезда врага,
Отбивали Великие Луки,
Вражьей кровью поили снега.
Припев.
Не забудем мы славы гвардейцев,
Нашей армии грозных частей,
Что громили укрытья фашистов
Сильной техникой русской своей.
Припев.
Все, кто счастье свободы узнали,
Покорены не будут вовек,
Наша воля к победе из стали,
С нами Сталин, родной человек.
Припев.

Песня сложена участником фронтового ансамбля И. Миценко в январе 1943 г., вскоре после освобождения Великих Лук. Пелась бойцами в строю. Записана В. Ю. Крупянской в госпитале № 913 в Москве.

(Впервые песня была опубликована во фронтовой газете Калининского фронта «Вперед к победе», N° 130, 22 августа 1943 г.).

9

Мы в битвах с врагами любимой Отчизны
Прославили грозный наш полк боевой.
Не зная усталости в подвигах ратных,
Шагали единой армейской семьей.
Припев:
Вперед, Краснознаменная,
В авангарде Двадцать шестой,
За Сталина, за Родину,
Отважные воины, в бой!
По скалам гранитным, лесам и болотам,
По пояс в холодной воде,
Мы шли, за плечами с родным пулеметом,

Врагу не давая покоя нигде.
Припев.
Очистив родную карельскую землю,
На Север далекий с боями пришли,
И здесь, в Заполярье, мы так же отважно
Священное знамя полка пронесли.
Припев.
Герой Хорошилов, Исаев и Крамник,
Жиребеенко, Л ютов — всегда впереди.
Мы славим их имя, как наших героев,
Как воинов славных Советской страны.
Припев.
Нас Сталин Великий в приказах прославил,
Салюты Москвы доходили до нас,
Медаль Заполярья — вот наша награда,
Солдатскую грудь украшает сейчас.
Припев.

Строевая песня заполярников. По словам сержанта М. Майорова, с этой песней «он прошел сквозь годы войны». «Она была у заполярников в силе в каждой части»,— сообщает Майоров в своем письме 11 августа 1945 г., адресованном в Институт этнографии Академии Наук СССР.

(Архив Института этнографии АН СССР).

10

БЕЙ, СЕМЬСОТ ДЕСЯТЫЙ!

Над Родиной песня летит не смолкая
О славе родного полка,
О людях чудесных, о стойких и честных,
В песне услышит страна.
Припев:
Бей, семьсот десятый!
Запомнит враг проклятый
Огонь твоих зенитных батарей,
В боях ты возродился,
В сраженьях закалился,
Стоишь на страже Родины своей.
В трудных походах по топи и грязи
Твои батареи прошли,
Не зная устали, врага истребляли
Отважные люди твои.
Припев.
Никто не забудет Лычково и Пено,

Полу, Фанзавод и Ловать,
Огней точной трассы...
Стервятники-ассы
Назад не могли улетать.
Припев.
Твой труд оценили, награды вручили
Твоим командирам, бойцам
За стойкость и смелость, за храбрость, умелость,
За точность в стрельбе по врагам.
Припев.
И снова, как прежде, стоишь ты на страже,
Не спят батареи твои,
По первому зову вождя и наркома
Мы ринемся снова в бои.
Припев.

Сообщил красноармеец И. А. Павлов 5 августа 1945 г. в письме, адресованном в Институт этнографии Академии Наук СССР.

Строевая песня 710-го артиллерийского полка. Полк формировался на фронте, под Лычковом, в период массированных налетов вражеской авиации. Упоминаемые в песне фанерный завод, реки Пола и Ловать — районы ожесточенных боев, в которых нолком было уничтожено много вражеской техники и живой силы. Песня создалась в самой части и явилась откликом на боевые успехи полка. Автор текста не установлен, музыка красноармейца тов. Охотника.

(Архив Института этнографии АН СССР).

11

Ведет в атаку смело и отважно
Майор Акулов первый батальон,
Ведет туда, где грохот минометов,
Где немец яростно ведет огонь.
Припев:
Мстим за комбата всегда, всегда!
Везде и всюду мы бьем врага.
За нашу Родину, за наш народ
Наша гвардейская идет вперед!
Нам не забыть поля наши родные,
Где день и ночь дралися мы с врагом,
И под дождем в сырых окопах тесных
Комбат был с нами вместе под огнем.
Припев.

Нам не забыть Авдеевку родную,
Фашисты «тигров» бросили на нас.
Гвардейцы стойко сдерживали натиск,
Исполнив с честью, с доблестью приказ.
Припев.

Строевая песня 12-й гвардейской мехбригады. Записана В. Ю. Крупянской в декабре 1943 г. в одном из московских госпиталей (Архив Гос. лит. музея).

Песня пелась на мотив «Дальневосточной»; сложена мичманом А. И. Чебановым, командиром танка Т-34 в августе 1943 г. Майор Акулов, 24 лет, трижды орденоносец, погиб в 20-х числах июля 1943 г. в бою под Каменным логом (Белгородское направление), где его батальон в течение нескольких суток сдерживал натиск двух механизированных немецких дивизий. Авдеевка — крупный населенный пункт на Белгородском направлении, где 7 июля 1943 г. началось наступление наших войск.

12

СИМБУХОВЦЫ

Слушай, казак молодой, клич боевой:
Крепче клинок удалой, смелее в бой!
Честь по-гвардейски храни,
Знамя полка береги.
Симбуховцы бьются, как львы.
Ай-да казаки!
Двадцать девятый в бою не подведет,
Путь для отважных в бою — только вперед.
В Ровно и Дуб но дрались,
К славной победе рвались,
Эскадроны вихрем неслись.
Славы гвардейской своей, конник лихой,
Мы не уроним с тобой, друг боевой!
Помни, товарищ, бои,
Где друзья полегли За свободу отчизны своей.
Слушай, казак молодой, клич боевой:
Крепче клинок удалой, смелее в бой!
Честь по-гвардейски храни,
Знамя полка береги!
Симбуховцы бьются, как львы.
Ай-да казаки!

Песню сообщил в сентябре 1949 г. бывший фронтовик, в настоящее время рабочий-машинист Петр Тихонович Вешняков.

Песня возникла в гвардейском кавалерийском полку, которым командовал гвардии подполковник т. Симбуховский, погибший в бою. Песня «Симбуховцы», по свидетельству т. Вешнякова, была любимой песней полка, «пелась торжественно, хором». Автор текста неизвестен.

(Архив Гос. лит. музея).

13

Ой, как шли по снежным перекатам,
На знаменах развевался алый шелк,
Запевай про двести сорок пятый,
Никогда не отступавший полк.

Стороной угрюмой и овражной
Проходили утром рано сквозь туман.
Вел вперед нас Кравченко отважный,
Боевой любимый капитан.

Заметали снежные поземки
Потайные тропочки кругом,
Трое суток жили мы в воронке
Под сыпучим снегом и песком.

Нынче час суровый и нещадный:
За отчизну мы сражаемся с врагом
И в боях за Сталина родного
Бьемся и гранатой и штыком.

Мы клянемся все на поле боя,
Что фашистов беспощадно истребим
И родное знамя полковое
В грозных битвах с честью отстоим.

Записал С. Красноштанов в 1949 г. в с. Красноярово Усть-Кутского р-на, Иркутской области. По словам собирателя, фронтовые песни стали известны в селе от бывших участников Великой Отечественной войны.

(Из материалов С. Красноштанова; Архив Института этнографии АН СССР).

14

ПЕСНЯ ТАЦИНЦЕВ

В степях Сталинграда густые снега,
Дороги метель заметает.

Товарищ, сегодня идем на врага,
Атаки пора наступает.

Припев:
Вперед, тацинцы, вперед!
За край дорогой, за народ.
Наша слава — гвардейское знамя!
Сталин к победе ведет.

Пусть девушки песни сегодня поют
О славных делах в поле чистом,
Ведь сердце не дрогнет в жестоком бою,
Орлиное сердце танкиста.
Припев.

И если сраженный не сможет пойти
В атаку с бойцом-пехотинцем,
Запомнят друзья, что в последнем пути
Он был настоящим тацинцем.

Припев.
Гвардейская слава летит по земле,
Летит точно звонкая птица.
По грозным ударам, по белой стреле
Враги узнавали тацинцев.

Припев.

В глубоких сугробах и в знойной пыли,
Сквозь рвы и преграды, и мины,
От «стен Сталинграда до прусской земли
Прошли боевые машины.

Припев.

Текст Г. И. Фроловского, музыка — гвардии капитана Прагина. По сообщению автора, песня сложена им 10 апреля 1945 г. в Восточной Пруссии; входила в состав литературного монтажа «Тацинцы», отразившего боевой путь 2-го гвардейского тацинского танкового корпуса от Сталинграда до Кенигсберга. Стала боевой песней танкистов.

(Архив Гос. лит. музея).

Г. И. Фроловский, бывший фронтовик, участник ансамбля Западного фронта, 1915 г. рожд., уроженец Чкаловской области.

Гражданская профессия — театральный работник, певец и чтец. Автор литературных монтажей, стихов и песен. Автор текста песни композитора А. Новикова «Ветер студеный», получившей Сталинскую премию. (Тексты его песен см. №№ 19, 20, 21, 23, 64, 66, 78).

15

ГВАРДЕЙСКИЙ МАРШ

На Днепре и у Южного Буга,
Вдоль суровых, крутых берегов
Гнали немцев мы с песней-по друг ой
Под знаменами славных полков.

Припев:
Вперед! Горнист, труби в поход!
Отчизна в бой зовет.
На Запад! С новой силою
В бой за Родину, вперед!

Клятве верен, пощады не зная,
С волжских вод до подножья Карпат,
К берегам голубого Дуная
Шел с победою русский солдат.

Припев.

По бурливым речным переправам
Ветер носит доныне с волной
О гвардейцах Шумилова славу,
О геройской семье боевой.

Припев.

Звезды в небе по-новому светят,
Пламя радости в наших сердцах,
И крылатое слово —
Победа Русский воин несет на устах.

Припев:
Победный марш играй, горнист! Закончен наш поход,
Навеки славит воинов-Победителей народ.

Марш гвардейского соединения генерал-полковника М. С. Шумилова.

Боевая песня армии, входила в программу красноармейской самодеятельности, пелась в походах.

Текст сообщен гвардии старшим лейтенантом И. Н. Кривохатским, являющимся его автором, музыка гв. старшины Я. Кунаева. В процессе наступательных боев армии— от Днепра до Праги — песня видоизменялась. Публикуемый текст представляет собой последний вариант песни.

(Текст, с приложением нот, опубликован в сб. «Десять красноармейских песен», изд. Политотдела армии, 1945, стр. 32, 33).

Близкий вариант этой песни опубликован в сб. «Уральский фольклор», Свердловск, 1949 (стр. 106, № 92) с указанием, что песня под названием «Кантата о гвардейцах» была создана в Бессарабии в конце 1944 г. в частях 2-го Украинского фронта рядовым Протасовым:

На Днестре и у Южного Буга,
Вдоль суровых крутых берегов,
Гнали немца мы с песней-подругой
Под знаменами славных полков.

Припев.

Вперед, полки гвардейские,
Отчизна в бой зовет.
На Запад с новой силою
В бой за Родину — вперед!

Повидимому, в данном случае мы имеем дело с одним из этапов освоения авторского текста песни воинским коллективом. В процессе этого освоения текст может значительно изменяться и даже приписываться другому автору.

16

ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ ВОИНОВ-ГВАРДЕЙЦЕВ

Мы пришли под Сталинград,
Люди с Дальнего Востока,
Бить заклятого врага
Беспощадно и жестоко.
Все преграды у Днепра
Наше мужество сломило,
Нас недаром на врага
Командарм водил Шумилов.
Память предков дорога,—

Как Суворова солдаты,
Мы преследуем врага,
С боем все прошли Карпаты.
Чтобы славилась вовек
И жила страна родная,
Наш советский человек
Шел от Волги до Дуная.
Бой утих, и враг разбит,
Гневом пламенным палимы,
Знамя славы водрузим
Над поверженным Берлином.

Текст сообщен гвардии старшим лейтенантом И. Н. Кривохатским.

Песня гвардейского соединения генерал-полковника М. С. Шумилова. Исполнялась армейским ансамблем песни и танца и коллективом красноармейской самодеятельности дивизии. Автор — участник сталинградской обороны, гвардии старший лейтенант И. Козленко; музыка гвардии лейтенанта Лифанова. В песне отражены настроения армии в дни штурма Берлина.

Текст, близкий к публикуемому, с приложением мелодии, опубликован в сб. «Десять красноармейских песен», изд. Политотдела армии, 1945, стр. 34—35.

17

МАРШ СЕМЬСОТ ШЕСТНАДЦАТОГО ПОЛКА

Прошли мы с боями от Волги и до Нейсе,
Наш ратный путь был долог и тяжел,
И славим мы в походной нашей песне
Семьсот шестнадцатый зенитный полк.

Припев:
Стволы орудий грозно вверх подняты,
Врага мы встретим тысячами трасс.
Мы — одерцы, мы Родины солдаты,
Ей все мы отдали в тяжелый час.

Сражались мы под Ельней и Бреслау,
Средь финских скал и Пруссии болот,
И от Москвы зениток наших славу
Все время гордо мы несем вперед.

Припев.

Под Оппельном строчили пулеметы,
Врага ложились цепи под горой,
Там бой вела зенитная пульрота,
Там в битве пал наш Савченко герой.

Припев.
Огонь орудий наших враг изведал,
Был нами сбит стервятник не один,
И вновь знамена русские победы
Мы принесли в поверженный Берлин.

Припев.

Боролись мы за дело правды, чести
И пред Отчизной выполнили долг.
Так славься же в походной нашей песне,
Семьсот шестнадцатый зенитный полк!

Текст сообщен Ф. И. Прусаковой, служившей в дни Великой Отечественной войны в 716-м зенитном полку. По ее словам, это любимая песня полка. Как и преды дущая, песня эта сложилась на последнем, завершающем этапе войны.

(Архив Института этнографии АН СССР).

18

То два сокола и орел он крылатый
Чуют солнечный они восход, да восход.
Эй да Дону тихого они казаки,
Ой да собираются они в поход,
Ай да собираются они в поход, во поход.
Ой да он хвалился, шельмец Гитлер, выхвалялся,
Эй на Россию хотел он идти воевать,
На Россию хотел он идти воевать.
Да корил он матушку Москву, Россию:
Эй да вот я насквозь ее с войском пройду.
Эй да села я, мелкие деревни,
Эй да на копытцах я их разнесу,
И на копытцах села разнесу, разнесу.
Эй да славный город я, город Петербург
Эй вот и не дошедши в плен город возьму.
— Осклизнулся!

Текст записан от колхозника станицы Федосеевской, Подтелковского р-на, Сталинградской области П. И. Усенкова. В

Великую Отечественную войну П. Усенков служил в 15-й отдельной гвардейской казачьей дивизии. По словам Усенкова, с этой песней их часть прошла от Харькова до Берлина.

В основе данного текста лежит традиционная народная песня, широко распространенная и во время войны с Пруссией в XVIII в., и в Отечественную войну 1812 г., и в период гражданской войны.

Выкрик «Осклизнулся!», которым, как сообщает П. Усенков, заканчивалось обычно исполнение песни, характеризует ту живую реакцию, какую эта песня вызывала к себе в дни Великой Отечественной войны.

(Материалы Сталинградской экспедиции 1948 г., Архив Института этнографии АН СССР).

19

ПЕСНЯ О ДВАДЦАТИ ВОСЬМИ ГВАРДЕЙЦАХ

Ходит ветер в полях, обжигая лицо,
Ходит враг в Подмосковном краю,
И дерутся, как львы, двадцать восемь бойцов,
Защищая отчизну свою.
Надвигается вражеских танков стена
Против горсточки смелых людей.
«Эх, родная земля! Дай же силы ты нам,
Поддержи в этот час сыновей!»
Уж десятки подбитых чудовищ горят,
Но слабеют ряды смельчаков.
И встает во весь рост, поднимая отряд,
Большевик и гвардеец Клочков.
«Здесь придется, товарищи, нам умирать,
Будет наша отчизна жива,
Велика ты, страна, но нельзя отступать,
За спиною — родная Москва!»
И в неравном бою все они полегли
На седом подмосковном снегу,
Но не сдали ни пяди родимой земли,
Сердцем путь преграждая врагу.
Слава павших героев к победе зовет
И пылает священным огнем.
Никогда не забудет советский народ
Двадцать восемь бессмертных имен.

Песня входила в состав литературного монтажа «О 28 гвардейцах», составленного Г. И. Фроловским в начале 1942 г. По сообщению автора, песня сложена по очерку Кривицкого «О 28-ми павших героях». Исполнялась ансамблем Западного фронта на

мотив песни о Чапаеве «По Уралу свинцовые хлещут дожди» (музыка А. Новикова). Как сообщает Г. И. Фроловский, ему довелось слышать свою песню в 1942 г. в строю. Ее пели бойцы 20-й армии около Спасо-Деменска на незнакомый ему мотив.

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 7).

20

ПЕСНЯ О БЕЛОВЦАХ

Гвардейская слава летит, точно птица,
Бои за боями идут,
А девушки там, на родимых станицах,
О конниках песни поют.
Горят беспредельные русские дали,
Сверкают на солнце клинки;
Немало кипучих сражений видали
Гвардейские наши полки.
С предместий Каширы к воротам Венева,
В лесную морозную глушь,
Варшавку прорвали гвардейцы Белова
И заняли Дорогобуж.
Тревожные ночи звенели сурово,
Взрывали копыта снега,
Горячие кони отрядов Белова Г
уляли в тылу у врага.
Смоленские рощи, днепровские воды,
Крутые встают берега,
Здесь мы совершали ночные походы,
Здесь лихо рубили врага.
Взлетают клинки, точно звонкие птицы,
Бои за боями идут,
А девушки там, на родимых станицах,
О славных беловцах поют.

Текст Г. И. Фроловского, музыка — руководителя красноармейского ансамбля Западного фронта А. Ф. Усачева. По сообщению автора, песня сложена им в феврале 1942 г. в гостях у беловцев, в момент их выхода из семимесячного рейда в тыл врага. Исполнялась ансамблем Западного фронта. Песня пользовалась большой популярностью среди конников генерала Белова, пелась хором в строю, а также вошла в репертуар отдельных бойцов.

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 8).

21

ПЕСНЯ О ДОВАТОРЕ

Зачем вы нахмурились, темные ночи,
Так низко березы склонились на снег,—
Погиб наш Доватор, орлиные очи
Погасли нежданно, закрылись навек.
О ветер привольный, лети над землею
В приволжских селеньях, в сибирских лесах,
Неси быстрокрылую славу героя,
Пропой о бессмертных гвардейских делах.
Бескрайние дали, ночные походы,
Родимые русские наши снега!
Здесь бился Доватор за счастье народа,
Любимую землю берег от врага.
Навеки закрылись орлиные очи,
Он дрался и пал, как народный герой.
Сурово нахмурились темные ночи,
Склонились березы над самой землей.

Текст — Г. И. Фроловского. Музыка — А. Ф. Усачева, руководителя ансамбля Западного фронта. Исполнялась фронтовым и армейским ансамблем Западного фронта в 1942 г.

Песня о Герое Советского Союза, трижды орденоносце Л. М. Доваторе. Получил звание генерал-майора за рейд в тыл врага с 23 августа по 3 сентября 1941 г. Сражался на подступах к Москве. Погиб 19 декабря 1941 г.

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 6).

Есть сведения еще об одной песне о генерале Доваторе, бытовавшей в среде красноармейцев. К сожалению, указавший на это старший лейтенант Лексаков смог сообщить лишь ее первые две строки:

Из-за леса, леса конница идет,
Сам Доватор, наш любимый, в бой ведет...

(Из письма старшего лейтенанта Лексакова от 30 августа 1945 г., адресованного в Институт этнографии АН СССР).

Видимо, песня возникла на основе дореволюционной казачьей песни. В годы гражданской войны эта песня пелась как песня красной конницы.

Из лесов, из-за суровых темных гор
Наша конница несется на простор,
На просторе хочет силушку собрать,
Чтоб последнюю буржуям битву дать.

Крикнул грозный клич Буденный удалой:
Эй, товарищи лихие, все за мной!

(См. текст, опубликованный в сб. «Фронтовая песня», М.— Л., 1938, стр. 139).

22

ПЕСНЯ О САДЫКОВЕ

Над лесом качаются выстрелов вспышки,
И отзвук летит по заре...
Теперь он далеко, лежит и не слышит
Раската родных батарей.
Гром канонады,
Местью великой
Падай на вражеский сброд!
Он с нами, он с нами,
Полковник Садыков,
И снова нас в бой он ведет,
И снова, как прежде, привстав у орудий,
Он скажет ребятам своим:
«А ну, батарейцы, доколе враг будет
Ходить по просторам чужим?»
Логово вражье Смертью истыкав,
Родине славу вернем!
Запомним завет твой,
Полковник Садыков:
«С врагом говорят лишь огнем».
Раскаты орудий слышны на рассвете,
Их отзвуку внемлет земля.
Любимое имя на грозном лафете
Напишем, как клятву, друзья!
Гром канонады,
Местью великой
Падай на вражеский сброд!
Он с нами, он с нами,
Полковник Садыков,
Он с нами на Запад идет.

Песня о погибшем в боях за Родину полковнике Шаги Хатыновиче Садыкове сложена красноармейцем А. А. Лисиным. Пользовалась популярностью в частях, где служил Садыков. Музыка — старшего лейтенанта Мунтяна.

Песня о Садыкове входила в литературно-музыкальный монтаж «Весенние шаги», составленный А. А. Лисиным. По

сообщению автора, монтаж был им написан в апреле 1943 г., после мартовских наступательных боев. Впервые исполнялся в день 1 Мая в лесной землянке. Монтаж был сделан на местном материале и имел большой успех. Песня вошла в песенный репертуар бойцов стрелковой части, которой командовал полковник Садыков.

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 15).

Тем же автором к дню 23-летия Татарской АССР сложено письмо в стихах «Трудящимся орденоносной Татарии», в котором полковнику Садыкову посвящены следующие строки:

От тебя, Татарстан, мы не скроем
Негасимую боль свою:
Смертью храброго, смертью героя
Пал полковник Садыков в бою.
Мы не сразу поверили вести:
Разве может навеки уйти
Тот, с которым мы встретили вместе
Столько черных недель на пути?
Сколько раз мы в беду попадали,—
Не опишешь спокойным пером,
И всегда его рядом видали
Под суровым солдатским шатром.
С теплой шуткой, приветливым словом
Он военной дорогой шагал,
И, забыв про усталость, мы снова
Поднимались и шли на врага.
В день тот черная смерть бушевала,
Куролесила непутем,—
Он стоял перед огненным валом
На командном посту своем.
Здесь его и настигло, в долине...
Накренился, без крика упал.
Так широко он руки раскинул,
Будто землю собой прикрывал.
...Ходит тихая песнь над лесами —
О полковнике песню поем.
Только — нет, никакими стихами
Рассказать мы не в силах о нем.
Но враги его силу почуют:
Батареи готовы в поход,
Понесут они ненависть злую —
От расплаты никто не уйдет!

А. А. Лисин работал в годы войны сотрудником редакции фронтовой газеты «За победу»; гражданская его профессия — преподаватель русской литературы. Стихи начал писать на фронте. За литературные монтажи, стихи и песни награжден орденом Красной Звезды.

23

ПЕСНЯ О ЧЕРНЯХОВСКОМ

Скрылись за тучами звездные блестки,
Ветер тоскует в напевах своих:
В битве с врагами погиб Черняховский,
Воин — любимец орлиной семьи.
Тяжко постичь все солдатское горе,
Трудно поверить в нежданную весть.
Ой, всколыхнись же, безмерное море
Гнева народа и правая месть
Быль о твоих беспримерных походах
Детям расскажет родимая мать,
Гордое имя любимца народа
Будут с любовью они повторять.
Всходит заря над усталой землею,
Дышит прохладой простор голубой...
Вечная слава родному герою!
Бессмертья огонь пусть горит над тобой.

Песня на смерть командующего 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховского. (Погиб 19 февраля 1945 г. под Кенигсбергом, на передовой).

Песня сложена Г. И. Фроловским 20 февраля 1945 г. в г. Растенбурге, в Восточной Пруссии. Музыка М. Нейда. (Исполнялась солистами ансамбля 3-го Белорусского фронта).

(Архив Гос. лит. музея).

24

ПЕСНЯ О СНАЙПЕРЕ АЛЕКСАНДРЕ МОЗОВЦЕ

Молодой, красивый, статный,
Красной Армии боец,
Славный парень, воин знатный,
Снайпер Саша Мозовец.

Припев:
Ой ты, Саша, гордость наша,
Твоя дружба дорога,
Посоветуй, друг наш Саша,
Как вернее бить врага.

Он свою винтовку любит,
Как подругу бережет,
Что ни выстрел — гаду крышка,
Ну, а снайперу — почет.

Припев.

Получил награду снайпер,
Взял винтовку, поднялся,
Перед матерью-отчизной
Мстить врагу он поклялся,

Припев.

В сердце ненависть святая
Ко двуногому зверью:
«Сколько раз увижу гада,
Столько раз его убью!»

Припев.

Много гадов уничтожил,—
Много дела впереди.
Он недаром с честью носит
Красный орден на груди.

Александр Никифорович Мозовец — прославленный снайпер, награжденный орденом «Красной звезды». Из личной беседы с А. Н. Мозовцом в феврале 1947 г. выяснились некоторые подробности создания и бытования данной песни.

Песня сложилась в дивизионном ансамбле ко дню годовщины дивизии в августе 1942 г., и впервые была исполнена ансамблем на торжественном заседании. Вторично эту песню в исполнении

ансамбля А. Мозовец слышал на снайперском слете. Позже на вечерах ее неоднократно исполнял полковой баянист. В мае 1943 г. «Песня о снайпере Александре Мозовце» была напечатана в газете «Красноармейская правда». Имя автора песни осталось неизвестным. Сам А. Мозовец предполагает, что она складывалась коллективно в дивизионном ансамбле.

Публикуемый текст записал майор Д. И. Романенко на Западном фронте в 1943 г.

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 16).

25

ПЕСНЯ СНАЙПЕРОВ

Ночью на границе Умолкают птицы
В тучах прячется луна,
Ветер полем бродит,—
Снайпера выходят
Истреблять заклятого врага.

Припев:
Эх, бей, винтовка,
Боевая,
Снайпера готовы в бой.
Я с тобой,
Моя родная,
Буду мстить за край родной

И, укрывшись мятым,
Пыльным маскхалатом,
Притаился он в кустах,—
Снайпер тихо дышит,
Каждый шорох слышит,
Вот он показался, злобный враг.

Припев.

До врага лишь метры,
Снайпер незаметно
Перекрестье ставит в цель.
Он врага отметит:
«Триста сорок третий!»
И возьмет другого на прицел.

Припев.

Песня о Герое Советского Союза гвардии старшине Николае Ильине. Сам сталинградец, он защищал родной город. На его боевом счету числилось 494 гитлеровца, к моменту написания песни — 343. Н. Ильин погиб в 1943 г. во время Белгородско-Курской битвы.

Автор песни—гвардии старший лейтенант И. Н. Кривохатский. По его сообщению, песня написана им в июне 1943 г.— в день второй годовщины 7-й гвардейской армии, в с. Заводцы Курской обл., и в этот же день впервые исполнялась коллективом художественной самодеятельности. Автор музыки — баянист красноармейского ансамбля Кузьма Щеглов. Песня, дающая обобщенный образ героя-снайпера, прошла по всем армейским подразделениям и часто связывалась с именем какого-либо выдающегося снайпера. Так, например, она пелась и о Петре Гончарове, герое Сталинграда, ученике Н. Ильина.

Ночью на границе Умолкают птицы,
В тучах прячется луна,
Ветер полем бродит,—
Гончаров выходит
Истреблять заклятого врага.

В остальном текст оставался без изменения. Цифра боевого счета изменялась.

Запись В. Ю. Крупянской 10 мая 1947 г.
(Архив Института этнографии АН СССР).
5 В. Ю. Крупянская и С. И. Минп

26

Он был рожден для светлой жизни,
Ему короткий выпал век.
Он отдал все своей Отчизне —
Все, чем прекрасен человек:
Свои мечты, свою отвагу,
Свою сыновнюю любовь,—
Всей жизни юношеской благо,
И если б мог — отдал бы вновь.

Припев:
Шумит, звенит трава на поле бранном,
Настали в мире мирные года,
И светлый, смелый образ Тонияна В
сердцах танкистов будет жить всегда.

В бою, усталости не зная,
Своим огнем врагов разил И, сам от ран изнемогая,
Друзей упавших выносил.
Вот он в последний раз поднялся,
Последний шаг, прощальный взмах...
Он на земле чужой остался,
С зарей победною в глазах.

Припев.

Проходят дни потоком быстрым,
И юность новая цветет,
О храбром сталинском танкисте
Пусть слава вечная растет.
От Ленинграда до Севана З
а дружной чашей круговой
Услышим голос Тонияна,
Увидим взгляд его живой.

Припев.

Песня о лейтенанте Вартане Тонияне, командире самоходной установки Самоходного артиллерийского Белостокского Краснознаменного ордена Кутузова полка. Песня сложена поэтом М. Рудерманом.

Вартан Тониян, 1922 г. рождения, кандидат в члены ВКП(б). На войну ушел добровольцем, прямо со школьной скамьи. За боевые заслуги был награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом «Красная Звезда» и медалью «За отвагу».

13 февраля 1945 г. в Восточной Пруссии во время боев за местечко Фраймарк вражеским снарядом было подбито самоходное орудие Тонияна. Раненный, Тониян бросился спасать тяжело раненных товарищей. Под пулеметным огнем противника он оттащил от горящей машины своих трех боевых друзей. Истекая кровью, он полз за четвертым. Ему удалось взвалить его на плечи, но очередь вражеского пулемета сразила его. В кармане гимнастерки убитого юноши было обнаружено письмо с 31 подписью. Это письмо его товарищей по школе. «Дорогой друг Володя (так звали Вартана его товарищи), в этот знаменательный день, когда ты уходишь от нас защищать нашу Родину от фашистов, коллектив нашего 10-го «А» класса выражает тебе чувства дружбы и уважения, как хорошему товарищу и комсомольцу. Будь тверд, вынослив, дисциплинирован, таким, как тебя воспитала школа. Будь предан нашей горячо любимой

Родине, не страшись отдать за нее жизнь».

В армии В. Тониян пользовался большим авторитетом и любовью, был, по словам его знавших, душой полка. Публикуемая песня была широко распространена в полку, где служил В. Тониян.

(Архив Института этнографии АН СССР).

27

ПЕСНЯ О МАТРОСОВЕ

Шумел валдайский темный бор,
Метель кружилась над полями,
И ветрам злым наперекор
Парил орел за облаками.

Шел полк вперед в горячий бой,
Шел по снегам глухой Ловати,
И у Чернушки под горой,
То было дело на закате.

Там впереди два дота вряд,
Смерть затаив в пустых глазницах,
В лесу безмолвные стоят,—
Обходит их и зверь и птица.

Матросов ринулся вперед,
На вражий стан пошел с отвагой,
За русский доблестный народ
Он сделал два последних шага...

«Прощай, родная сторона,
Тебя любил я всею силой»,—
Сказал и скрылся в валунах.
Метель героя поглотила...

Шумел валдайский темный бор,
Угрюмой тьмою принакрытый.
Ревела буря в дебрях гор
Да плакал ветер под ракитой.

Автор песни — гвардии сержант Василий Золотов. «Как рядовой боец,— сообщает В. Золотов,— сражаясь в гвардейской части им. А. Матросова, близко знал его лично. Песня, написанная мной о нем, поется на нашем фронте». (Из письма, адресованного в Гос. лит. музей, 5 февраля 1945 г.). В. Золотов

окончил литературный факультет Педагогического института в Москве; стихи начал писать на войне; печатался в армейских и фронтовых газетах.

Подвиг А. Матросова неоднократно воспет в песнях и стихах фронтовиков. Так, например, в книге «Герой Советского Союза гвардии рядовой Александр Матросов»

(М. Госполитиздат, 1943) приводятся строфы песни, сложенной на фронте после смерти А. Матросова:

И когда тяжело нам будет,
Враг захочет нас вспять повернуть,
Вспомним мы, как Матросов грудью
Проложил нам к победе путь.
И друзей, и старых и новых,
Враг не сможет упорства сломить.
Мы в любую минуту готовы
Твой бессмертный бросок повторить.

Публикуемая песня («Шумел валдайский темный бор») поется на мотив «Ермака». Народная песня «Ермак» («Ревела буря, дождь шумел»), в основе которой лежит текст думы К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака», в годы Великой Отечественной войны пользовалась исключительной популярностью на фронте. Песни фронтовиков на мотив «Ермака» сохраняли всегда ритмический строй рылеевской «Думы», тему гибели героя и в большинстве случаев первые строки запева, в котором картина мятущейся природы создает соответствующий фон для изображения героического подвига. «Песня о Матросове» типична в этом отношении.

Особенно показательны первая и последняя строфы этой песни, чрезвычайно близкие к тексту Рылеева:

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молния блистала,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Сержант П. Ф. Кротов использует думу «Ермак» в стихотворении, в котором описывает свои переживания во время боя:

Гремела буря, дождь шумел,
Во мраке с визгом рвались мины,
Тогда на бой солдат я вел

За землю и за дом свой милый.
Я шел, живой и невредим,
Не брала вражеская пуля.
Я шел и верил — победим... и т. д.

(Архив Института этнографии АН СССР, ноябрь 1945 г.).

Среди брянских партизан на мотив «Ермака» пелась песня на слова поэта Софронова «Шумел сурово Брянский лес», дающая то же сопоставление суровой природы и подвига человека. Смотри первую и последнюю строфу этой песни:

Шумел сурово брянский лес,
Спускались темные туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли...
Как шли на немцев партизаны.

(П. Афонин, Шумел сурово брянский лес, Брянск, 1947, стр. 39).

Песня «Ермак» вызвала и ряд юмористических песен-пародий, одна из которых — Ревели танки, гром гремел;
Врагу по шее крепко дали...1
пользовалась особой популярностью на фронте.

1 Архив Института этнографии АН СССР.

28

ПЕСНЯ О СУРКОВЕ

На высотах крутых, на донском берегу,
Когда день уж совсем догорал,
За кирпичной стеной коммунист молодой
Вражий натиск один отражал.
Ошалелых врагов пулей меткой косил,
И десятки их падали разом.
Пулемет раскален, сердце тоже горит,
Смотрит смерть немигающим глазом...
Эй, товарищ боец, подыми пулемет,
Из него ведь стрелял сам Сурков!
Крепко в руки возьми, беспощадно рази
Нашей Родины смертных врагов.

Песня записана В. Ю. Крупянской от лейтенанта М. С. Каримова. По его сообщению, песня сложена в 1942 г. на Южном фронте бойцами противотанкового взвода, где служил коммунист В. В. Сурков. Пелась на мотив песни о гибели Чапаева («По Уралу

свинцовые хлещут дожди», муз. А. Новикова).

(Архив Гос. лит. музея).

29

Красноармеец молодой,
На разведку, боевой,
Э-эх, красный герой,
На разведку, боевой!
На разведку он ходил,
Сам собой не дорожил.
Темна ночка, нету звезд,
Ехал вражеский разъезд,
Парень спрятаться хотел,
В чистом поле не успел,
В чистом поле не успел,
На него разъезд насел.
Тут разъезд его схватил
И к допросу приступил:
«Ты скажи, скажи нам, враг,
Сколько есть, у вас солдат?
Сколько конных на скаку,
Сколько пеших на ходу?
Если скажешь, наградим,
И отправим в часть к своим.
Коль не скажешь, наградим —
Смертной казни предадим».
Красноармеец все молчал,—
Штык стальной в груди торчал.

Записала В. Ю. Крупянская на хуторе Суворовском в 1945 г. (Песня была очень популярна в годы Великой Отечественной войны).

(Архив Института этнографии АН СССР).

Близкий к данному тексту вариант сообщил красноармеец М. И. Орликов в 1943 г. (Опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 18).

Фронтовые варианты этой песни восходят к песне о герое-красноармейце, сложившейся в эпоху гражданской войны (см. тексты в газете «Рабочий», Минск, 12 декабря 1936 г.; в книгах: В. Сидельников. Красноармейский фольклор, М., 1938, № 45; А. Гуревич. Фольклор Восточной Сибири, Иркутск, 1938, № 128; «Воронежский фольклор», Воронеж, 1940, № 2, стр. 124).

В основе этой песни лежит старая казачья или солдатская песня, текст которой установить не удалось.

В советских вариантах этой песни дан яркий образ бойца Советской Армии, преданного и верного Родине и своему солдатскому долгу.

30

Во степях, да во донецких
Боец раненый лежал.
Кровь текла из свежей раны
На истоптанный песок.
А над ним кружился ворон,
Чуя лакомый кусок.
«Ворон-птица, ворон-птица,
Что ж ты вьешься надо мной?
Ты добычи не добьешься —
Я боец еще живой.
Ты лети-ка, отнеси-ка
Родной маменьке привет,
А жене моей любимой
Платок, кровью облитой.
И скажи, что умер честно
За советскую страну,
За советскую державу,
За советскую звезду».

Песня записана в октябре 1944 г. Е. И. Василенко на хуторе Суворовском, Нижне-Чирского р-на, Сталинградской области, от хора девушек.

(Материалы Сталинградской экспедиции 1944 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Вариант этой песни записан в п. Бытошь Дятьковского района Брянской обл.:

Под ракитою зеленой Красный командир лежал,
На груди его высокой Орден боевой блистал...

По свидетельству бывшей партизанки-разведчицы А. С. Харчевников ой, уроженки с. Фошня Жуковского р-на Брянской обл., песня «Тыне вейся, черный ворон» была любимейшей песней их отряда.

(Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Публикуемый текст возник на основе старой солдатско-казачьей .песни (см. аналогичные варианты в сборниках: «Сборник солдатских, казацких и матросских песен» Н. Х. Бесселя

— Е. К. Альбрехта, 1886 г., № 69, стр. 49; А. И. М я к у т и н. Песни оренбургских казаков, 1904, стр. 74—77; «Фольклор Дона и Кубани», 1938, № 32;

«Песни гребенских казаков», 1946, № 151; А. П. Георгиевский. Фольклор Приморья, 1929, Русские на Дальнем Востоке, вып, IV).

В основе фольклорных текстов лежит стихотворение малоизвестного поэта первой половины XIX в. Н. Веревкина, написанное им в 1831 г.; впервые опубликовано в «Русском инвалиде» 8 сентября 1831 г., и в том же году издано лубочной картинкой (см. С. А. Клепиков. Лубок, ч. I — Русская песня, 1939, стр. 116, № 101). Подлинник лубка хранится в Архиве Гос. лит. музея.

Указаний на последующие издания этого лубка не имеется.

В устной передаче сохранились лишь два первые куплета стихотворения Веревкина.

Под зеленою ракитой
Русский на поле лежал
И к груди, штыком пробитой,
Медный крест свой прижимал.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок,
И уже слетались враны,
Чуя лакомый кусок... и т. д.

Ура-патриотическая часть стихотворения отпала, и песня развивает тему гибели героя в традиционных для народной лирики образах: предсмертное обращение героя к отцу-матери, к жене, изображение смерти, как брака:

...Здесь сосватала меня шашка вострa,
Обвенчала меня свинцова пуля,
Принимала меня мать-сыра земля,
Обнимала гробова доска.

(Из сб. Мякутина «Песни Оренбургских казаков», Оренбург, 1904, стр. 76—77).

Песня пользовалась популярностью в народной среде, особенно в казачьей. Есть даже предположение, что она сложилась среди казаков; например, гребенцы считают ее своей, указывают событие, послужившее основой ее создания (гибель храброго казака в бою с турками), называют даже автора — адъютанта П. Л. Ушенкина (см. сб. «Песни гребенских казаков», комментарий и текст № 151).

Большое распространение песня получила в эпоху гражданской войны. Народное предание связывает ее с именем Чапаева как его любимую песню.

Для данного песенного сюжета в советское время характерен глубокий патриотизм: гибель героя интерпретируется как беззаветное служение Родине.

31

Воет ветер за снежной пургой.
Растяни-ка гармошку, браток,
И споем, как под Нарвой-рекой
Умирал молодой паренек.
Он любил свою мать и подругу,
Край родимый свой крепко любил.
Темной ночью в холодную вьюгу
Вместе с ротою в бой уходил.
Злая пуля врага просвистела
И сразила на смерть паренька,
Только вьюга тоскливо пропела
Над холодною сталью штыка.
«Знаю я, что фашистская свора
Никогда не воротится вновь,
Знаю я, что отплатите скоро
За мою за горячую кровь.
Вы скажите, ребята, любимой,
Что я честно сражался в бою,
Вы скажите мамаше родимой,
Что погиб за отчизну свою».
Лейся, песня, за снежной пургою
И лети ты в родной городок.
Расскажи, как под Нарвой-рекою
Молодой умирал паренек.

Сообщил фронтовик И. Науменко со следующим примечанием: «Эта песня списана из случайно найденной записной книжки. Запись была произведена карандашом и неразборчиво, с некоторыми неверными словами. А поэтому я сделал некоторую переработку. Эта песня, как видно, была записана в феврале или марте 1944 г. Автор неизвестен. И. Науменко».

(Архив Гос. лит. музея).

32

ЗА СТРАНУ СОВЕТСКУЮ

На границе Западной за страну Советскую
С людоедом Гитлером вспыхнул жаркий бой,
И из шахты угольной через степь донецкую
Вышел в бой за Родину парень молодой.
Наступили жаркие дни — бои упорные,
В жизни парня сделали поворот крутой.
И за села мирные, города спаленные
Мстить дал клятву грозную парень молодой.
Как-то ночью темною немцы парня встретили,
На бойца-разведчика, налетев ордой.
И с винтовкой верною, и в руках с гранатою
Тут вступил в неравный бой парень молодой.
До зари с полуночи длилась схватка жаркая,
Кровь лилась горячая на курган седой.
Пусть в степи над трупами кружит ворон, каркая,
Пусть фашистам помнится парень молодой.
Их двенадцать срезала пуля молодецкая,
А с тремя последними штык окончил бой.
Так за степь донецкую, за страну Советскую
Бьет врагов-захватчиков парень молодой.

Из альбома Валентины Романовой, школьницы 10-го класса станицы Нижне-Чир-ской, Сталинградской области. По словам В. Романовой, песня пелась в станице в 1943 г.

(Материалы Сталинградской экспедиции 1944 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Сложена на мотив песни «Спят курганы темные» (сл. Б. Ласкина, муз. Н. Богословского) из кинофильма «Большая жизнь» (1-я серия). Публикуемая песня является как бы продолжением поэтической биографии молодого шахтера, что подчеркнуто следующей строкой:

И из шахты угольной через степь донецкую Вышел в бой за Родину парень молодой...

Того же типа и песня «Спят бойцы уставшие», опубликованная в сб. М. Г. Ки-тайник «Уральский фольклор», Свердлгиз, 1949, стр. 109, № 96. В ней повествуется о «парне молодом» — разведчике, проникшем в тыл врага и забросавшем гранатами вражий грузовик.

В партизанской среде на тот же мотив сложилась песня о боевом подвиге партизанского отряда.

33

ЛЕТЧИК МОЛОДОЙ

Спят курганы темные, битвой опаленные,

Дым пожарищ стелется по степи родной.
Сизокрылым соколом в синеву высокую
Взмыл на истребителе парень молодой.
Русские селения ждут освобождения,
Ждет свободы девушка в стороне чужой.
За обиды жгучие ненависть кипучая.
На земле и в воздухе сердце кличет в бой.
За огни-пожаршца и за смерть товарищей,
И за слезы девушки, милой и родной,
Мстит на истребителе врагу-разорителю
Сын великой Родины, летчик молодой.

Записано З. Н. Яковлевой от И. П. Литвина в с. Ново-Московском, Октябрьского р-на, Челябинской области.

(Материалы экспедиции Челябинского педагогического института 1947 г. под руковод. В. Е. Гусева, Архив Гос. лит. музея).

34

ПАРЕНЬ С ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

Не раз его встречали вы
Вечернею порой
С гармошкой над причалами,
Над светлою Невой.
Идет вечерним городом,
Улыбки шлет друзьям,
А то вдруг с переборами
Пройдется по ладам.
Кольнет частушкой острою,
Веселый баянист
С Васильевского острова,
С завода «Металлист».
Любил он кареокую
Девчоночку свою,
Еще любил широкую
И светлую Неву.
Любил цеха просторные,
В работе первым был,
Пел песни он задорные
И город свой любил.
Ходил в рубашке шелковой
Веселый баянист
С Васильевского острова,
С завода «Металлист».

Но вот войной нагрянула
Фашистская орда,
Он защищать отправился
Поля и города.
Ходил в атаки грозные
Веселый баянист
С Васильевского острова,
С завода «Металлист».
В бою, навылет раненный,
Скомандовав: «Вперед!
За Родину, за Сталина!»—
Упал на пулемет.
А в лазарете утром он,
Едва набравшись сил,
Баян свой перламутровый
С улыбкой попросил.
И заиграл походную
Веселый баянист
С Васильевского острова
С завода «Металлист».
Ему все удивляются,
Сестрицы сбились с ног,
То песней заливается,
То просится в свой полк.
Однажды утром раненых
Полковник навестил.
«Откуда ты, отчаянный?»
Он ласково спросил.
Ему ответил с гордостью
Веселый баянист:
«С Васильевского острова,
С завода «Металлист».

Сообщил В. С. Родионов, записавший эту песню в 1943 г. на Ленинградском фронте.

(Архив Гос. лит. музея).

Аналогичный текст, взятый из записной книжки лейтенанта-танкиста Ашибокова, опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 35. По свидетельству лейтенанта Ашибокова, эту песню он услыхал впервые в феврале 1942 г. от танкистов на Волховском фронте, где она пользовалась большой популярностью.

Другая публикация этой песни — в сборнике «Песни белорусских партизан», изд. ЦК КП(б) Белоруссии. Вариант, мало отличающийся от публикуемого, под названием «Веселый

гармонист», записала в 1943 г. студентка Загорского учительского института Н. Ф. Капитонова от лейтенанта-летчика Валерия Виноградова, на станции Вязьма-Брянская, Московско-Киевской ж. д.

(Архив Гос. лит. музея).

В. Кирпотин в своей статье «Черноморский фольклор» («Краснофлотец», 1944, № 23—24) указывает, что в Севастополе, во время осады стала популярной ленинградская песня «Его встречали часто мы закатною порой»; текст этот опубликован В. Кирпотиным в названной статье.

Автор песни не установлен. По свидетельству многих фронтовиков, песня пелась на мотив «Живет моя отрада».

35

ПЕСЕНКА РАЗВЕДЧИКОВ

Мы все — молодые ребята,
Нам Родина счастье дала.
Любимые наши девчата
Услышат про наши дела.
Мы смерти в бою не страшимся,
И если умрет кто из нас,
Пусть знает родная Отчизна:
Погиб, выполняя приказ.
Мы знаем, что близко победа
Так пусть же скорее придет.
Бандит не запутает следа:
Разведчик без промаха бьет.

Пелась на мотив «Иду по знакомой дорожке». Г. Гридова-Владимирвцева. Автор публикуемого текста — В. С. Родионов. Песня бытовала на Ленинградском фронте в 1943 г.

(Архив Гос. лит. музея).

В. С. Родионов, фронтовик, ст. сержант, 1925 г. рождения, член ВЛКСМ. Окончил неполную среднюю школу. Работал на автозаводе. В годы Великой Отечественной войны был разведчиком, бронебойщиком и пулеметчиком. Автор многочисленных стихов и песен; печатался во фронтовых газетах.

36

Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой,
За далекой за Нарвской заставой
Парень идет молодой.
Далека ты, путь-дорога,

Выйди, милая, встречай,
Вновь зовет боевая тревога,
Ты мне счастья пожелай.
Снова, как в прежние годы,
Ветер нам дует в лицо,
Встают под знамена заводы
Сотнями тысяч бойцов.
Далека ты, путь-дорога,
Впереди победа нас ждет,
Нас зовет боевая тревога,
Час расплаты настает.
Ярость в сердцах закипает,
Мужество крепнет в рядах,
Грозная сила сверкает
В сомкнутых к бою штыках.
Далека ты, путь-дорога,
К Ленинграду рвется враг,
Нас зовет боевая тревога,
Плещет в небе алый стяг.
Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой,
Дни испытаний настали,
Грянул решительный бой.
Враг у нашего порога,
Уничтожим его без следа
И закажем к нам путь-дорогу
Всем фашистам навсегда.

Песня широко бытовала во время блокады Ленинграда в боевых отрядах ленинградской молодежи. Напечатана в газете «Комсомольская правда» 26 сентября 1941 г., № 227.

Тот же текст, только с утерей последних шести строк, сообщила в 1944 г. О. А. Попова — воспитательница детского сада при судостроительном заводе в Красной слободе Сталинграда.

(Архив Института этнографии АН СССР).

Автор песни — П. Арманд, который, находясь в рядах защитников Ленинграда, в 1941 г. переделал песню «Тучи над городом встали», ранее созданную им для кинофильма «Человек с ружьем».

О популярности песни П. Арманда свидетельствуют, например, следующие строки стихотворения В. Чайки, посвященного комсомольцам — защитникам Сталинграда:

...Мы его дружно певали
Тихой вечерней порой:
«Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой...»
Песне и юности рады,
Шли мы веселой гурьбой,
Часто казалось нам: рядом
Парень идет молодой.

Свидетельством широкой известности песни Арманда может служить и стихотворение пограничника В. Д. Лебедева, присланное в августе 1945 г. из Заполярья и являющееся ее оригинальной переделкой:

Тучи над сопками встали,
В воздухе пахнет пургой,
На далекой норвежской границе,
Русский стоит часовой.
Не грусти, моя подруга,
Выйди, выйди на крыльцо,
Письмоносец идет по дороге,
Для тебя он несет письмецо.
Кончились дни боевые,
Годы страданий ушли,
Со Сталинским мудрым приказом
Мы к славной победе пришли.

Интересны переделки песни «Тучи над городом», записанные от русских девушек, заключенных в немецких лагерях.

(Материалы Сталинградской экспедиции 1944 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Мотив опасности, которая угрожает родному городу, звучащий в первоначальной редакции песни П. Арманда «Тучи над городом встали», обусловил, несомненно, то обстоятельство, что все новые тексты, созданные на основе этой песни, связываются с именами городов-героев: Ленинграда, Севастополя, Сталинграда. См. ниже публикуемые тексты.

37

Тучи над городом встали,
Бьется о берег прибой,
Там за Сухарною балкой
Шел жаркий и яростный бой.
Широко, безбрежно море,

И грозна морская волна,
И большое матросское горе
Не забуду никогда.
Крепче прижму бескозырку,
Крепче сожму автомат,
Радостно к сердцу прижму я
Верный матросский бушлат.
И клянусь тебе, товарищ,
Что не струшу я в бою,
Что сквозь дым и пламя пожарищ
В город снова я вернусь.
Тихо колышется тополь,
Сердцу тревожно в груди.
Жди нас, родной Севастополь,
Встреча с тобой впереди.
Будешь ты нами гордиться
Вспомнят с тобой нас друзья,
И тебя я, морская столица,
Не забуду никогда.
Гы не плачь, волна морская,
Не шуми, морской прибой,
К прощаюсь с тобой ненадолго,
До свиданья, город мой!

Сообщил гв. старшина, командир взвода автоматчиков, моряк А. А. Макаров.

Автор песни неизвестен. По словам А. Макарова, она родилась во время обороны Севастополя и особое распространение имела среди моряков, боровшихся под Севастополем, Одессой, Новороссийском осенью 1942 г.

Лирическая тема песни П. Арманда — прощанье бойца Красной Гвардии с милой— приобретает в настоящей песне совершенно иную трактовку: моряк-севастополец прощается с родным городом. Обращение к милой заменено обращением к боевому товарищу, к «морской столице» — Севастополю, к морю.

Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 12.

Текст, близкий к публикуемому, помещен в сб. «Советский фольклор Чкаловской области», Чкалов, 1947, стр. 81, № 12, с указанием, что песня записана в 1944 г. со слов моряка — участника обороны Севастополя К. М. Быкова. В этом варианте разработка темы прощания с городом насыщена конкретными деталями, например:

Прощай, Корабелька родная,

Прощай ты, Приморский бульвар.

38

Кто ты — с Днепра или с Дона,
Где твоя родина, брат?
Под боевые знамена
Всех нас собрал Сталинград.
Тучи над Волгой клубятся,
Бой от зари до зари;
Все мы теперь сталинградцы,
Все мы теперь волгари.
Помнишь ли бой за Царицын:
Шел за отрядом отряд;
Подвиг отцов повторился
В битве за нага Сталинград.
Время с врагом расквитаться —
Ненависть в сердце горит:
Все мы теперь сталинградцы,
Все мы теперь волгари.
С нами Отчизна и Сталин,
Мы не отступим назад,
Чтобы из душных развалин
Встал наш родной Сталинград.
Будет опять озаряться
Волга сияньем зари.
Все мы теперь сталинградцы,
Все мы теперь волгари.

Песня пользовалась большой популярностью среди рабочих Судоремонтного завода в Красной слободе г. Сталинграда. Впервые была исполнена артистами на вечере в честь награждения рабочих завода в дни обороны города. Двустишие: «Все мы теперь сталинградцы, все мы теперь волгари» стало боевым лозунгом рабочих этого завода.

Записана от П. Н. Седешевой — педагога детского сада при Судоремонтном заводе.

(Материалы Сталинградской экспедиции 1944 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Аналогичный вариант на белорусском языке, с опущением 3-го и 4-го куплетов, записан студенткой Минского пединститута М. А. Белицкой 10 июня 1945 г. от бывшей партизанки З. Рудень в с. Долгое Старобинского р-на БССР.

(Архив Всесоюзного дома народного творчества им. Н. К. Крупской).

Авторы текста М. Талалаевский и З. Кац. Мелодия композитора Алексеева. См. сб. «Стихи о Сталинграде», Сталинград, 1944, стр. 56.

39

НОВАЯ КАХОВКА

Украинский ветер шумит над полями,
Кивают листвой тополя.
Каховка, Каховка, ты вновь перед нами,
Родная, святая земля.
Мы шли через горы, леса и долины,
Прошли через гром батарей,
Сквозь смерть мы пробились,— встречай же, родная,
Своих дорогих сыновей.
Под солнцем горячим, под ночью слепою
Прошли мы большие пути.
Кипи, наша ярость, греми, бронепоезд,
На запад, на запад лети!
Пожары легли над Каховкой родною,
Кровавая осень легла.
И песни не слышно, и в сердце любимой
Немецкая пуля вошла.
За землю, за юность, упавшую рядом,
За Родину, славу и честь,
Забудем, товарищи, слово «пощада»,
Запомним, товарищи, «месть»!

Сообщил аспирант Московского государственного педагогического института т. Наживов. Впервые он услышал эту песню в 1943 г., в полку, «где она исполнялась с большою теплотой».

(Архив Института этнографии АН СССР).

Поется на мотив популярной песни «Каховка» из кинофильма «Три товарища» (текст М. Светлова, музыка И. Дунаевского).

Неизвестный автор данного текста на старый мотив создает новую песню, в которой образы «Каховки» получают свое дальнейшее развитие в изменившейся исторической ситуации.

Ср. соответствующие строки настоящего текста с текстом Светлова:

или строки припева: Про нашу страну, про Каховку родную, Где девушка наша цвела,— Мы мирные люди, Но наш бронепоезд Стоит на запасном пути.

Если содержание песни Светлова можно охарактеризовать как воспоминание о боевой юности, подернутое романтической

дымкой, то содержанием настоящей песни является рассказ о новой боевой встрече с Каховкой. В этом отношении особенно характерен заключительный куплет песни.

40
ЧИЖОВКА

На миг, на минуточку вспомним, товарищ,
Как бой за Чижовку вели.
Мы шли в наступленье при свете пожарищ —
То склады горели вдали.
Предместье Чижовка...
Задание ясно —
Брать штурмом пришлось каждый дом,
На улице Светлой, на улице Красной
Врага мы встречали огнем.

Припев:
Штыком и гранатой,
Бойцовской сноровкой
Мы взяли немало преград...
Мы знали — сражаясь за нашу Чижовку,
Ведем бой за свой Сталинград.

Тряслись, как в грозу, орудийные дула,
Был в черном дыму небосклон,
Вошли мы в Чижовку, в лицо нам подуло
Привольным донским ветерком.
Нигде, никогда нам не знать остановки,
Дорога одна нам — вперед!
Наш бой за Чижовку, как бой за Каховку,
Оценит советский народ.

Припев.

При свете ракет, по условному знаку
В сражение танки пошли,
Мы следом за ними рванулись в атаку
За счастье любимой земли.

Припев.

Сообщил фронтовик Макеев. По его свидетельству, песня эта сложилась во время боев за Воронеж. Пелась на мотив «Каховки».

Л. Данилевич («Советская музыка», 1942, № 2) рассказывает

историю создания текста «Чижовки». «Войска Воронежского фронта после долгих тяжелых боев овладели Чижовкой (близ Воронежа) — пунктом, имевшим особое стратегическое значение. Название этого селения стало нарицательным. «Вторая Чижовка», — так говорили фронтовики после какого-нибудь трудного длительного боя. Надо было создать песню о Чижовке и ее героях, песню яркую, впечатляющую. Поэт-фронтовик Я. Шведов написал простой, хороший текст и соединил его с музыкой «Каховки» Дунаевского. «Чижовку» Дунаевского — Шведова пел фронтовой красноармейский ансамбль и некоторые другие коллективы. Песня была отпечатана на листовках и так распространялась на фронте».

Близкий текст опубликован в сб. «Фольклор Воронежской области», 1949, № 139, В нем содержится строфа, отсутствующая в нашей публикации:

Гремела грозою в ночи канонада,
Был в черном дыму небосклон,
Сквозь дым вел родной комиссар Виноградов
Без страха на штурм батальон.

41

ОБ АНКЕ ГРАЙТЕРОВОЙ

Сигналом атаки, трубою призывной,
Знакомая песня, лети.
Елец и Верховье, Ефремов и Ливны —
Этапы на грозном пути.
В декабрьскую вьюгу дорогой холодной
Мы шли на большие дела,
И рядом с бойцами в шинели походной
Елецкая девушка шла.

Припев:
Споем же, товарищ, о храброй ельчанке,
О славе воинственных дней,
О храброй ельчанке, о девушке Анке,
О верной подруге своей.

Ты вспомни, товарищ, как мины визжали,
Как бил пулемет по врагу,
Как немцы в испуге от Анки бежали
И смерть находили в снегу.
Не дрогнула Анка в атаке ни разу,
Под ливнем огня и свинца,

И мужество девушки той черноглазой
В бою согревало сердца.

Припев.

Не выпало Анке закончить походы,
Суровое дело — война.
Припав к пулемету, у Русского Брода
Геройски погибла она.
Но мчатся в атаку могучие танки,
Орудия наши гремят,
За раннюю смерть пулеметчицы Анки
Фашистам друзья отомстят.

Припев.

Записал бывший фронтовик В. С. Стасюк, большой любитель песен, собиравший на протяжении всех лет войны, в трудных условиях фронта, произведения военного фольклора.

Автор песни не установлен. Песня сложена в размере и ритмах «Каховки» Светлова, на мелодию которой она и исполнялась. С «Каховкой» Светлова и возникшей на ее основе в дни Великой Отечественной войны песней «Новая Каховка» (см. № 39) ее роднит и образ советской девушки.

В песне Светлова дан образ девушки — боевого товарища («И девушка наша проходит в шинели, горящей Каховкой идет»). В песне безыменного поэта «Новая Каховка» образ сраженной на смерть девушки («И в сердце любимой немецкая пуля вошла») является олицетворением поруганной родной земли, взывающей к отмщению.

В песне «Об Анке Грайтеровой» девичий образ получает самостоятельную разработку. В нем раскрывается героизм и мужество девушки-патриотки, бок о бок с бойцами отстаивающей независимость своей Родины. Самый подвиг ее и имя — Анка перекликаются с образом героини гражданской войны, прославленной пулеметчицы чапаевской дивизии Анки. Эта песня, сложившаяся в дни Великой Отечественной войны, отчетливо выражает стремление советских людей к сохранению и дальнейшему развитию героических традиций эпохи гражданской войны.

(Из материалов В. С. Стасюка. Архив Института этнографии АН СССР).

В архиве Гос. лит. музея имеется текст песни «Об Анке Грайтеровой», близкий к публикуемому, полученный в 1952 г. из

г. Ефремова Тульской обл., с указанием: «Песня об Анке Грайтеровой, погибшей под Русским Бродом Орловской области; поется молодежью Ефремова на мотив «Каховки».

(Архив Гос. лит. музея).

42

УТЕС

Есть на Волге утес,
Он бронею оброс,
Что из нашей отваги куется.
В мире нет никого,
Кто не знал бы его,
Он у нас Сталинградом зовется.
Об утес броневой
Бьется лютый прибой,
Вьется воронов черная стая;
Но стоит он стеной
Над равниной степной,
Ни сомненья, ни страха не зная.
Там снаряды гремят,
Там пожары дымят,
Волга-матушка вся потемнела,
Но стоит Сталинград,
И герои стоят
За великое, правое дело.
Сколько лет ни пройдет,
Не забудет народ,
Как на Волге мы кровь проливали,
Как десятки ночей,
Не смыкали очей,
Но врагу Сталинград не отдали.
Эх ты, Волга-река,
Широка-глубока,
Ты видала сражений немало,—
Но такой лютый бой,
Ты, родная, впервой
На своих берегах увидала.
Мы покончим с врагом,
Мы к победе придем —
Солнце празднично нам улыбнется;
Мы на празднике том Об утесе споем,
Что стальным Сталинградом зовется.

Песня записана в 1944 г. в Сталинграде.

Автор публикуемого нами текста не установлен.

(Материалы Сталинградской экспедиции. Архив Института этнографии АН СССР).

Поется на мотив широко известной песни «Утес Стеньки Разина» («Есть на Волге утес»).

Текст А. А. Навроцкого, впервые опубликован в журнале «Вестник Европы», 1870, № 12. Музыка А. Г. Рашевской. Песня пользовалась огромной популярностью в народных массах. Характеризуя настроения молодежи 70-х годов, В. Г. Короленко пишет: «В наших кружках на вечеринках с большим одушевлением пели и тогда волжскую песню: «Есть на Волге утес...» ...Мы охотно пели и охотно слушали эту «удалецкую» песню»... («История моего современника», ч. II, Гос. изд-во Украины, стр. 244).

Мелодия этой песни как бы воплощала в себе образы широты, вольности, свободы, мощи. Не случайно поэтому песня эта приобретала всякий раз особую популярность в моменты общественного подъема. Любопытно, что во время революции 1905 г. на мотив песни об «Утесе» сложилась новая песня, явившаяся откликом на восстание и гибель моряков во главе с лейтенантом Шмидтом на крейсере «Очаков» (См. А. В. П ясно в с к и й. Коллективная пролетарская поэзия, М.— Л., 1927, стр. 121, 122).

В дни Великой Отечественной войны песня «Есть на Волге утес» получила особое звучание. Интересно свидетельство композитора Фрадкина. Вспоминая свое пребывание в Сталинграде в августе 1942 г., он пишет: «Помню, как во время одной из ночных варварских бомбежек города, в короткую минуту затишья, на центральной площади я слышал, как группа людей пела широкую, как Волга, песню:

Есть на Волге утес,
Диким мохом оброс...

Это звучало символически. Уже тогда образ города-героя приобретал конкретное воплощение в песне» (М. Фрадкин. Фронт и песня, «Советская музыка», 1946, № 2—3, стр. 81).

Близкий вариант записан М. С. Меерович от гвардии лейтенанта В. Немченко 10 июня 1945 г. От публикуемого текста отличается лишь вторая строфа:

На утесе на том На посту боевом
Гарнизон сталинградцев сражался,
Выла вражья орда,

Лютый враг никогда
На приволжский утес не взобрался.

Аналогичный вариант записан студенткой М. П. Подвойской в г. Осиповичи от бывшего партизана Семена Пинчука, члена партизанской бригады им. Рокоссовского (Архив Всесоюзного дома народного творчества им. Н. К. Крупской).

Еще один вариант текста сообщил танкист Б. Коцюруба.

Есть на Волге утес,
Он Отчизне принес
Две победы, бессмертье и славу.
Он, как воин, стоит,
Победив, говорит:
«Имя Сталина взял я по праву».
Были там в дни войны Не камней валуны,
А стояли там люди-утесы.
Там сошлися в утес,
Что до неба дорос,—
Пехотинцы-орлы и матросы.
Сталинградский утес Вместе с Родиной рос,
Вместе с Родиной жил и трудился.
Вместе выдержал бой И, как лучший герой,
Он победы великой добился.

(Архив Института этнографии АН СССР).

43
СЕВАСТОПОЛЬ

Раскинулось Черное море,
И волны бушуют вдали,
Велико народное горе —
Враги в Севастополь зашли.
Сожгли изуверы кварталы домов,
Разрушена вся панорама.
Пределов не знает жестокость врагов,
И город — кровавая рана.
На пыльной дороге лежит лейтенант,
Он кровью с утра истекает,
Он видит в тумане Малахов курган,
Сознанье его покидает.
Он знает: недолго фашисту дышать,
Мы зверства его не забудем,
Мы можем и будем с врагом воевать,

И мы в Севастополе будем.
Вернутся моторки лихих моряков,
Эскадры на базы прибудут,
Родимое солнце над Крымом взойдет,
И больше заката не будет.
Вперед же, товарищ, и только вперед,
Нас Родина в бой посылает,
Великий наш Сталин к победе ведет,
На подвиг он нас вдохновляет.

Переписала в октябре 1944 г. В. Ю. Крупянская из записной книжки лейтенанта А. Иванова — участника боев под Сталинградом. По свидетельству бойцов этой части, песня была распространена во время обороны Севастополя. Автор песни неизвестен. В статье В. Кирпотина «Черноморский фольклор» («Краснофлотец», 1944, № 23—24) приведен текст «любимой песни севастопольцев», которая так и называлась «Севастополь»:

Раскинулось Черное море
У Крымских родных берегов,
Огромно народное горе —
Враги в Севастополь вошли.
На пыльной дороге лежит мальчуган,
Он кровью с утра истекает,
И хмурится тучей Малахов курган,
И злоба его разбирает.
Но знай, что фашизму не долго дышать,
Мы зверства его не забудем,
Мы можем и будем с врагом воевать
И мы в Севастополе будем.
Вернутся когорты лихих моряков,
Эскадра на базы вернется,
И встанут кварталы красивых домов,
Малахов курган улыбнется.
И снова Рубо панораму начнет,
Он наши дела не забудет.
Родимое солнце над Крымом взойдет,
И больше заката не будет.
Вперед же, товарищи, только вперед,
Нас Родина в бой посылает,
Нас Сталин любимый к победе ведет
На подвиг он нас вдохновляет.

О широкой известности песни «Севастополь» свидетельствует

и проникновение ее на страницы периодической печати. Так, повесть Евгения Юнги «Дорога в жизнь» («Краснофлотец», 1944, № 18—19) оканчивается четверостишием:

Раскинулось Черное море
У крымских родных берегов,
Стоит Севастополь в дозоре,
Громя ненавистных врагов...

В очерке Хамадан «Русская женщина» («Краснофлотец», 1942, № 15, стр. 37) защитница Севастополя пулеметчица Нина Онилова поет на мотив «Раскинулось море» «новую боевую песню приморцев»:

Солдатские песни Суворов любил,
Бойцы помнят песни Чапая,
Споем же, друзья, пусть в боях прозвенит
Победная песня родная.

Об этой же песне, как о «Гимне севастопольцев», упоминает Б. Борисов в своих записках «Подвиг Севастополя» («Знамя», 1950, № 4).

44

ПЕСНЯ СЕВАСТОПОЛЬЦЕВ

За нами—холодное море,
И рвутся снаряды вокруг.
Дымится в развалинах город,
Смыкается вражеский круг.
Мы долгие месяцы дрались в кольце,
За свой Севастополь сражались,
Дома эти, улицы, камни его
Недешево гадам достались.
И если, товарищ, нам здесь умирать,
Умрем же в бою, как герои,
Ни шагу назад нам нельзя отступать,
Пусть нас в эту землю зароют.
Прощай, Севастополь, наш город-боец,
Прощайте, орлята-ребята,
Патронам* в обойме приходит конец,
Одна лишь осталась граната.
Пускай мы погибнем в неравном бою,
Но братья победы добьются,
Взойдут они снова на землю свою,

С врагами сполна разочтутся.
Так яркое солнце нельзя потушить,
Так шторм успокоить нет силы,
Не будут враги в Севастополе жить,
Он станет им только могилой.

Записал П. Н. Успенский 4 июля 1944 г. По словам девушки, сообщившей песню она была распространена в Керчи в период героической обороны Севастополя в 1942 г и опубликована в одной из крымских газет.

Автор песни не установлен (Архив Гос. лит. музея).

45

ПЕСНЯ ТАНКИСТА

Механик-водитель, возьми рычаги,
С отвагой пойдем на фашистов,
Чтоб в яростной злобе бесились враги
От наших советских танкистов.
«Так ринемся в бой мы на полном ходу,—
Сказал лейтенанту водитель,—
Сквозь огненный ливень свой танк проведу,
Скорее нас в бой вы ведите.
Жена молодая, ты слезы не лей,
Быть может, я выйду из строя,
И наших детей воспитать ты сумей,
Скажи им, что пал я героем.
Утешь, приголубь мою старую мать,
Ей будет ведь всех тяжелее,
Скажи, что со славой в бою умирать
Танкисты без страха умеют».

Переписана В. Наумовым из альбома А. Г. Козыревой, с. Миасское, 1949 г.

(Материалы экспедиции Челябинского педагогического института 1947—1950 гг под руковод. В, Е. Гусева).

46

МОРЯК ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Я встретился с ним под Одессой родной,
Когда в бой пошла наша рога,
Он шел впереди, автомат на груди —
Моряк Черноморского флота.
Моряк шел спокойно, пример всем давал,
Он родом был сам из Ахтырки,—

А ветер, знай, ленты сурово трепал
На черной его бескозырке.
«За Родину! — крикнул отважный герои,
Пощады нет извергам, гадам!»
И врезался в гущу отважный моряк,
Работая крепко прикладом.
Один на один с офицером-врагом
Пришлось моряку очутиться,
Он сбил крестоносца стальным кулаком
И к богу отправил фашиста.
Я встретился с ним после боя в селе,
В морском полевом медсанбате;
На докторском белом высоком столе
Лежал он в кровавом бушлате.
Тринадцать ранений хирург насчитал,
Две пули засели глубоко;
В бреду черноморец моряк напевал:
«Раскинулось море широко...»
А после тихонько меня он спросил:
«Быть может, заедешь в Ахтырку?
Жене передай мой прощальный привет,
А сыну отдай бескозырку...»
Я часто и смело в бой жаркий ходил
И дрался, как целая рота;
На подвиги нас вдохновлял наш герой —
Моряк Черноморского флота.

Сообщил гв. младший лейтенант С. И. Савинов в 1945 г. По его свидетельству, песня про героя-моряка Черноморского флота пользуется большой популярностью и поется на мотив «Раскинулось море широко».

(Архив Института этнографии АН СССР).

Варианты этой песни опубликованы в сборниках: «Уральский фольклор», стр. 103, № 85; И. В. Г у т о р о в. Борьба и творчество народных мстителей. Минск, 1949, стр. 133, 134; «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. 1931—1949 гг.» Л.—М., 1950, № 55.

Данная песня не только сохраняет свою связь с песней о «Кочегаре» в мелодии, ритмическом строе, но и самый запев «Раскинулось море широко» вложен в уста умирающего героя-моряка. Вместе с тем эта деталь лишний раз подчеркивает исключительную популярность песни «Кочегар» во флоте.

Варианты этой песни, известной под названием «Бескозырка», записаны зимою 1943 г. от студенток Загорского учительского

института; в 1944 г. от инвалида Великой Отечественной войны моряка-пехотинца Н. Е. Мерейко (см. сб. «Фронтовой фольклор», № 36); от фронтовика И. Науменко в августе 1945 г.; от бывших моряков Черноморского флота в январе 1945 г. в г. Плонске (Польша).

(Архивы Гос. лит. музея и Института этнографии АН СССР).

В большинстве вариантов сохраняются упоминания Одессы. «Ахтырка» в некоторых вариантах заменяется «Козыркой» или «Ордынкой». В последнем случае песпя носит название «Москвич».

До настоящего времени «Бескозырка» остается одной из любимейших песен широких слоев населения.

Песня «Раскинулось море широко» — одна из самых любимых в наши дни народных песен. Повесть о трагической гибели кочегара на трудовом посту знакома всем, так же как и широкий, волнующий напев этой песни.

В годы Великой Отечественной войны она неизменно жила в песенном репертуаре фронта, звучала в партизанских отрядах и среди заключенных в фашистских лагерях. Фронтовики рассказывают, что в Киеве моряки Днепровской флотилии, захваченные фашистами в плен, шли на расстрел с этой песней.

На фронте, среди матросов и пехотинцев, танкистов и разведчиков, связистов и летчиков, на мотив «Кочегара» рождались новые песни, песни, запечатлевшие память о героях и их подвигах: о героической гибели летчика; о танкисте, с смертельной раною в груди ведущем пылающую тридцатьчетверку на таран немецкого «тигра», о смерти «у вражеских, скрытых землей батарей» героя Белорусского фронта — разведчика старшего сержанта Авраамия Данилова, «павшего, — как об этом говорится в посвящении песни,— за счастье и независимость нашей Родины». Таким образом, в новых фронтовых песнях используется не только напев «Кочегара», но и тема этой песни — гибель героя на посту. Используется также и запев, являющийся экспозицией обстановки, в которой развертывается сюжет.

Конкретные детали меняются в запеве соответственно сюжету песни: «Раскинулось Черное море, и рвутся снаряды вокруг» — в песне моряков: «Раскинулось войско (фронт так) широко» — в песне пехотинцев; «Раскинулось поле широко, окопов извилистый ряд» — в песне танкистов; «Раскинулись крылья машины» — в песне летчиков и т. д.

Соответственно меняется в новых песнях и заключительная строфа.

В этом отношении очень интересна концовка в песне

летчиков, записанной от инвалида Великой Отечественной войны С. И. Григорьева, дающая образ матери-патриотки:

На смену летят боевые друзья,
И мать им победы желает.

Большой популярностью среди фронтовиков пользовался также цикл песен на мотив «Раскинулось море широко» с запевом:

Давайте, товарищи, сядем в кружок,
Послушаем мы баяниста,
Пускай он повторит свой грустный рассказ
Про друга лихого танкиста
(или «лихого связиста»).

Эти песни повествуют обычно о героической гибели танкиста или связиста. Героическая тема сочетается в них с любовной: память о подруге, оставшейся в родном краю, не покидает героя до самой смерти. Песни-воспоминания о боевом товарище имеют и соответствующее заключение:

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут — она зарыдает,
А сосны шумят над бронею стальной,
Про друга друзья вспоминают.

Песни на мотив «Раскинулось море широко» часто встречались в репертуаре песен заключенных в фашистских лагерях. Особенной популярностью пользовалась песня «Раскинулись рельсы далеко», в которой поется об увозе девушки на чужбину, о прощании с Родиной. Песни девушек часто слагались в форме послания к матери, в котором излагались подробности жизни в фашистской неволе.

Однако, независимо от того, где была создана новая песня на мотив «Кочегара» и каково ее конкретное содержание,— всегда, и в мелодии и в тексте, звучит любовь к свободе, к Родине, за которую борется герой или коллектив, увидеть которую надеется девушка, угнанная в фашистское рабство.

Песня «Кочегар» известна очень давно.

Л. И. Утесов в статье, посвященной песне «Кочегар» («Краснофлотец», 1942, № 19 — 20, раздел «Морская песня») свидетельствует, что песню эту он впервые услышал в Одессе в 1905 г. «В это время «Кочегар» и «Варяг» были самыми популярными морскими песнями. Их пели революционные

матросы броненосца «Потемкин» и моряки-черноморцы». В личной беседе с нами Утесов указал на то, что песня «Раскинулось море широко» в 1905 г. воспринималась как старая хорошо известная песня.

«Кочегар» принадлежит к числу тех песен, в популяризации которых значительную роль сыграли печатные песенники.

Наиболее ранняя из известных нам публикаций песни «Кочегар» относится к 1907 г. («Кочегар», новейший песенник, СПб., 1907). Позже песню «Кочегар» находим в песенниках 1910—1918 гг. включительно.

Известно также лубочное издание песни «Кочегар» 1911 г. с полным текстом и картинкой на обложке, воспроизводящей основные образы песни.

Автор песни «Раскинулось море широко» до сих пор не был известен. Неизвестно также, кто создал ее мелодию — медленный вальс, задушевные интонации которого явились, несомненно, одной из причин необычайной живучести этой песни. Однако самое содержание ее, полное живых, реалистических подробностей, дает основание предполагать, когда и в какой среде возникла песня о гибели кочегара во время рейда в Красном море, «далеко от нашей земли».

Во всех разновременных печатных текстах песни «Кочегар» сохраняется одно географическое название — Красное море.

Не слышно на палубе песен,
И Красное море волною шумит...

эти строчки находятся во всех полных текстах «Кочегара».

Это упоминание в запеве Красного моря не случайно и проливает некоторый свет на время и обстоятельства создания песни о «Кочегаре».

С открытием Суэцкого канала в 1869 г., соединившего Красное море со Средиземным, Красное море стало главным транзитным путем из Европы в порты Азии. Для России, до сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути, это был удобный путь для сравнительно скорой перевозки груза, пассажиров и войск на Дальний Восток.

Путешествие по Красному морю было очень тяжелым. Вода его отличается очень высокой температурой и соленостью, а климат побережья Красного моря — один из самых жарких на земном шаре. Летом на пароходах, идущих по Красному морю, нередко бывали смертные случаи.

Таким образом, обстановка, которую рисует песня «Кочегар», вполне соответствует географическому приуроченью песни.

Строки: «назвал кочегарку бы адом», «весь потом истек, от жары изнемог, работать нет сил, умираю», «напился воды,— воды опресненной, не чистой»; воск свечи тает в руке покойника «жарою согретый»,— все эти детали живописуют совершенно конкретную обстановку.

Песня эта, вызывавшая чувство жалости к погибшему товарищу, порождала вместе с тем и протест против социальных условий, его погубивших.

Такая песня могла сложиться среди моряков русского флота, проделавших тяжелый путь через Красное море.

Подтверждение наших предположений о среде, в которой возникла песня о «Кочегаре», находим в письме от 30 июля 1948 г., адресованном Музыкальному отделу Радиокомитета после передачи по радио истории песни «Раскинулось море широко». Автор письма Х. Д. Зубарева-Орличенко из Балаклавы указывает, что автором песни «Кочегар» был ее брат Георгий Зубарев, «написавший ее еще до 1900 г. и погибший в Цусимском бою».

По свидетельству Зубаревой, брат ее «принимал активное участие в революционном движении,... совершая рейсы на торговом судне, он перевозил революционную литературу. Песню «Кочегар» он написал, плавая у берегов Франции».

Полагаем, что восприятию этой песни уже в 1905 г. как старой, хорошо известной, способствовало и то обстоятельство, что в основе песни «Кочегар» лежит популярный в свое время романс А. Л. Гурилева «После битвы» («Не слышно на палубе песен»).

Текст этого романса принадлежит Н. Ф. Щербине — стихотворение «Моряк».

Е. В. Гиппиус сообщил нам в устной беседе, что им найдена первая публикация этого стихотворения в альманахе «Молодик», СПб. 1844 г., стр. 63—64 и рукопись его в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени Ленина.

Приведем полный текст этого романса по рукописи, шифр ˆ из тетради, озаглавленной: 1

«Стихотворение во 2-ую часть «Молодика» 1843 г. Таганрог», стр. 3, № III,

МОРЯК

Не слышно на палубах песен
Эгейские волны шумят.
Нам берег и душен, и тесен...
Суровые стражи не спят.
Раскинулось небо широко,
Теряются волны вдали...

Отсюда уйдем мы далеко,
Подальше от грешной земли!...
Не правда-ль, ты много страдала?
Минуту свиданья лови!
Ты долго меня ожидала: —
Приплыл я на голос любви...
Спалив бригантину султана,
Я в море врагов утопил
И, к милой с турецкою раной
Как с лучшим подарком приплыл.

Стихотворение «Моряк» стоит в несомненной связи с работой Н. Ф. Щербины 1843 г. «Новогреческие песни»,— историко-критическое исследование и переводы образцов песен, — вошедшей позже в полное собрание сочинений поэта 1873 г.

В этой статье Н. Ф. Щербина характеризует песни, как «проявление внутренней и внешней жизни народа», его стремлений «к самобытности, к гражданственности». Особое внимание автора привлекают новогреческие героические песни — «песни возбудительные к восстанию для освобождения Греции», и песни клефтов, «внешний характер деятельности» которых отличало «презрение к жизни,... любовь к свободе, к родине»...

В духе героических и клефтических новогреческих песен и написано в 1843 г. стихотворение «Моряк», в котором первая строфа, рисующая невольничий корабль, погруженный в гнетущее молчание, и душную неволю тесного берега с его суровыми стражами,— должна была находить живой отклик в прогрессивных кругах русского общества периода николаевской реакции 40-х годов. Популярность этого романса определяется его вольнолюбивым характером, образом его лирического героя — грека, борющегося за освобождение своей родины от турецкого гнета (о Н. Ф. Щербине см. статью Е. В. Гиппиуса «Балакирев — собиратель русских народных песен», «Советская музыка», № 4, 1953 г.).

Песня «Кочегар» использует ритмико-синтаксический строй романса Гурилева и те строки и строфы его, которые заключают в себе основной лирический пафос старого романса — страстную жажду свободы. Поэтому сохраняются так прочно строфы запева, противопоставляющего широту и простор морской стихии душной неволе берега. Отказываясь от не вполне ясного любовного сюжета, народная песня заменяет его обстоятельным рассказом о печальной судьбе корабельного кочегара, вызывая сочувствие к угнетенному и протест против угнетателей. «В этой песне рассказывается по порядку вся жизнь кочегара, вот почему

она интересна»,— говорит кочегар Черноморского флота (А. В. Пясковский. Коллективная пролетарская поэзия, М.— Л., 1927).

Возрождению популярности «Кочегара» в советское время способствовал музыкальный монтаж «Два корабля», сделанный в 1937 г. Л. И. Утесовым, в который была включена песня «Раскинулось море широко»; с того времени песня стала часто передаваться по радио, включаться в программы популярных концертов.

Ведущий образ старой песни, образ широты и свободы, выраженный в словах и мелодии ее запева, является одной из причин исключительной популярности песни «Раскинулось море широко», которая продолжает жить в наши дни как любимая народная песня и послужила основой многочисленных новых песен Великой Отечественной войны.

Печатные тексты на мотив «Кочегара» см.: «Уральский фольклор», стр. 99, 101, 102, 104, 105; И. В. Г у т о р о в, стр. 132—136. 1

47

Тихий ветер чуть колышет травы,
Над границей пала ночь темна.
Неспокойно смотрит на заставу,
На заставу вражья сторона.
Не цветут здесь яблони и груши,
Здесь леса прекрасные растут.
Каждый кустик здесь бойцу послушен,
И враги границы не пройдут.
Не забыл тебя я, дорогая,
Помню, слыпГу песенку твою
И вдали безоблачного края
Я родную землю стерегу.
Не забудь и про меня, Катюша.
Про того, кто письма часто шлет,
Про того, кто лес умеет слушать,
Про того, кто счастье бережет.

Песня записана студенткой Загорского учительского института В. М. Турковой со следующей пометкой: «Песню «Ответ Катюше» я услышала от своей подруги. Эту песню ей прислал боец с Западного фронта в июле 1942 г.».

(Архив Гос. лит. музея).

Автор текста не установлен. В данной редакции песня получила большое распространение и зафиксирована в ряде вариантов.

В основе данного текста, так же как и нише публикуемых, лежит широко известная песня М. Исаковского «Катюша» (1938 г.), музыка М. Блантера.

В годы Великой Отечественной войны песня о «Катюше» была одной из популярнейших песен фронта. Распространенная в своем авторском тексте, она породила ряд новых песен.

Многочисленные тексты на мотив «Катюши» опубликованы в сборниках: В. А. Тонков. Народное творчество в дни Великой Отечественной войны, Воронеж, 1945; «Советский фольклор Чкаловской области», Чкалов, 1947, стр. 90—93, № 23— 26; «Фольклор Советской Карелии», Петрозаводск, 1947, стр. 98—100; И. В. Г у т о р о в. Борьба и творчество народных мстителей, Минск, 1949, стр. 188—198; «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области», 1950, № 56.

Используя ритмико-синтаксический строй песни М. Исаковского «Катюша», иногда отдельные начальные или наиболее характерные строки, эти новые песни развивают в своем содержании как бы продолжение поэтической биографии героини: «Катюша — девушка простая» песни Исаковского приобретает во фронтовых и партизанских песнях черты активного борца за Родину.

В большом количестве возникали на мотив «Катюши» песни типа «Ответов», характерной чертой которых, в отличие от песни Исаковского, является переключение внимания с образа героини на образ героя-бойца, защитника Родины. В этих песнях юноша-боец обращается к любимой девушке, являющейся для него олицетворением девичьей чистоты и верности.

Известны также сатирические тексты на мотив «Катюши», заклеймившие легкомысленное поведение в годы войны некоторых девушек (такую песню см. в романе Б. Горбатова «Непокоренные»).

В 1942—1943 гг. песни на мотив «Катюши» в различных вариантах были очень популярны среди населения временно оккупированных фашистами территорий и имели большое общественно-воспитательное значение.

Популярность песни «Катюша» была настолько велика, что и самое имя это сделалось нарицательным. (См., например, раздел пословиц и поговорок в сб. «Фронтовой фольклор», стр. 107, 108).

Наименование советского миномета «Катюшей», имевшее широкое хождение на фронте, видимо, также произошло под воздействием популярной песни Исаковского.

О прославленном миномете «Катюше» ходили шутки, прибаутки, анекдоты, слагались песни. Наибольшую известность получила песня М. Слободского «Катюша» («Разлетались головы и

туши...»). Она печаталась неоднократно во фронтовых газетах и пользовалась исключительной популярностью на фронте.

48

Не цветут здесь яблони и груши,
Снег в полях, снарядов дикий вой,—
Нахожусь на Западе, Катюша,
На земле суровой и чужой.
Ты живи спокойно и счастливо,
Пой, трудись, меня не забывай;
Если я вернусь домой, Катюша,
Выходи тогда, меня встречай.
Если нет,— и пуля вдруг шальная
Подсечет на дальней стороне,
Не грусти, не плачь тогда, родная,
Расскажи всю правду обо мне.
Расскажи, как ты меня любила,
Расскажи, как письма берегла,
Расскажи, как песенку сложила,
Расскажи, как ты меня ждала.
А теперь прощай, моя родная,
Снова я иду в жестокий бой,
До Берлина мало нам осталось,
Чтобы знамя реяло над ним.
И теперь пришел наш день победы
Над фашистской лютою ордой,
И тебя, родная, вспоминаю
И желаю встретиться с тобой.

Текст извлечен из дневника-альбома гвардии капитана В. И. Пузанова со следующей пометкой: «Фронтовая песенка в Германии. Сочинена в Финскую войну, изменена в Отечественную войну в 1943 г.» (Дневник поступил в Институт этнографии АН СССР 21 июля 1945 г.).

В основе данного текста, по свидетельству ряда лиц, участников финской кампании, лежит песня, сложившаяся на основе «Катюши» М. Исаковского.

Песня эта начиналась обычно словами:

Нахожусь в Финляндии, Катюша,
В стороне Суоми молодой...

(См., напр., сб. «Фронтовой фольклор», стр. 116).

49

Жгли фашисты яблони и груши,
Всю деревню грабили подряд,
А под вечер во главе с Катюшей
Партизанский подошел отряд.
Вражий штаб Катюша окружила
И с гранатой бросилась вперед,
Семерых на месте уложила,
А восьмой удрал на огород.
Догоняла Катя по дорожке
И винтовку вскинула вперед —
Генерал слетел, как куль картошки,
Под высокий берег, под крутой.
И когда бумаги собирала,
Увидала Гитлера портрет
И на морде мелом написала:
«От Катюши «пламенный привет»!»

Песня записана В. Ю. Крупянскойв апреле 1943 г. от А. Рубена в поезде Владивосток — Москва. Аналогичный вариант был опубликован в фронтовой газете Западного фронта. По сообщению одного из партизан, ему довелось слышать эту песню в глубоком партизанском тылу, в брянских лесах.

Публикуемый текст принадлежит к циклу песен о Катюше-партизанке (см. также следующую песню) и, возможно, сложился среди партизан.

Автор данной песни не установлен.

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 47).

50

КАТЮША

Осыпались яблони и груши,
Зашумели ветры над рекой,
Проходила берегом Катюша
В сапогах, в пилотке боевой
Проходила по лесам и селам
Партизанской узкою тропой
С той же самой песенкой веселой,
Что когда-то пела над рекой.
И не раз фашистов сокрушала,
Защищая родину свою,
С автоматом девушка простая,
О которой в песенке поют.
Лейся, песня, лейся в небе чистом,

Мчися, песня, с скоростью орла
И бойцу — отважному танкисту
Расскажи катюшины дела.
Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет.
Носит Катя форму боевую,
Из засады врага бьет.
Прозвучит победа над страною,
На полях затихнет жаркий бой
В край родной дорогой фронтовою
Возвратятся воины домой.
Расцветут и яблони и груши,
Поплывут туманы над рекой,
С песней выйдет к берегу Катюша
В сапогах, в пилотке боевой.

Текст песни сообщен бывшим фронтовиком, артиллеристом-сержантом И. Науменко со следующим примечанием: «Эту песню я переделал из песенки «Катюша» М. Исаковского в начале 1944 г., находясь на Ленинградском фронте, и запись этой песни я где то утерял. Сегодня получил письмо от бойца-фронтовика, и он в письме прислал мне мою песенку, он ее записал, как только я ее переработал, и она у него сохранилась. (Из письма И. Науменко, адресованного в Гос. лит. музей.)

Автор данной песни — И. Я. Науменко, 1925 г. рожд., уроженец Смоленской области. Автор многих стихов и песен.

51
КАТЮША

Весь блиндаж снарядами разрушен,
Вдоль реки метелица свинца,
Но выходит на берег Катюша,
Слыша зов советского бойца.
Вот летит она стрелой, как птица.
Вот ползет по краешку леска.
Наша Катя пули не боится,
Не боится вражьего штыка.
Катя слово раненому скажет
Так, что в сердце песня запоет,
Катя раны крепко перевяжет,
На руках из боя унесет.
Ой, ты, Катя, девушка родная,
Сто бойцов спасла ты из огня.
Может, завтра, раненых спасая,

Из огня ты вынесешь меня!
Ты достойна звания Героя,
Ты в сраженьях Родине верна,

И тебя любимою сестрою
Называет вся моя страна.

Песня записана в мае 1943 г. студенткой Загорского учительского института Ф. А. Александровской в Ильинском р-не, Ивановской области, от младшего сержанта И. Горбенко. По словам Горбенко, песня эта исполнялась в его воинской части. (Архив Гос. лит. музея).

Аналогичный вариант прислан с фронта 12 октября 1945 г. гвардии капитаном И. П. Антоновым (Архив Института этнографии АН СССР).

См. также публикацию этой песни в сб. «Советский фольклор Чкаловской области», стр. 90, № 23. Текст записан 15 апреля 1943 г. со слов красноармейца Т. Н. Тарасенко в селе Архангельском Павловского р-на Чкаловской области.

52

«КАТЮШ А»

Расцветали яблони и груши,
К ним склонялся синий горизонт,
А с завода двигалась «Катюша»
По асфальту гладкому на фронт.
Вот к передней «Катя» подходила,
Подвозя снаряды за собой,
И такую песню заводила,
Что фашисты подымали вой.
Языком металла говорила
Про степного сизого орла,
Про того, кого она любила,
Про того, чье счастье берегла.

Песня записана в мае 1943 г. студенткой Загорского учительского института Ф. А. Александровской в Ильинском р-не, Ивановской области, от младшего сержанта И. Горбенко. По словам Последнего, песня исполнялась в его воинской части.

(Архив Гос. лит. музея).

В сб. «Советский фольклор Чкаловской области» (стр. 95, № 30) опубликована песня, записанная в с. Краснохолм, Чкаловской области, от красноармейца Е. Н. Глаз-кова и состоящая из первых двух куплетов публикуемого нами текста.

53

НОВАЯ «КАТЮША»

Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой.
Эта песня, песня о Катюше,
Над страной промчалась широко.
А на фронт, врагов громя и руша,
Для бойцов подругой дорогой,
Прикатила новая «Катюша»
С песнею смертельной для врагов.
Лишь фашистов мерзостная стая
Соберется ринуться в бои,
Им «Катюша — девушка простая»
Посылает песенки свои.
Эй ты, песня, песня огневая,
Выжигай дотла фашистский сброд,
Чтоб не смела вражья свора злая
Лазить в наш советский огород.
И летят снаряды в тьму густую,
И огнем окрашен небосвод.
Пусть услышат «девушку простую»,
Пусть запомнят, как она поет.
Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
В бой победный ринулись «Катюши»,
Посланные сталинской рукой.

Текст сообщен бывшим фронтовиком И. И. Киселевым со следующим примечанием: «Песня написана красноармейцем И. А. Моценко в марте 1942 г. и исполнялась красноармейской художественной самодеятельностью 208-го стрелкового полка» (Архив Института этнографии АН СССР).

54
«КАТЮША»
Шли бои на море и на суше,
Грохотали выстрелы кругом.
Были слышны песенки «Катюши»
Под Москвой, за Курском и Орлом.
Дух солдат советских поднимала,
Пела марш победный, боевой
И врагов в могилу зарывала
Под Великой Курскою дугой.
На фронтах она не унывала,
Песни пела громкие всегда.
И тогда «Катюша» замолчала,
Как победой кончилась война.

Текст сообщил фронтовик Н. Д. Игнатенков 20 февраля 1945 г. (Архив Института этнографии АН СССР).

55

Помню день последнего привала,
Сбор бойцов у яркого костра,
Руку мне тогда забинтовала
С нами вместе шедшая сестра.
Теплотой и лаской обогрела,
Подняла ресницы ясных глаз,
И о доме что-то говорила,
Чтобы боль немного улеглась.
Стало сердцу радостней, не скрою,
У того приветного огня.
Показалась мне она сестрою,
А сестры ведь нету у меня.
Не забыть мне ночи той глубокой,
После боя найденный привал,
Девушку в шинели и пилотке,
Ту, что я сестрою называл.

Сообщил радиотелеграфист В. П. Николаев (Западный фронт, 1942 г.). Песня пелась как строевая, на мотив марша. Особой популярностью пользовалась среди женского медицинского персонала Советской Армии.

(Архив Гос. лит. музея).

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 33).

Близкий к публикуемому текст находим в сб. «Советский фольклор Чкаловской области», стр. 88, № 20.

От девушек-зенитчиц 176 зенитного артиллерийского полка записана в 1943 г. любопытная контаминация этой песни с песней из кинофильма «Фронтовые подруги», в которой к каждому куплету прибавлялся припев:

Спешите, девушки, на поле боя,
Там ждет вас раненый боец,
Спешите, девушки, на поле боевое,
Чтоб не погиб защитник и боец.

Заключительная строфа песни зенитчиц соответствует этому припеву:

Его спасет подруга боевая;

Возвратясь в родимые места,
Расскажет он, с любовью вспоминая,
О наших девушках из Красного Креста.

56

МЕДСЕСТРА

Я помню ночь осеннего привала
И сон бойцов у яркого костра;
Мне руку ты тогда перевязала
С любовью нежною, сестра.
Ты лаской бойца согрела,
Подняв ресницы карих глаз,
Уговорить меня сумела,
Чтоб боль немного улеглась.
И билось сердце, точно в клетке птица,
Когда я был у яркого костра,
И называл ее тогда сестрицей,
И вот теперь ее нет у меня.
Мне не забыть тот тихий и короткий
Осенней ночью у костра привал,
И девушку в шинели и пилотке,
Что я сестрицею тогда назвал.

Сообщил рядовой стрелкового латышского корпуса Ленгвенс в 1945 г.

(Архив Института этнографии АН СССР).

В основе обеих песен (№№ 55, 56) лежит текст стихотворения Е. Долматовского «Песня о сестре» (в книге «Три времени года», 1940, и авторский вариант в «Книге ровесников», 1947 г.). Фронтовые редакции этой песни значительно отличаются от авторского текста, внося в него существенные изменения. Первый авторский вариант 1940 г. начинается четверостишием:

Мы прошли суровую дорогу
И у Буга встали как редут.
Девушки шагали с нами в ногу —
Их недаром сестрами зовут.

В варианте 1947 г. Долматовский опускает эти строки. Народная редакция (см. № 55) сохраняет общий смысл этой строфы, заменяя строчку «Тихая, усталая сестра» или «Славная военная сестра» (у Долматовского) строчкой: «С нами вместе шедшая сестра». Народное — «Теплотой и лаской обогрела» удачнее, чем: «Теплотой и лаской окружила» у поэта.

Несомненной удачей в композиции народной песенной редакции следует считать и перестановку последних двух строк. Последний куплет фронтовой песни о медсестре как бы резюмирует таким образом всю песню. Песня «Медсестра» (№ 56) представляет собою редакцию, очень далекую от авторской: изменен

не только размер стихотворения Долматовского, но и лирическая его тема — сожаление о неожиданно найденной и потерянной сестре звучит острее в народной редакции.

57

МЕДСЕСТРА АНЮТА

Дул холодный, порывистый ветер,
И во фляге замерзла вода.
Эту встречу и тот зимний вечер
Не забыть ни за что, никогда.
Был я ранен, и капля за каплей
Кровь горяча алела в снегу.
Наши близко, но силы иссякли,
И нестрашен я больше врагу.
Мне столетьем казались минуты,
Шел по-прежнему яростный бой.
Медсестра, дорогая Анюта,
Подползла, прошептала: «Живой!
Ну-ка, встань, погляди на атаку,
Докажи, что ты парень-герой.
Не сдавайся ты смертушке лютой,
Посмеемся над нею с тобой».

Сообщил фронтовик С. Е. Паркин, который слышал эту песню от своего друга во время боев в Чехословакии, где тот часто ее пел. (Архив Института этнографии АН СССР).

Близкие тексты опубликованы в сборниках: «Советский фольклор Чкаловской области», стр. 89, № 21; «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области», № 57; в последнем указано, что песня была широко распространена среди лужских партизан.

Песня «Медсестра Анюта» написана в 1942 г. композитором Ю. Слоновым на текст М. Французова и вышла в виде листовки в издании Севастопольского ДВМФ Черноморского флота им. л-та Шмидта. Публикуемые варианты мало отличаются от своего литературного прототипа. Песня пользовалась широкой популярностью, и авторство ее на фронте приписывалось разным лицам.

«Подлинный автор песни «Медсестра Анюта»,— пишет

инвалид Великой Отечественной войны В. С. Родионов,— мне неизвестен. Впервые услышал в госпитале в г. Череповце, Вологодской области от ст. сержанта В. Кузнецова, воевавшего на Ленинградском фронте. Далее, находясь в санатории инвалидов Отечественной войны в г. Соль-Илецк, Чкаловской области, слышал ее от бойцов и офицеров Волховского, Белорусского и других фронтов. Мне думается, что песня эта, если она сложена неизвестным солдатом, возникла впервые на госпитальной койке, как благодарность воина боевой подруге, простой советской девушке, за спасенную ему жизнь» (письмо от 19 января 1947 г.).

(Архив Гос. лит. музея).

В дни Великой Отечественной войны большую популярность, особенно в среде женской молодежи, получили старые песни, о «милосердной сестре», распространенные еще во время предшествующих войн, типа: «Между гор и гор Карпатских, между двух огромных скал пробирался ночкой темной санитарный наш состав...», или «На горизонте заря догорала, красный виднелся закат, и на руках у сестры помирает красный балтийский моряк» (см. тексты в сб. «Фронтовой фольклор», № 34 и «Советский фольклор Чкаловской области», стр. 86, № 17; соответствующие варианты имеются в архивах Гос. лит. музея и Института этнографии АН СССР).

58

ОГОНЕК

На позицию девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простились
На ступеньках крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтовая семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабыть он не мог,
Где ж ты, милая девушка,
Где ж ты, мой огонек?

На позицию девушка
Парню весточку шлет,
Что любовь ее верная
Никогда не умрет.

Все, что было загадано,
Все исполнится в срок,
Не погаснет до времени
Золотой огонек.

И спокойно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письмеца.

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек,
За Советскую родину,
За родной огонек.

Текст прислал в Гос. лит. музей сержант И. П. Исупов 18 января 1944 г. (Ленинградский фронт). «Просим напечатать нашу песню «Огонек»,— пишет И. П. Исупов.— Эта песня очень большую имеет популярность, поют все подразделения нашей части, а также имеет очень большое распространение среди всего населения».

Данный текст является фронтовым вариантом песни Исаковского «Огонек».

Об исключительной популярности песни «Огонек» свидетельствуют в своем письме (сентябрь 1945 г.) к поэту М. В. Исаковскому рядовые бойцы и сержанты подразделения офицера Быкова: «Часто случается так, что едешь в поезде или идешь по дорогам чужой земли и слышишь напевы «Огонька». Его поют не только красноармейцы, но и чехи, и поляки, и другие народы» (Архив Гос. лит. музея).

В своем очерке «Советская массовая песня» И. Нестьев свидетельствует о популярности «Огонька» Исаковского: «Летом 1944 г. не было такого уголка на всем протяжении Первого и Второго Украинских фронтов, где бы ни звучала песенка «Огонек» на обаятельный лирический текст Исаковского. «Мелодия песни — простенькое, несколько сентиментальное танго — получила распространение в результате чисто фольклорной устной традиции. Ее пели на концертах самодеятельности, распевали в

тесном кругу друзей в блиндажах, под нее танцовали на лесной полянке, под баян, текст ее печатали в армейских газетах, переписывали друг у друга». Текст этой песни «был положен на музыку несколькими известными композиторами, но в быт вошла мелодия, нигде не опубликованная. Интонационно она родственна песне «Огонек», сочиненной в городе Кронштадте краснофлотцем-баянистом Никитенко (опубликована в сборнике «Песни Краснознаменной Балтики» сборник 10. Л, 1944 г.)» *.

В письме к М. В. Исаковскому 12 сентября 1952 г. Н. Ф. Щибаев из г. Электросталь Московской обл. пишет:

«Тов. Исаковский, прошу сообщить, известно ли Вам, где, когда и кем записана мелодия на Ваше стихотворение «Огонек», так как мелодию этой песни сочинил я в сентябре 1943 г. Текст Вашего стихотворения, которое было напечатано в численнике за 1943 г., мне очень понравился, и я решил подобрать к нему мелодию, которая приобрела популярность».

(Архив Гос. литературного музея).

Любопытное свидетельство популярности «Огонька» дает песня, записанная в Ломоносовском р-не Ленинградской области. Так же, как и в песне о «Бескозырке» (см. комментарий к № 46 нашего сборника), песня «Огонек» здесь вкладывается в уста лирического героя самой песни:

На походе в Прибалтике
Песню пел паренек
Про любимую девушку,
Голубой огонек.
Парень стал смелым воином,
Он в разведку ходил,
Бил фашистов он яростно,
«Языков» приводил.
Но как только из поиска
Приходил он домой,
Пел он песню про девушку,
Огонек голубой.

(Текст опубликован в сб. «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области», № 50).

Интересны наблюдения, сделанные экспедицией Института этнографии АН СССР в Закарпатской Украине. В 1945 и 1946 гг. в селе Гребля, Иршавского округа, песня «Огонек» пользовалась исключительной популярностью, под нее танцовали, а на святках молодежь с этой песней колядовала под окнами.

Исключительная популярность самой темы песенки

Исаковского подтверждается значительным количеством песен-пародий и «ответов» на «Огонек».

В Архивах Гос. лит. музея и Института этнографии хранится до 20 вариантов так называемых «Ответов» на «Огонек», авторами которых являются фронтовики. Среди песен на мотив «Огонька» известен текст, в котором подвергается осуждению девушка, отказавшая жениху, ставшему инвалидом. Как реакция на эту песню появились песни на тот же мотив, изображающие девушку верной раненому бойцу. Таков, например, «Огонек», автором которого является фронтовик И. Я. Науменко. Особенно характерны следующие строфы этой песни:

...И опять повстречалися
На знакомом крыльце.
Вновь улыбку любимую
Он поймал на лице.
И подруга далекая,
Что так долго ждала,
На ступеньках крылечка
Паренька обняла.
«Ты уехал надолго,
И твой путь был далек,
Но, как в прежнее время,
Все горит огонек.

Того же типа и нижепубликуемая песня.

59

Стихли залпы последние,
И легла тишина,
За Берлином победою
Завершилась война.
Возвращался с позиции
Молодой паренек,
Помня девушку милую,
Золотой огонек.
Шел дорогой знакомою,
И шагалось легко,
Знал, что милая девушка
Ожидает его.
Поздно к дому заветному
Подходил в темноте,
Засветился приветливо
Огонек в том окне.

Нежно девушка встретила
Молодого бойца,
Обнимала любимого
На ступеньках крыльца.
Были веселы, радостны
Под счастливой звездой
И любимая девушка,
И боец молодой.

Записал С. Красноштанов в с. Макарово, Усть-Кутского р-на, Иркутской области.

(Архив Института этнографии АН СССР).

60

Мы знакомыми не были
Перед грозной войной,
Темной ночью холодною
Не прощались с тобой.
Я живу в тихом городе,
Он тебе незнаком,
Незнакома и улица
И мой серенький дом.
Но когда получаю я
От тебя письмецо,
То мне кажется — друг ты мне,
Мы знакомы давно.
И горит в моей комнате
Нашей встречи залог —
На окошке заснеженном
Золотой огонек.
Пусть скорей моя весточка
До тебя долетит,
Пусть согреет, обрадует
И мечты оживит,
Пусть поможет в бою тебе
Письмецо-уголок,
Незнакомая девушка
И ее огонек.

Записала С. И. Минц от группы студентов Московского государственного университета в октябре 1949 г. Автор этой песни — Наталья Евграфовна Шульга, студентка литфака Башкирского педагогического института, сложившая ее в 1945 г.

Типичным явлением военных лет была переписка, которая

часто возникала между молодежью фронта и тыла и поддерживала моральный дух бойца. Это явление нашло свое отражение в публикуемом тексте (см. также комментарии к песням-посланиям №№ 71—75).

61

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Качаясь, вагоны
Мчат полем зеленым,
И близится встречи тепло.
В одном из них парень,—
На южном он ранен,—
В свое возвращался село.
Сосед у окошка
Поет под гармошку
О парне, что к милой спешит.
Но парень невесел,
Ему не до песен,
Тревога на сердце лежит.
«К кому я поеду,—
Сказал он соседу,—
Навстречу не выйдет жена.
Я ранен, контужен,
Зачем я ей нужен,
С другим подружилась она».
Сосед усмехнулся
И к парню нагнулся:
«Вдвойне ею будешь любим.
Желанная встретит
Все раны залечит,
Согреет дыханьем своим.
За все твои муки,
За горечь разлуки,
За смелость в суровых боях
Тебя не забудет,
Вовек не забудет
Подруга, голубка твоя».
К родному перрону
Подходят вагоны,
Пахнуло родимым теплом,
За горкой, за лугом,
В избушке подруга
Ждет парня и ночью и днем.

Сообщил лейтенант Н. М. Удовиченко.

(Архив Гос. лит. музея).

По его свидетельству, песня эта пелась бойцами батальона охраны 1-го Прибалтийского фронта.

Автор текста не установлен.

62

ОТВЕТ НА «ЗЕМЛЯНКУ»

Дни идут бесконечной чредой,—
Обливается кровью страна;
Ты в холодной землянке сырой,
Но дорога нам в жизни одна.
Не грусти, не печалься, родной,
Пусть огонь не погаснет в груди —
Я в холодной землянке с тобой,
И победа нас ждет впереди.
Там, где тают снега от крови,
Где скитается смерть по углам,
Пусть летит эта песнь о любви
За тобой по далеким снегам.
И услышишь ты песню мою,
От нее тебе станет теплей,
И врагу станет жарко в бою
От ненависти жгучей твоей.
Ты вернешься, сомнения нет,
Поглядишь мне с улыбкой в глаза;
И впервые за всю твою жизнь
Пробежит по ресницам слеза.

Сообщил фронтовик Г. М. Добровольский. По его сведениям, песня исполняется на мотив «Землянки», составлена коллективно группой девушек-солдат в июле 1944 г. в городе Барановичи. В 1945 г. исполнялась на концертах художественной самодеятельности в войсках Рокоссовского.

(Архив Института этнографии АН СССР).

Вариант «Ответа» на «Земляпку» под названием «В землянке с тобой», очень мало отличающийся от приведенного выше, записала в июле 1943 г. А. А. Малина, студентка литфака Загорского учительского института, «от девушки-бойца ВолховСкого фронта, которая приезжала в г. Боровичи Ленинградской области. Эту песню, по ее словам, составили бойцы их подразделения».

(Архив Гос. лит. музея).

Близкие варианты этой песни записал В. Никишин на Северо-

Западном фронте в 1943 г.

(Архив Института этнографии АН СССР) и Н. И. Кленов на Карельском фронте летом 1944 г. (Архив Гос. лит. музея).

Публикуемый текст представляет собой один из характернейших образцов «Ответов» на «Землянку» А. Суркова. Подобных «Ответов» записано большое количество. Это по преимуществу стихи девушек. Среди мужской молодежи произведения эти пользовались большой популярностью: часто исполнялись, переписывались в записные книжки, дневники и т. п.

Подобные «Ответы» опубликованы в сб.: Гуторова, стр. 156. «Русские народные песни», записанные в Ленинградской области», №№ 67, 68.

«Землянка» А. Суркова, музыка К. Листова, была популярна на фронте.

На мотив «Землянки» возникло большое количество новых песен. В новых песнях, сохраняющих общую тему «Землянки»,— воспоминания о родном доме, звучит вместе с тем вера в победу и в скорую встречу с близкими.

63

В ТЕПЛУШКЕ

Догорает за Волгой закат,
А по рельсам составы гремят,
И увозят теплушки солдат,
Отстоявших в боях Сталинград.
Над землею небес океан,
В теплом воздухе пахнет весной,
А в теплушке играет баян,
И поет старшина молодой.
Русый чуб опустив на гармонь,
Задушевно поет старшина,
И мерцает в печурке огонь,
И в теплушке стоит тишина...
Старшина с одним парнем дружил,
Вместе ел, вместе пил, вместе спал,
В одной роте три года служил,
Ни в нужде, ни в беде не бросал.
Воевал с ним в Карельских лесах,
Бил фашистов под Тулой зимой,
Вынес друга в бою на руках,
А друг спас ему жизнь под Москвой.
Но не писан для пули закон,
И не едет товарищ назад.

Спит у Волги под холмиком он,
Отстоявший родной Сталинград.
Темной ночью сразил его враг,
Схоронил его друг над рекой.
А над городом плещется флаг,
Водруженный гвардейца рукой.

129
Догорал уж за Волгой закат,
Стих баян; лишь гремят поезда...
А на сердце солдат — Сталинград,
Нашей славы военной звезда.

Сообщил гвардии старший лейтенант И. Н. Кривохатский, с примечанием: «Сталинградская песня на мотив «Землянки» Листова. Автор песни — капитан Николай Ткачев, сотрудник газеты «За родину» 7-й гвардейской армии. Песня была написана вскоре после победы под Сталинградом в марте — апреле 1943 г., во время переброски войск 7-й гвардейской армии из Сталинграда на Украину. Пелась в коллективе самодеятельности 7-й гвардейской армии и в дивизиях этой армии».

(Архив Института этнографии АН СССР).

64
МОЙ МАЛЬЧИК
Тихо плещет в речонке волна,
Шелестит пожелтевший камыш,
Нас с тобой разлучила война,
Мой родной сероглазый малыш.

Припев:
Годы прошли в огне,
Кудри мои в седине,
Но повсюду со мной образ твой,
Мальчик мой дорогой.

Я не раз о тебе тосковал
И грустил, оставаясь один...
В сизой дымке далекий Урал,
Где живет сероглазый мой сын.

Припев.

Ты, наверное, стал уж большой,

С детворою шалишь у крыльца,
И когда я увижусь с тобой,
Ты навряд ли узнаешь отца.

Припев.

Слышишь, мальчик, как сердце стучит,
Это встречи приблизился час.
Скоро вспыхнут, как звезды в ночи,
Миллионы счастливейших глаз.

Припев.

Автор песни — Г. И. Фроловский. Песня сложена в июне 1944 г. в период наступления на 3-м Белорусском фронте под Минском, в районе Ждановичи.

Так же, как и предыдущая, песня отталкивается от «Землянки» Суркова— Листова. Публикуемая песня отличается от других песен на мотив «Землянки» своим припевом, построенным в другом размере.

65

Запеваю песню неспроста,
Песня рвется, как из клетки птица,
К девушке хорошей, как мечта,
К девушке, которая мне снится.
В летний зной, в суровой тишине
На Дону, в Качалинской станице,
Встретил я в суровый час войны,
Девушку, которая мне снится.
И пока гремит войны металл,
И пока суровы наши лица,
Я не встречу, как бы ни желал,
Девушку, которая мне снится.
Запеваю песню неспроста,
Песня рвется, как из клетки птица,
К девушке хорошей, как мечта,
К девушке, которая мне снится.

Автор песни — А. К. Егорова, уроженка хутора Мартыновского Ново-Анненского р-на Сталинградской области. Работала учительницей. А. К. Егорова служила в годы Великой Отечественной войны в летных частях. Песня сложена ею в 1944 г. Поводом к созданию песни явилось, по словам Егоровой,

выраженное молодым летчиком Г. Тваури желание иметь песню о случайно встреченной и глубоко затронувшей его чувство девушке.

Егорова написала стихотворение в стенную газету своего полка. Стихи ее очень понравились летчику и стали распеваться как им, так и его товарищами по части. Сам Г. Тваури героически погиб под Варшавой в 1944 г. во время воздушного боя.

Его любимая песня о девушке продолжала еще долго жить в полку.

(Материалы Сталинградской экспедиции 1949 г., Архив Института этнографии АП СССР).

66

МОСКВИЧКА

Над рекой вечерний сумрак опускается,
Чуть колышется прибрежная лоза,
Мне сегодня милый город вспоминается,
Вспоминаются любимые глаза.
Но далеко столица дорогая,
Года идут в походах и в боях.
Увижу ль снова я тебя, родная,
Моя москвичка сероглазая?
День и ночь свистят меж нами пули быстрые,
Дым плывет над почернелою травой,
Может, завтра и твои глаза лучистые Затуманятся непрошенной слезой.
Но за тебя, подруга дорогая,
Не дрогну я под вражеским огнем,
Чтоб расцвела Москва родная,
Великий бой сегодня мы ведем.
Отшумят грозой весенней дни кипучие,
Станут наши дни и ярче и теплей,
Озарится вся страна моя могучая Светом радостных и ласковых огней.
В знакомый дом войду я на рассвете,
Свою шинель пробитую сниму,
В твои глаза я загляну, родная,
Свою москвичку крепко обниму.

Автор песни — Г. И. Фроловский, музыка Л. А. Маринина, баяниста ансамбля. Песня сложена 21 августа 1943 г. на берегу озера Бездна, около местечка Зайцева гора, высоты, господствовавшей на Варшавском шоссе, за которую шли большие бои. Песня получила широкое распространение, неоднократно

переписывалась бойцами.

Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 42.

67

ТВОЯ ФОТОГРАФИЯ

Из Москвы меня увозит эшелон,
День и ночь стучит колесами вагон,
Я в вагоне фотокарточку твою
Из кармана гимнастерки достаю.
Ты, я знаю, измениться не могла,
Ты, я верю, все такая, как была.

Припев:
Дорога степная, тропинка лесная,
В небе простор голубой.
Тебя вспоминая, я верю, родная,
Вернемся с победой домой.

Каждый день наш батальон идет вперед,
Но ни сон нас, ни усталость не берет.
Только некогда, родная, мне в бою
Посмотреть на фотокарточку твою.
Ты, я знаю, измениться не могла,
Ты, я верю, все такая, как была.

Припев:
Атака ночная, граната ручная
И нестихающий бой.
Тебя вспоминая, я верю, родная,
Вернемся с победой домой.

Канонада начала уже стихать.
После боя отвели нас отдыхать.
На привале фотокарточку твою
Из пробитой гимнастерки достаю.
Потемнела фотография в бою —
Тем дороже она сердцу моему.

Припев:
Дорога степная, тропинка лесная
И в небе простор голубой.
Тебя вспоминая, я верю, родная,
Вернемся с победой домой.

Песня записана капитаном Г. М. Добровольским в марте 1943 г. в районе г. Сев-ска. (Архив Института этнографии АН СССР).

Аналогичный текст записан В. Ю. Крупянской от танкиста-капитана Е. И. Зудова, который услышал эту песню в 1942 г. на Западном фронте от одного командира. (Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 41).

По наблюдениям экспедиции Минского педагогического института 1945 г., это одна из любимейших песен белорусской молодежи. В Белоруссии она зарегистрирована в следующем варианте:

Из Орши идет на Запад эшелон,
День и ночь стучит колесами вагон,
Я в вагоне фотокарточку твою
Из кармана гимнастерки достаю.
День и ночь идут смоленские бои,
День и ночь идем на Запад мы,
День и ночь идем, идем вперед, вперед,
Но ни сон нас, ни усталость не берет.

(Архив Всесоюзного дома народного творчества им. Н. К. Крупской). Особенность публикуемого текста — наличие в нем припева.

Автор песни не установлен. Песня сложена на мотив «То не тучи — грозовые облака» (текст А. Суркова, музыка бр. Покрасс).

68

ПЕСНЯ О КАПИТАНЕ РАЧКОВЕ

Военная Волга, мы помним тот год:
Без устали бьет канонада.
По Волге груженый идет пароход,
Идет мимо стен Сталинграда.
И небо, и Волга в багровом дыму,
И в небе кровавые пятна.
Снаряды летели навстречу ему,
Но он не вернулся обратно.
Все знают — в бою отступает лишь трус,
Он их, капитан, презирает,
Чтоб фронту доставить немедленно груз,
Он путь смельчака выбирает.
Он видел, как с берега вражья орда
Свинцом все суда поливала,
Окрасилась кровью горячей вода,
Но он не покинул штурвала.

Когда капитану в широкую грудь
Фашистская пуля попала,
В огне продолжая отважный свой путь,
Сраженный упал у штурвала.
Бесстрашно погиб капитан под огнем,
Но в сердце он нашем надолго,
И будут торжественно помнить о нем
И город, и люди, и Волга.

Песня записана Б. С. Лащилиным в сентябре 1947 г. на пароходе, проездом в Астрахань, от Вячеслава Нетеганова 13 л. Мальчик вместе с отцом летом плавает юнгой на пароходе «Водопьянов».

Когда отец рассказывал о гибели капитана Рачкова, мальчик сказал: «Я знаю песню о капитане Рачкове», и пропел ее. Эту песню, по словам мальчика, поют матросы и юнги парохода «Водопьянов».

Песню о капитане Рачкове сложил в 1943 г. Сафонцев, диспетчер Нижневолжского пароходства, лично знавший Рачкова. Песня быстро распространилась среди матросов и поется до настоящего времени

(Архив Всесоюзного дома народного творчества им. Н. К. Крупской. Материалы Астраханской экспедиции, 1947 г.).

69

СЕВАСТОПОЛЬ

Иду по знакомой дорожке,
Мелькнет Севастополь вдали,
А чуть обернешься немножко,
На рейде стоят корабли.

Припев:
Может, встретишь, улыбнешься,
Может, хмуро сдвинешь бровь,
Может, вспомнишь с трудом,
Может, вспыхнет огнем
Твоя прежняя любовь.

Расстались мы в летние ночи,
И вот, дорогая, опять
Приду посмотреть в твои очи.
Приду тебя к сердцу прижать.

Припев.

Иду по знакомой дорожке,
Вдали голубеет крыльцо,
И вижу в открытом окошке
Твое дорогое лицо.

Припев.

Скажу я тебе, дорогая,
Сберег я в суровой войне
Твой синенький, скромный платочек,
Согретый мечтой о тебе.

Припев.

Эскадра пары подымает,
И в море идут корабли;
Морячка платочком махает,
И чайки летают вдали.

Припев.

Сообщила О. А. Попова в 1945 г. (Архив Института этнографии АН СССР). В основе публикуемого текста лежит песня «Возвращение» Г. Гридова (музыка Владимирцева), популярная в годы Великой Отечественной войны.

Иду по знакомой дорожке,
Вдали голубеет крыльцо;
Я вижу в открытом окошке
Твое дорогое лицо.

Припев:
Может, встретишь, улыбнешься,
Может, строго сдвинешь бровь,
Может, вспомнишь с трудом,
Может, вспыхнет огнем
Твоя нежная любовь.

Ты взглядом меня провожала
Под песню холодных ветров,
Ты мне ничего не сказала —
И все рассказала без слов.

Припев.

Скажу я тебе между прочим:
Сберег я в суровой борьбе
Твой шелковый белый платочек,
Согретый мечтой о тебе.

Припев.

Растают туманные ночи,
Я с сердцем веселым опять
Приду поглядеть в твои очи,
Приду твою руку пожать.

(Напечатано в сб. «Песни Великой Отечественной войны», вып. VIII, изд. Союза советских композиторов, М., 1944). Можно предполагать, что народный вариант этой песни возник в среде моряков, о чем свидетельствуют упоминание Севастополя и детали морского пейзажа (корабли на рейде, эскадра, чайки).

Такой же «морской» вариант, очень близкий к данному, сообщил капитан-танкист Е. И. Зудов, слышавший его в госпитале г. Мурома Горьковской области от медсестры, которая привезла эту песню из г. Моздока. (Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 32). Бывший фронтовик Л. Н. Пушкарев указывает, что песня «Иду по знакомой дорожке», очень популярная на фронте, часто пелась на мотив «Тучи над городом встали» П. Артанда.

70

Седой мороз идет по хрупким веткам,
Луна над лесом светит, как маяк,
Затихло все, пора идти в разведку,
Ты не грусти, не плачь, любимая моя.
Со мной идут ребята удалые,
И если мы наткнемся на врага,
Согнутся низко сосны вековые,
Взметнутся к небу зыбкие снега.
И грянет бой, ты помни и надейся,
Мы постоим за честь свою в боях,
Не победить врагу веселого гвардейца,
Ты не грусти, не плачь, любимая моя.
И если нас окружит враг проклятый,
Пред ним спины вовеки не согну,
Себя взорву последнею гранатой,

Но честь гвардейца цело сохраню.

Текст прислал бывший фронтовик К. А. Попов 13 ноября 1945 г. из города Кемь, Карело-Финской ССР. Песня пелась на мотив «Любимый город». Автор данного текста не установлен.

(Архив Института этнографии АН СССР).

На мелодию песни «Любимый город» в период Великой Отечественной войны сложился ряд песенных текстов. См. тексты, опубликованные в книге Гуторова, стр. 177, 178.

71

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

На улице полночь. Свеча догорает,
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.
Как долго ты пишешь его, дорогая!
Окончишь и примешься вновь;
Зато я уверен, к переднему краю
Прорвется такая любовь.
Давно мы из дома, огни наших комнат
За дымом войны не видать,
Но тот, кого любят, и тот, кого помнят,
И в дыме войны их видать.
Теплее на фронте от ласковых писем,
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь и Родину слышишь
За нашей стальною и прочной броней.
Мы скоро вернемся, я знаю и верю,
Что время такое придет —
Останется грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет.

Сообщил рядовой Латышского стрелкового корпуса Ленгвенс, 1945 г. (Архив Института этнографии АН СССР).

Песня является вариантом стихотворения И. Уткина «На улице полночь. Свеча догорает...» В песне утрачена последняя строфа стихотворения Уткина:

И как-нибудь вечером вместе с тобою, К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя, Как хронику чувств, перечтем.

Характерна замена в 4-й строфе:

У т к и н:
...Любимую видишь
И Родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Песня:
...Любимую видишь и Родину слышишь,
За нашей стальною и прочной броней...

72

ВАШИ ПИСЬМА

Эх, жены и девушки, знаете ль вы,
Как письма на фронте читают?
Получит кто парочку слов из Москвы,
А слушают люди с Алтая.
Читают не просто, а с жадностью пьют
Все фразы от точки до точки,
Как будто в пустыне горячей найдут
Живительный, свежий источник.
И как хорошо, если веет теплом
От письма голубого конверта.
Тогда ярославским дымят табаком
И кольца пускают по ветру...
Когда же сердца отогреются в них,
Тепло и в застывших шинелях,
Они забывают о ветрах лихих
И ленинградских метелях.
И так, как товарищи эти мои,
Я часто конверты вскрываю,
Читаю я теплые письма твои,
В жестокий мороз согреваюсь.
Любовь, дорогая, твоя горяча,
И знаю, ты жаждешь свиданья.
Иначе и я не могу отвечать,
Как только горячим посланьем.
Хотя и живу я в далеких краях
И, может, здесь долго пробуду,
Но, честью клянусь, дорогая моя,
Тебя ни на час не забуду.
Я вижу: за редкой опушкой лесной
Туман поднимается синий,
Я слышу твой голос любимый, родной,
Дыхание тихое сына...
Эх, жены и девушки! Вас ли забыть!

О вас ли здесь сердце не бьется!
Пишите, родные, нам радостней жить,
И злее с врагами бороться.

Записала В. Ю. Крупянская в поезде Москва — Владивосток в марте 1943 г. от красноармейца М. И. Орликова. По свидетельству последнего, он является автором этой песни и сложил ее в первых числах февраля 1943 г. Песня быстро приобрела популярность в частях Волховского фронта, причем первоначально пелась только ее первая часть, потом стали петь всю.

Исполнялась на мотив песни «Варяг».

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 43).

М. И. Орликов, 1919 г. рожд. Уроженец Алтая, Сорокинского р-на. Гражданская профессия — преподаватель русского языка. Музыкант-самоучка. Автор ряда песен и мелодий к ним.

73

ВМЕСТЕ С ЛЮБИМОЙ

Хоть ты далеко в том краю, где мечтала
В тени тополей ты о счастье со мной,
Но знай, дорогая, что дня не бывало,
Когда б на врага не ходил я с тобой.
Ты в сердце моем всюду вместе со мною —
В разведке, в засаде, в походе, в бою.
С тобой побеждал я, с тобой я утрою
Отвагу, находчивость, смелость свою.
Родная, сражаюсь за то, чтоб скорее
Врагу отплатить по-советски, с лихвой,
За то, чтобы людям жилось веселее,
За то, чтоб скорей увидаться с тобой.

Текст сообщен студенткой Загорского учительского института В. Кругляковой, со следующим примечанием: «Песенка «Вместе с любимой» сочинена бойцами Н-ской артиллерийской части. Я записала ее от младшего лейтенанта Моисея Борисовича Публикер 25 октября 1942 г. в Калининской области, Бологовского района ст. Медведеве».

(Архив Гос. лит. музея).

74

ПИСЬМО

Ты писал мне перед самым боем,
В час, когда бросало землю в дрожь.

Я не знаю, где ты, что с тобою,
Но я верю— ты ко мне придешь.
Ты пройдешь сквозь дым, сквозь гул снарядов,
И в горячей схватке лобовой
Ты меня, я знаю, видишь рядом,
Потому что сердцем я с тобой.
Я с тобой плечом к плечу, и, может,
Кровь твоя пылает на снегу.
Пусть тебе другая бинт наложит,
Только знай — тебя я берегу.
Я с тобой везде иду незримо,
Я храню тебя, ты будешь жить —
Знай, что смерть шальною пулей мимо,
Не коснувшись сердца, прожужжит.
Отведу ее своей любовью,
Смертоносный растоплю металл;
Ночи не было, чтоб к изголовью
Светлый образ твой не прилетал.

Текст сообщен студенткой Загорского учительского института З. М. Рыжковой, с пометкой: «Слышала от бойца-фронтовика Волховского фронта в г. Боровичи Ленинградской области» (Архив Гос. лит. музея).

75

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Ты мне пишешь на фронт, дорогая,
Что на запад ты смотришь с тоской,
Когда солнце костром догорает
В темной тучке за тихой Москвой.
И ты думаешь с болью, тревогой
О разлуке, о нашей судьбе...
Далеко я, но нежно и много
Теплых мыслей храню о тебе.
Каждый день, когда бой утихает,
Когда ночь сбросит синий платок,
Милый друг, я тебя вспоминаю
И с любовью смотрю на восток.
Скоро враг нам сторицей заплатит
За разлуку, за тысячи бед,—
Ты не будешь грустить на закате,
Будем вместе встречать мы рассвет.

Из фронтовой тетради. Автор — старший лейтенант В.

Ермаков. Июль 1942 г.

(Опубликовано во фронтовой газете 53-й гвардейской стрелковой дивизии, перепечатано в сб. «Фронтовой фольклор», № 44).

Тексты №№ 71—75 представляют собой характерные образцы жанра стихотворного послания к матери, невесте, жене, другу. Подобные произведения пользовались в годы войны чрезвычайной популярностью, охотно переписывались, читались. Многие из этих стихотворений становились песнями. Известно большое количество произведений подобного рода, авторами которых являются профессиональные поэты и композиторы. Многие из этих песен-посланий положены на музыку, например: «Письмо к любимой» Я. Шварца, музыка В. Кручинина; «Письмо с фронта» С. Михалкова, музыка А. Лепина и другие. Некоторые передавались письменным путем, ходили по рукам, как безыменные стихотворения, подвергаясь зачастую изменениям. Типическим примером может служить история одного из устных вариантов стихотворения В. Лебедева-Кумача «Письмо-песня». По сообщению красноармейца В. П. Николаева, он продиктовал эти стихи, не зная, кто является их автором, своему приятелю по госпиталю лейтенанту М. И. Андронову. Тот их записал и в свою очередь приписал последнее четверостишие, уже собственного сочинения:

Но сердце мое одинокое,
Огрубевшее в этой борьбе,
По-прежнему любит тебя, так далекую,
Нежно, как прежде, и даже вдвойне.

По словам фронтовиков, подобные стихи таким образом и сочиняются: один составит куплет, другой прибавит, а потом стихи начинают ходить по рукам, один списывает у другого.

Чрезвычайно характерен и как жизненный факт и как литературное явление случай со стихотворением «Просьба», имевший место в сентябре 1943 г. на Ленинградском фронте. Командир зенитного орудия старший сержант Александр Чистов обратился со своим стихотворением «Просьба» в редакцию газеты «Ленинградская Правда». Газета опубликовала стихотворение Чистова с указанием № его полевой почты («Ленинградская Правда» от 12 сентября 1943 г.). «В ответ на него,— сообщает А. Чистов,— от девушек и женщин, со всех концов страны я получил около трех тысяч писем» (из письма А. Чистова, адресованного им в Гос. лит. музей). «Ленинградская Правда» сообщает, что на другой день после публикации стихотворения в газете Чистов

получил 728 писем. «На завтра... снова появился связной из штаба... На этот раз корреспонденция была аккуратно связана в пачки, и на верхней, под шпагатом, виднелась записка работников полевой почтовой станции: «Уважаемый товарищ Чистов, желаем Вам с успехом прочесть все это и ответить». За несколько дней он уже получил 2037 писем» (М. Михалев, А. Риски н. Две тысячи друзей, «Ленинградская Правда» от 1 октября 1943 г.).

В стихах и прозе Чистову писали работницы ленинградских заводов, торфяницы с пригородных разработок, колхозницы, девушки-лесорубы и девушки-бойцы противовоздушной обороны, санитарки из госпиталей, школьницы.

В этом потоке писем сказалась огромная любовь народа к своей армии.

Случай с «Просьбой» — факт большого общественного значения, он является, несомненно, ярким показателем того единения фронта и тыла, на которое неоднократно указывал товарищ Сталин, как на одну из основных причин нашей победы. В свое время история со стихотворением Чистова была отмечена советской прессой. «Ленинградская Правда» посвятила истории «Просьбы» целую страницу с опубликованием стихотворений-ответов (см. «Ленинградская Правда» от 1 октября 1943 г., и от 6 октября 1943 г.). В «Известиях» от 27 октября 1943 г. в статье В. Саянова «Будни Ленинграда» случай со стихотворением А. Чистова рассматривается как выражение всенародной любви к Советской Армии.

Ниже мы публикуем стихотворение А. Чистова «Просьба» и несколько наиболее характерных на него «Ответов».

ПРОСЬБА

Подходит вечер фронтовой.
Вдали баян поет.
И вновь веселый наш связной
За почтой в штаб идет.
Вернется он,— никто не спит,
Бегут скорей встречать.
Он улыбнется, поглядит:
«А ну, кому плясать?»
И всем, кто ждет уж много дней,
Вручает наш связной
Письмо от матери, друзей,
От девушки родной...
Но нет любимой у меня,
Никто не шлет привет...

А сердце все же не броня,
Грущу, что писем нет.
Девчата Родины моей!
Чтоб в яростной войне
Я стал к врагу в три раза злей,
Пишите письма мне.
Я сразу всех девчат прошу,
Ведь просьба не трудна.
Я думаю: «Раз всем пишу,
Ответит хоть одна».
А если сразу получу
Штук тридцать пять подряд,
Друзьям своим тогда вручу,
Которые грустят.
Пишите, девушки,— в бою
Нам ласка дорога,
Мы вспомним вас, когда в строю
Пойдем громить врага.
Идем мы в бой, чтоб победить,
И недалек тот час —
Мы вновь, как прежде, будем жить,
И вновь обнимем вас.
А. Чистов. Полевая почта 22276-ДГ

ОТВЕТЫ

1

Добрый день, дорогой товарищ.
Вы, я знаю, сейчас в боях,
Среди дикой стрельбы и пожарищ,
В заболоченных топких лесах.
Представляю я быт ваш военный:
Плащ-палатка, ружье, пулемет,
Дождь холодный, совсем осенний,
И снаряда свистящий полет.
Мне хотелось бы звать вас другом,
Хоть и много у вас друзей —
Чтоб в военную, злую вьюгу
Было в сердце моем теплей.
Ведь неважно, что мы незнакомы,—
Крепко сблизила нас война,
Всех друзей моих и знакомых
Разбросала по свету она.
Я студентка, учусь в Ленинграде,
Нежно город люблю родной —

Пусть сегодня в кольце он, в блокаде,
Пусть суровый он, фронтовой.
И как все советские люди,
Я мечтой лишь живу одной:
Чтоб скорее из всех орудий
Наш салют прогремел над страной.
Ну, на этом сегодня кончаю,
С нетерпением жду ответ,
Вам и вашим друзьям желаю
Замечательных новых побед.
Фаина

Стихотворение написано девушкой-ленинградкой Ф. М. Староверовой 17 сентября 1943 г. Стихотворение писалось в дни блокады и жесточайшего артиллерийского обстрела города. (Архив Гос. лит. музея).

2

На одной из улиц Ленинграда
Голос твой услышали друзья.
За стихи, за грусть твою в награду
И пишу тебе сегодня я.
Милый друг, незнаемый, но близкий,
Не грусти,— ведь ты не одинок.
Мчится ласка вместе с перепиской,
Много, много у нее дорог...
Где бы ни была твоя подруга,—
Хоть ее еще не знаешь ты,—
В час труда и в редкий час досуга
О тебе всегда ее мечты.
В Ленинграде, в Горьком, на Алтае,—
Всюду, где горит Советов свет,
Всюду о тебе она мечтает,
Отовсюду шлет тебе привет.
Где б ты ни был — в жаркой гуще боя,
Иль в землянке сумрачной своей,
Знай, идет повсюду за тобою
Дума-ласка девушки твоей.
Много, много у нее профессий.
Много, много у нее имен,
И душа ее с тобою вместе:
Все для Родины — ее закон.
Не грусти ж, что нет письма от милой,
Ждут тебя с надеждою друзья,

И за них, со всею дружбы силой,
Говорю с тобой сегодня я.
И когда падет на землю вечер,
И баян затянет вдалеке,—
Ты подумай о грядущей встрече
И забудь о мачехе-тоске.
Знаю, тяжела твоя дорога,
Но недаром ты — России сын.
Тот не сдаст, не склонится, не дрогнет,
Для кого к Победе путь один.
Пусть же крепче стали дружба наша,
В трудностях, в опасности, в бою.

Ленинградка-девушка Наташа
Крепко-крепко руку жмет твою.
Я пишу стихи, конечно, скверно,
Только так и рвутся из души...
Будь же стоек, воин мой примерный,
И пиши, пожалуйста, пиши.
Я.

Стихотворение написано девушкой-ленинградкой Н. Егуновой 12 сентября 1943 г., следовательно, девушка откликнулась на «Просьбу» Чистова в тот же день, когда его стихотворение появилось в газете (Архив Гос. лит. музея).

3

СТАРШЕМУ СЕРЖАНТУ А. ЧИСТОВУ

Так «Просьба» ваша хороша,
Что не могу молчать.
Вам только мрачная душа
Не будет отвечать.
Боюся я, как бы связной,
Веселый паренек,
От изобилья почты той
Теперь не занемог.
Хоть отбавляй у нас девчат,
А пишете вы всем —
Пришлет лишь город Ленинград
Вам писем тысяч семь.
И если каждое письмо
Потянет десять грамм —
Связному семьдесят кило
Тащить трудненько к вам.

И потому связного я
Жалею от души,
Но пишет все ж моя рука,
Так рифмы хороши!
Я вам пишу, а за окном
Легла ночная тень,
Стучал ритмично метроном
Сегодня целый день,
И продолжает отбивать
Он такты без конца:
Шлет в город вражеская рать
Свинцового гонца.
Снаряд термитный, вскоре дым
Окутал небосклон...
Ну, кто из вас не станет злым?
Ну, кто простит урон?
Итак, за город наш, вперед,
Чтоб кончил он страдать,
Чтоб не давил обстрела гнет,
Чтоб девушку обнять!
Д. П ч е л и н а

Стихотворение написано девушкой-ленинградкой Д. Пчелиной 14 сентября 1943 г. (Архив Гос. лит. музея).

ОТВЕТ А. А. ЧИСТОВА

Тысячу конвертов Получаю я, —
Это мне писали Новые друзья.
Письма их читая,
Делалось теплей:
Говорит отчизна
С Армией своей...
Говорили письма:
«Не грусти, боец,
Если нет любимой
И погиб отец,
Если мать томится
У врага в плену,
И угнали в рабство
Сына и жену.
В день, когда с победой
С фронта ты придешь,
И семью, и ласку
Всюду ты найдешь...»

Сколько этих писем?
Трудно сосчитать,
Просто невозможно
Каждой отвечать...
Девушки родные
Родины моей!
Я б хотел ответить
Каждой поскорей,
За заботу, ласку
Вас благодарить,
Обещая крепче
Вражью свору бить.

Стихотворение написано старшим сержантом А. Чистовым в ответ на полученные им письма. Текст стихотворения сообщен автором.

(Архив Гос. лит. музея).

76

ВАРЕЖКИ

Либо в Колпине, либо в Рязани
Не ложилися девушки спать:
Много варежек теплых связали,
Чтоб на фронт их в подарок послать.
Разукрасили ниткой цветною,
Славно спорился девичий труд,
Все сидели ночною порою
И мечтали, кому попадут.
Может летчику, может саперу —
Много есть у Отчизны сынов —
Иль чумазому парню-шоферу,
Иль кому из отважных стрелков.
И одна боевая девчонка
Написала из песни слова:
«Мой товарищ, тебя я не знаю,
Но любовь в мое сердце вошла».
И записку она положила
В палец варежки правой руки,
И на фронт они посланы были,
В те края, где метели мели.
Получил командир батареи
Эти варежки-пуховички,
Что так нежно и ласково грели,
Как пожатие женской руки.

Командир эти варежки носит
Среди зимних ночей боевых;
Осыпает их иней и росы,
Но любовь не отходит от них.
Скоро, скоро одержим победу,
Поезд тронется в тихую даль,
Непременно тогда я заеду
Либо в Колпино, либо в Рязань.
И заеду к своей незнакомке
За подарок спасибо сказать
И пожать эти женские руки,
Что умели усердно вязать.

Записал С. Красноштанов в 1949 г. в с. Марково, Усть-Кутского р-на, Иркутской области.

Публикуемый текст является народным вариантом стихотворения Е. Долматовского (1940 г.) «Варежки» (Е. Долматовский. Стихи, песни, поэмы. М., 1951, стр. 82). Одна из любимых молодежных песен. Близкий к публикуемому тексту вариант записан экспедицией Челябинского педагогического института под руководством В. Е. Гусева в 1947 г.

77

Лесами, полями, дорогой прямой
Раненый парень идет молодой.
Ранили парня, ну что за беда —
Сердце играет и кровь молода.
«Скоро залечится рана твоя»,—
С шуткой его провожали друзья.
Песню поет он, довольный судьбой:
«Крутится, вертится, шар голубой».
Крутится, вертится, хочет упасть...
Ранили парня, ну что за напасть?
Скоро он будет в отцовском дому,
Выйдут родные навстречу ему.
Выйдет его поджидать у ворот
Та, о которой он песню поет.
К сердцу ее он прильнет головой,
«Крутится, вертится шар голубой».
Подходит к деревне: нигде — никого,
Горькое горе встречает его.
Горькое горе, жестокий удел;
Только скворешник один уцелел.
Только висит над колодцем бадья,

Где ж ты, родная деревня моя?
Вышла откуда-то старая мать:
«Где же, сыночек, тебя принимать?
Чем мне тебя напоить, накормить,
Где мне постель для тебя уложить?
Все поразграбили, хату сожгли,
Настю, невесту, с собой увели».
В тесной землянке потух огонек,
Парень тихонько на сено прилег.
Зимняя ночь холодна и длинна,
Надо бы спать, но ему не до сна.

Записала З. С. Быкова, студентка литфака Загорского учительского института в октябре 1943 г. от А. И. Банинской в деревне Нигорское, Нерльского р-на, Калининской области. Поется на мотив общеизвестной старой городской песни «Крутится, вертится шар голубой». Популярности этой песни в советское время способствовал фильм «Трилогия о Максиме» (сценарий Г. Козинцева и Л. Трауберга), не сходящий с экранов страны, начиная с 1933—1934 гг. до настоящего времени. Через все части этой трилогии («Юность Максима» — 1933—1934 г.; «Возвращение» — 1935—1936 г.; «Выборгская сторона» — 1937—1938 г.) проходит любимая песенка героя фильма Максима:

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть.
Где эта улица, где этот дом?
Где эта барышня, что я влюблен?
Вот эта улица, вот этот дом,
Ах, вот эта барышня, что я влюблен.

В ритме этой старой песенки-вальса написано в 1942 г. стихотворение М. Исаковского «Крутится, вертится шар голубой» (М. Исаковский. Наказ сыну.— Стихи о войне. «Сов. писатель», 1943 г., стр. 21).

Поэт цитирует как рефрен в своем стихотворном рассказе о бойце, потерявшем родной кров и невесту, отдельные строчки песни. Соответственно новому содержанию песни знакомые строчки («Где ж эта улица, где ж этот дом, где ж эта девушка вся в голубом?»), передававшие кружение вальса, приобретают новое, трагическое значение. Стихотворение М. Исаковского стало песней и приобрело большую популярность на фронте и во

временно оккупированных районах. г

Публикуемый текст — народный вариант этой песни, передающий с небольшими изменениями первую и вторую части стихотворения Исаковского и первые четыре строки третьей части.

Несомненно под влиянием того же стихотворения Исаковского сложилась и песня «Крутится, вертится шар голубой», опубликованная в сборнике «Уральский фольклор», стр. 112, ИЗ, № 100. Песня записана в д. Солодиловой Камышловского р-на, Свердловской области, куда она была занесена через письма фронтовиков. В песне дана новая трактовка сюжета: попавший в родное село боец застает его разбитым и разграбленным. Однако любимая девушка не угнана в фашистское рабство, как в стихотворении Исаковского, а находится тут же в селе с оружием в руках, среди партизан. Эта измененная ситуация придает песне бодрый, боевой характер, особенно отчетливо выраженный в конечных строках:

Вот как бывает, товарищ, порой:
Шапка сменяет платок голубой.
Вместо гармошки винтовку берешь,
С девушкой вместе в атаку идешь.
Вот почему мы бесстрашны в бою,
Бьемся бесстрашно за землю свою.
Счастье свое не уступим врагам,
Будет на улице праздник и нам.

Того же типа и тексты, опубликованные в книге Гуторова, стр. 143—148. Из них особенно интересна «Песня Насти», представляющая собой своеобразный ответ на стихотворение Исаковского. Девушка Настя бежит из фашистского плена в партизанский отряд и сражается в рядах партизан (стр. 147—148).

78

Ветер студеный летит по полянам,
Ворон кружится вдали;
Хата моя зарастает бурьяном,
Жинку в полон увели.

Припев:
Слушай, товарищ, ты не грусти,
Стань за свободу и честь,
Тяжкой обиды врагам не прости,

Месть, беспощадная месть!

Ходят по небу свинцовые грозы,
Время, товарищ,— на бой!
Пуля — за кровь и граната — за слезы,
Нет нам дороги иной.

Припев.

Будет суровой и грозной расплата,
Солнце победы взойдет.
Снова придем мы в родимые хаты,
Снова наш край расцветет.

Припев.

Песня создана в 1942—1943 гг., пелась в ансамбле и в частях Западного фронта* Слова Г. И. Фроловского, музыка А. Новикова. Песня «Ветер студеный» входит в число пяти песен, за которые композитор А. Новиков получил Сталинскую премию в 1945 г.

Во время войны песня не сходила с репертуара радиопередач, армейских ансамблей и отдельных исполнителей.- Характеризуя эту песню, П. Апостолов («Советская музыка», 1945, № 5—6) называет ее «лаконичной поэмой скорби и гнева»,— тем самым указывая на одну из основных причин ее популярности в годы войны.

79

Есть муки, которые смерти страшней,
Они мне на долю достались,
Над светлой и гордой любовью моей
Фашистские псы надругались.
Ее увели на позор и на стыд,
Связали ей белые руки,
Отец ее ранен, братишка убит,—
Так мне написали подруги.
И нет мне покоя ни ночью, ни днем,
От ярости я задыхаюсь...
Скорее б услышать команду: Огонь!
Но, кажется, я умираю.
А как же хотелось в Берлин мне придти,
Ведь наши солдаты в предместьях...
Смотрите, смотрите, Берлин весь в огне,
Я вижу победы зарницы!

И как хорошо и как радостно мне...
Сестрица, подай мне водицы.

Текст сообщен бывшим танкистом И. Т. Маркиным, который в настоящее время работает трактористом в колхозе «Большевистское знамя», Ново-Анненского р-на, Сталинградской области. По сообщению И. Маркина, песня пользовалась большой популярностью в их полку в последние месяцы войны. И в настоящее время И. Маркин часто исполняет ее под аккомпанемент гитары у себя в тракторной бригаде, в гостях, на молодежных вечеринках.

Материалы Сталинградской экспедиции 1948 г. (Архив Института этнографии АН СССР).

В основе данного текста лежит популярная песня В. И. Лебедева-Кумача «Незримая рана» («О чем ты тоскуешь, товарищ моряк»), которая и теперь часто транслируется по радио. По сообщению поэта, песня написана им осенью 1943 г. Музыка В. П. Со-ловьева-Седого. В. И. Лебедев-Кумач указывает, что «по размеру его песня напоминает «Раскинулось море широко», и композитор, по его мнению, «взял отправным моментом эту широко известную песню» (из письма В. И. Лебедева-Кумача от 7 мая 1947 г. В. Ю. Крупянской).

Не случайно поэтому, что в народе песня эта поется обычно на мотив «Раскинулось море широко».

В большинстве устных вариантов, имевших хождение и на фронте и в тылу, авторский текст оставался почти без всякого изменения. Видоизменялся обычно лишь первый куплет, образ моряка заменялся обобщенным образом бойца, что, несомненно, вызвано популярностью песни в широких армейских массах. Таков, например, текст, записанный студенткой Загорского учительского института В. Ефимовой «О чем ты тоскуешь, товарищ родной», с примечанием: «Сочинена бойцами в память боев под г. Холмом» (Архив Гос. лит. музея).

Аналогичный вариант на белорусском языке записан в 1945 г. Л. Г. Барагом от девушек д. Лихосетцы, Городищенского р-на, Барановичской области. По сообщению собирателя, песня усвоена девушками от партизан, мотив подобран самими девушками (Материалы Белорусской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

80

ПРОЩАЛЬНАЯ

Любимый мой, пора моя настала,
В последний раз я карандаш возьму,—
Кому б моя записка ни попала,
Она тебе писалась одному.

Прости, прощай!
Любимую веснянку
Нам не певать с тобой в веселый месяц май,
Споем теперь, как девушку-смолянку
Везут в неволю, в чужедальний край.
Споем теперь, как завтра утром рано
Пошлют ее по скорбному пути.
Прощай, родной, забудь свою Татьяну,
Не жди ее, но только отомсти!
Прости, прощай!
Что может дать рабыне
Чугунная фашистская земля!
И, может, на какой-нибудь осине
Уже готова для меня петля.
А, может, мне валяться под откосом
С пробитой грудью, у чужих дорог,
И по моим, по шелковистым косам
Пройдет фашистский кованый сапог.
Прощай, родной! Забудь про эти косы —
Они мертвы, им больше не цвести.
Забудь калину, на калине росы,
Про все забудь... Но только отомсти!
Ты звал меня своею нареченной,
Веселой свадьбы ожидала я,—
Теперь меня назвали обреченной,
Лихое лихо дали мне в мужья.
Пусть не убьют меня, не искалечат,
Пусть доживу до праздничного дня,
Но и тогда не выходи навстречу,—
Ты не узнаешь все равно меня.
Все, что цвело, загублено, завяло,
И я сама себя не узнаю.
Забудь и ты, что так любил, бывало,
Но отомсти за молодость мою.
Убей врага! Писала я слезами,
Печалью запечатала своей.
Прости, прощай! Забудь свою Татьяну,
Про все забудь, но только отомсти!

Записала В. Ю. Крупянская в Рублеве от зенитчицы А. П. Рощиной 25 ноября 1943 г. (Архив Гос. лит. музея)

По словам Рощиной, эту песню она усвоила от артиллеристов-фронтовиков, которыеˆ свою очередь, заимствовали ее из записок одной девушки, уроженки Смоленска,

и пели, несколько переделав. В Рублеве песня получила большую популярность.

Песня представляет собой мало измененный текст стихотворения М. Исаковского «Прощальная» («Далекий мой. Пора моя настала...»). Одной из характерных особенностей народного варианта является отсутствие в нем последней заключающей строки «Прости, прощай», придающей стихотворению поэта характер послания.

Так же мало отличается от авторского текста и вариант «Прощальной», сообщенный бывшим фронтовиком Октябрином Гудимовым. Текст песни был передан ему Верой Куценко из села Печенеги в день отправки ее в Полтаву (21 июня 1943 г.) в числе других угоняемых в Германию девушек. (Архив Института этнографии АН СССР).

81

ДЕВУШКЕ ИЗ СМОЛЕНСКА

Далекая, любимая подруга,
Дошли ко мне прощальные слова...
Мы далеко с тобою друг от друга,
И клонится печально голова...
Я вижу грусть в девичьем ясном взоре,
Но мы сотрем беды и рабства след,
Мне в сердце врезалось твое лихое горе,
И я приду дорогою побед.
Да, я приду. И вспыхнет пламя мести,
Мучителям твоим я не прощу,
Клянусь тебе своей гвардейской честью,
Что я сполна убийцам отомщу.
Тебе осталось ждать уже немного,
С горячим солнцем возвратится май,
С зарею на знакомую дорогу
Ты выходи, любимого встречай.

Записал 16 января 1943 г. на одном из участков фронта бывший фронтовик В. С. Стасюк.

Песня является ответом на популярное стихотворение М. Исаковского «Прощальная» (см. комментарии к № 80).

Автор песни не установлен.

(Из материалов В. С. Стасюка, Архив Института этнографии АН СССР).

82

Раскинулись рельсы далеко,

По ним эшелоны спешат,—
Они с Украины увозят
Ребят и несчастных девчат.
Не забуду я слез материнских
И хмурые брови отцов,
Когда они нас провожали,
Как будто живых мертвецов...
А если с победой вернется
Мой брат — черноморец герой,
Тогда вы ему расскажите
О том, что случилось с сестрой.

Записал аспирант Московского государственного университета фронтовик А. М. Балакин 13 июня 1945 г. в поезде Познань — Варшава от Веры Соколенко 20 лет, уроженки Мелитополя, возвращавшейся из фашистской неволи.

(Архив Института этнографии АН СССР).

Песня пелась на мотив «Раскинулось море широко» и пользовалась большой популярностью среди девушек, увезенных в Германию.

Варианты песни, мало отличающиеся от публикуемого, записанные 30 марта 1943 г., находим в альбоме девушки-украинки Н. М. Джена (передал А. В. Гуторович, архив Гос. лит. музея).

Тексты, близкие к данному, записали в феврале 1943 г. на Украине фронтовики А. Голяков и А. К. Погребняк и майор Д. И. Романенко.

Близка к публикуемой и песня на тот же мотив, сообщенная в письме от 5 мая 1945 г. с 3-го Прибалтийского фронта красноармейцем И. А. Селезневым. По свидетельству Селезнева, он является автором этой песни, историю создания которой он рассказывает следующим образом: «В 1944 г., в день 7 ноября, я получил подарок от работницы сельсовета Вороши л овгра декой области, Ворошиловского района, село Комис-саровка. В приложенном письме она мне сообщила, что фашисты ее со многими девушками угоняли в Германию эшелоном. В затишье от боя я решил написать песню на мотив «Раскинулось море широко»» (Архив Института этнографии АН СССР).

Следует оговорить, что приписывание себе или близкому товарищу авторства популярной песни — явление нередкое.

Близкие к данному тексты опубликованы в «Известиях» 1943 г., № 236 в статье К. Таранданкина «В запорожской степи» и в книге Гуторова, стр. 85, 86.

Среди русских девушек в фашистских лагерях были широко

распространены песни в форме письма к матери. Песни эти, в которых девушка рассказывает матери о своей тяжелой жизни в плену, проникнуты любовью к Родине, в них встает ее ясный, светлый образ.

Я знаю: на родине нашей
Цветут, зеленеют сады,
Сияет там яркое солнце,
И песни поют соловьи.

В советских девушках, насильно оторванных от Родины, песня пробуждала бодрость, укрепляла веру в близость победы.

83

ИЗ ПЛЕНА

Что случилось с моею судьбою,
Кто меня, молодую, спасет?
Разве думала быть я рабою
У проклятых. фашистских господ.
Все иссохли мы здесь, как травинки,
Я гляжу на несчастных подруг —
Не осталось в лице и кровинки,
Всех замучил фашистский паук.
Ой, вы, братики, братья родные,
Вызволяйте вы нас поскорей,
Приготовьте вы пушки стальные
На проклятых фашистских зверей!
Прилетайте на крыльях могучих,
Приезжайте на танках больших,
Налетайте вы грозною тучей
На мучителей подлых моих!
Пусть свинцовым дождем отольются
Слезы те, что я лью по ночам,
Пусть свинцовые пули вопьются
Прямо в сердце лихим палачам.
Чтобы я, молодая, узнала,
Что еще не погибла земля,
Чтобы снова я жизнь увидала,
Увидала и звезды Кремля.

Сообщил гвардии рядовой П. Поляков (3-й Украинский фронт, Лозовая, 18 февраля 1943 г.). Аналогичный вариант получен от Е. И. Колесова из Ростова-на-Дону в 1945 г.

(Архив Института этнографии АН СССР).

Белорусский вариант этой песни записан в 1945 г. аспиранткой Белорусского государственного университета Г. В. Сосновской, которая слышала эту песню от партизан в деревне Живоглодовичи, Краснослободского р-на, Бобруйской области (Материалы Белорусской экспедиции, Архив Института этнографии АН СССР).

Автор песни — В. И. Лебедев-Кумач. В народных вариантах пропущены строфы 3, 4, 5 и 8 авторского текста.

По свидетельству бывшего фронтовика Н. Семовской, стихотворение В. Лебедева-Кумача распространялось на фронте в виде плаката.

84

Я в плену, в краю чужом, далеком,
Дни идут печальной чередой,
Далеко отсюда, на Востоке,
Милый край и отчий дом родной.
Снится мне, как мать моя убого
На закате выйдет за плетень
И глядит на дальнюю дорогу,
Не мелькнет ли там родная тень.
Наяву завидую я птицам,
Облакам, плывущим на Восток,—
Там моя родимая станица,
Там живет свободный мой народ.

Сообщил А. В. Гуторович. Текст обнаружен в тетради с песнями, найденной в лагере г. Гиссен.

(Архив Гос. лит. музея).

Ту же песню находим в материалах, переданных Гос. лит. музею майором Д. И. Романенко.

К песне сделана приписка: «2 мая ровно в 10 часов дня пришли наши братья, наши соколы нашей цветущей родины и освободили нас от ярма капитализма, который мучил народ советский по концлагерям, по тюрьмам. Так слава соколам Советского Союза!»

85

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

Налетела с громом туча,
Разразилася гроза.
Мировым огнем пожара
Вся охвачена земля.
Поднялся народ на битву,

На священную войну
За великую Отчизну,
Встал за Родину свою.
Закипела гневом злобой
Белорусская земля,
Поднялась могучим шквалом
Партизанская война.
Этих лет не смолкнет слава
Не померкнет никогда,—
Партизаны Белоруси
Занимали города.
И железные дороги,
И шоссейки и шляхи
Оседлали партизаны —
Ни проехать, ни пройти.
Перебили полицаев,
Разгромили гарнизон.
И вернули строй советский
Партизанским стал район.
На просторах Белоруси
Нет такого уголка,
Где бы гитлеровским слугам
Не давали б по рукам.
Уничтожим оккупантов,
Перебьем фашистский сброд
И за Берлином далеким
Мы закончим свой поход.
Левой-правой, левой-правой,
Через поле и леса!
Иль погибнем мы со славой,
Иль покажем чудеса.
Но сейчас все партизаны
За ударный труд взялись,
Только часто вспоминают,
Как за Родину дрались.

Текст записан Л. К. Высоцким от т. Бадейко, заведующего Шиловичской избой-читальней, Белыничского р-на, Могилевской области, Белорусской ССР.

(Архив Института этнографии АН СССР).

Собиратель пишет: «Песня возникла в 1942 г. среди партизан Кличевского района, Бобруйской области, БССР. Автор ее неизвестен, но, повидимому, это кто-то из партизан. Получила широкое распространение в этом районе и среди местного

населения, которое распевает ее и доселе. Исполняется на мотив известной песни «По долинам и по взгорьям». В 1943 г. текст песни как будто бы был опубликован в подпольной партизанской газете «Бобруйский партизан».

(Из письма Л. К. Высоцкого в Институт этнографии АН СССР от 29 марта 1946 г.)

К этой песне Высоцкий дает следующее примечание: «В середине 1942 г. Кличев, районный центр Бобруйской области, был занят партизанскими отрядами и удерживался в течение восьми месяцев. Повидимому, это обстоятельство и имел в виду автор, вводя в песню строки: «Партизанским стал район» и т. д.». В районе работали сельские советы, на аэродроме совершали посадку советские самолеты, доставлявшие партизанам из-за линии фронта боеприпасы и литературу. Попытки немецких карательных отрядов изменить положение каждый раз неизменно терпели неудачу. Только в мае месяце 1943 г. партизанские соединения были вынуждены оставить районный центр в связи с начавшейся блокадой, в которой приняли участие четыре немецкие дивизии (до 60 тыс. человек), снятые с фронта для борьбы с партизанами.

По поводу последнего куплета Высоцкий замечает: «Наслоение к песне, добавленное местными жителями в 1945—1946 гг.»

Близкий к публикуемому тексту вариант опубликован в книге Гуторова, стр. 172—174.

Вариант той же песни был записан В. Ю. Крупянской в 1943 г. от мальчика-партизана А. Ульянова. По его сообщению, песня была распространена в партизанском тылу, в Кричевском районе, Могилевской области (см. сб. «Фронтовой фольклор», № 22).

Данный текст, так же как и последующие (№№ 86, 87,107), относится к обширному циклу песен на мотив одной из популярнейших песен гражданской войны «По долинам и по взгорьям», сложенной неизвестным сибирским поэтом, погибшим в бою с белыми. Впоследствии песня была обработана поэтом С. Алымовым и в этой редакции до настоящего времени пользуется большой популярностью.

В дни Великой Отечественной войны песня «По долинам и по взгорьям» была широко распространена как боевая походная песня партизан. Песня пелась не только в авторском тексте (см. материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР), но на ее основе был создан и ряд новых партизанских песен, среди которых наибольшую популярность получили песни, отображавшие боевой путь партизанского отряда, бригады и т. д.

Тексты этого типа сохраняют, с некоторыми изменениями, те строфы песни «По долинам и по взгорьям», в которых говорится о бессмертии подвига партизан и звучит вера в окончательный разгром врага. Ср. с текстом Алымова строфы четвертую и восьмую публикуемого текста.

Удачную характеристику песне «По долинам и по взгорьям» дает молодой поэт В. Иванковˆ студент Автодорожного техникума:

С этой песней шли в атаку,
С этой песней строим мир,
И всплывает прошлых схваток
Песня — песен командир.

(«Альманах для начинающих», Ростов-на-Дону, 1935, стр. 199).

86

ПАРТИЗАНСКАЯ ТАРАСОВСКАЯ

Поднимался туманы,
Ночка темная была.
Уходили партизаны
На отважные дела.

Мимо Гуты, мимо Буды
По болотам и лесам
Шли тарасовцы на Кудин
Отомстить фашистским псам.

Будет песня жить в народе
Про лесную нашу жизнь,
Как скрывались мы в болотах,
Как с фашистами дрались.

Но за Родину Советов
Мы опять готовы в бой.
Здравствуй, армия родная,
Здравствуй, Сталин дорогой!

Автор песни — партизанский поэт П. Волкодаев, боец 122-го партизанского полка «За Родину», действовавшего в Белыническом и смежных с ним районах Могилевской области. Песня явилась откликом на разгром партизанами фашистского гарнизона в Малом Кудине — одну из важнейших боевых

операций 122-го полка. Гута и Буда, упоминаемые в песне,— деревни Краснопольского р-на, Могилевской области. Исполнялась на мотив «По долинам и по взгорьям».

Текст песни передан партизаном Л. Высоцким поэту М. В.* Исаковскому вовремя пребывания последнего в 1944 г. в Могилевской области.

(Архив Института этнографии АН СССР).

87

ПЕСНЯ
БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН

За страну родную нашу,
Власть рабочих и крестьян
Бьются грозные отряды
Белорусских партизан.
Им войны не страшно бремя,
Бьется сердце об одном,
Их бодрит в лихое время
Мысль о Сталине родном.
Ночью темной и в бураны
За республику труда
Удалые партизаны
Сокрушают поезда.
Местью дышат их засады
И по дням и по ночам,
И несут свинцовым градом
Смерть фашистским палачам.
Нет нигде врагам пощады
И не будет никогда.
Партизанские отряды
Занимают города.
Эй, товарищ, выше знамя,—
Наши силы велики,
Приближаются с боями Красной Армии полки.
И настанет светлый праздник,
Снова скажет вождь родной:
«Слава храбрым и бесстрашным,
Слава Родине большой!»

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», № 21).

По наблюдениям экспедиции 1945 г. Минского государственного педагогического института, эта песня широко бытовала во всех партизанских бригадах Белорусской ССР. Автор песни — партизанский поэт Копытков.

(Архив Всесоюзного дома народного творчества им. Н. К. Крупской).

В несколько ином варианте данная песня бытовала в среде брянских партизан. См. текст «Партизанская победная», опубликованный в сб. П Афонина «Шумел сурова брянский лес», Брянск, 1946, стр. 26.

88

Уж солнце закатилось за темные леса,
Все пташки приуныли, приумолкли голоса,
У отважных партизанов оружие в руках,
Заехали в деревню, стучатся в крайний дом:
«Хозяйка молодая, пусти поночевать».
«Пустила б ночевати, но нечем угощать,
Я печку не топила и хлеба не пекла».
Заходят они в хату, садятся на кровать,
А бедная старушка стоит да слезы льет.
Один из них заметил, второму говорит:
«Ужели не узнала сыночка своего?
Мамаша, ты мамаша, узнала ты меня?»
«Сыночек, мой сыночек, узнала я тебя,
Сыночек, мой сыночек, а где же ты долго был?»
«Я был на Велору си, Россию защищал».
«Сыночек, мой сыночек, а видел ты отца?»
«Мамаша, ты мамаша, встречался много раз».
«Сыночек, мой сыночек, во что же он одет?»
«Он в черном полушубке и шапка набекрень,
Кругом его гранаты, оружие в руках».

Песня записана В. Ю. Крупянской в с. Клетня, Брянской области, от девятилетней девочки Раи Поляковой, большой любительницы песен. По словам девочки, она слышала эту песню от одного партизана. «Он был в партизанах,— говорит она,— он у нас ночевал, был ранен, ходил на костыле. Мамка на пологе ему постелила. Он попросил: «Мне скучно одному». Мамка меня к нему прислала. Он всю ночь не спал, он больной. Он меня выучил этой песне. Это было в Елыпанке (недалеко от Клетни) в то время, когда пришли наши» (1943 г.).

(Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Песня относится к числу старых солдатских (см. Соболевский, т. I, №№ 339 и 340; Истомин, Д ю т ш, №№ 44—46, стр. 218—222; Лопатин и Прокунин, стр. 255—258; Бирюков. Дореволюционный фольклор на Урале, №№ 14—17; рукописные

материалы Белорусской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

В современных вариантах традиционная тема старой солдатской песни (встреча после долгой разлуки солдатки с мужем и сыном) приобрела боевой патриотический характер. Герои песни отец и сын — активные защитники Родины, партизаны.

См. также песню, опубликованную в сб. «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области», № 69.

89

Что ты смотришь, родимый товарищ,
Бородою оброс, в седине?
Нам в боях, и в лесах, и в пожарах
На себя посмотреть не пришлось.
Взяли все, что могли мы, для боя.
Из колхозов угнали овец,
Завалили колодец землею
И коров увели со двора.
Уходя, хотя сердце сжимало,
Подпалил я колхозный амбар,
И зерна палачам не досталось,
Все до тла уничтожил пожар.
Уходя из родного колхоза.
Дали клятву себя не щадить,
А убийцам за кровь и за слезы
Порешили сполна отомстить.
Как мы дрались с гадюкой-фашистом,
Сколько крови впитала земля,
Пусть березки зелены расскажут,
Пусть расскажут родные поля.
Не к лицу мне, товарищ, хвалиться
Тем, что стоил я в этом бою,
А убьют, то погибну: сторицей
Отомстил я за гибель свою.

Песня записана в сентябре 1945 г. В. Ю. Крупянской в с. Жуковка, Брянской области, от А. Т. Подопригорина, бойца-минометчика. По сообщению певца, он в начале 1942 г. слыхал эту песню под Москвой, за Волоколамском. Там, в Красном поселке, в лесах, регулярные войска смыкались с партизанами. От партизан Подопригорин и услышал эту песню.

(Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Автор песни— В. И. Лебедев-Кумач. Публикуемый народный вариант незначительно отличается от авторского текста.

По сообщению автора, песня была им написана в 1941 г., и сейчас же было создано много музыкальных сопровождений, из которых наибольшей популярностью пользовалась мелодия П. Акуленко. Текст песни с нотами, музыка П. Акуленко, был издан Музгизом в 1941 г. и потом неоднократно переиздавался.

90

В чистом поле, в поле под ракитой,
Где кружился по ночам туман,
Там лежит, лежит в земле зарытый,
Там схоронен красный партизан.
Я сама героя провожала
В дальний путь у брянские леса;
Боевую саблю подавала,
Боевого коника вела.
Молодой герой непокоримый,
Он объездил тысячи дорог,
А себя от смерти непокорной,
От злодейской пули не сберег.
На траву, да на траву густую
Он упал простреленный в бою,
За советскую страну родную
Отдал жизнь геройскую свою.

Текст записан студенткой Н. Шлюгер от сельской молодежи 10 августа 1945 г. в с. Хотылево, Брянского р-на.

Одна из любимых песен брянских партизан. Бытование ее зарегистрировано во всех партизанских отрядах. По свидетельству партизан, песню эту часто пели после похорон погибшего товарища: «Тихонько пели; едва, едва слышно по лесу раздается, особенно когда отряд начинает отходить от места» (Из воспоминаний партизанки В. П. Попковой, поселок Бытошь, Дятьковского р-на.)

(Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Свидетельство о популярности этой песни мы находим в книге дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака, «От Путивля до Карпат» (М., 1945).

Рассказывая о комиссаре отряда С. Рудневе, С. А. Ковпак упоминает о любимой песне комиссара: «Была у Руднева одна песня, которую он чаще всего пел. Выйдет вечером из землянки, шинель внакидку, сядет на пенек вместе со своим Радиком,

обнимет его, прикроет полой шинели и затянет:

В чистом поле, поле под ракитой,
Где клубится по ночам туман,
Там лежит, лежит зарытый,
Там схоронен красный партизан.

И слышишь у одной землянки подхватили, у другой — и по всему лесу пошла песня.

Я сама героя провожала
В дальний путь на славные дела,
Боевую саблю подавала,
Вороного коника вела.

Эта песня стала любимой у путивлян». (Из главы «Партизанская крепость», стр. 27). Автор текста—М. Исаковский, музыка — В. Захарова (см. В. Захаров. Избранные песни, Музгиз, М.— Л., 1943, стр. 36—37).

Бытование песни зарегистрировано повсеместно и в Белоруссии (см., напр., записи М. С. Меерович в архиве Всесоюзного дома народного творчества им. Н. К. Крупской).

В ряде народных вариантов авторский текст значительно видоизменяется. Переработка идет главным образом по линии введения конкретных деталей: упоминания места гибели героя (напр. в белорусском варианте: «У чыстым поні, пол1 пад Рудковым, гдзе клубщца по начам туман...»), замены безыменного героя конкретным историческим лицом. В этом отношении интересна белорусская переработка песни применительно к гибели местного героя-партизана Михайла Голдышева. Строфы песни Исаковского играют роль зачина, а затем развертывается конкретное историческое содержание песни:

Ой, у полі, у полі пад ракітай,
Гдзе клабіщца па начам туман,
Там ляжыць у земле зарыты
Пахаронен красны партызан.
Я сама героя праважала
У дальні пуць на слауныя дзела,
Баявую шаблю надавала,
Варанога коніка вяла.
На траву, на травушку сцяпную
Он упал, прастрэланы у баю,
За Советы, за страну радную

Оддал жысць геройскую сваю.
Ехау Міша, конь бяжау усе вішэ,
Ён не знау, што враг узяу прыцэл,
Запявау ён песню баявую,
Да канца прапець ён не успеу.
Залпам враг ударыу ён а Мішы,
Зразу ён ранение палучыу,
Сэрдце Мішы білася усе ципе,
Дайжа ран сваіх ён не злячыу.
І упау галоукай багатырскай,
Чорны волас слауся па траве,
Іаяго грудз1 стальной, геройскай
Кроу цякла па зморшчанай зямле.
Вышмает Mima шсталещк,
І падняу галовушку сваю:
«Я жывы врагу у руш не здамся,
Отдам жысць за Родзшу сваю,
Отдам жысць за Родзшу Советау,
Маладыя, полныя лета,
Будзем мсьщщ мы врагу навет,
Будзем мсьціць навет, наусегда.

(Материалы Белорусской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Вариант этой песни, значительно отличающийся от приведенного, записан студенткой Минского педагогического института П. Заневской в д. Варковичи, Слуцкого р-на, Бобруйской области (Архив Всесоюзного дома народного творчества им. Н. К. Крупской).

На мотив той же песни «В чистом поле, поле под ракитой...» сложилась и песня о Герое Советского Союза Константине Заслонове (см. нижепубликуемый текст).

91

ПЕСНЯ О ЗАСЛОНОВЕ

Возле Орши роща небольшая,
Партизан отряд там проходил.
Командиром этого отряда,
Командиром дядя Костя был.

Дядя Костя собирал бригаду,
Чтобы бить врага наверняка,
Он учил бойцов свого отряда
Не бояться вражьего штыка.

Гарнизоны вражие громили,
Наступали ночью на врага,
И тогда фашисты удирали
Под напором мощного огня.

Дядя Костя, командир Заслонов,
Пулей был прострелен он в бою,
За Советы, за страну родную
Отдал жизнь геройскую свою.

В чистом поле, поле под ракитой,
Где клубился по ночам туман,
Там лежит в земле сырой зарытый,
Там схоронен красный партизан.

Мать сама героя провожала
В дальний путь на славные дела,
Боевую саблю подавала,
Вороного коника вела

Песня записана В. Ю. Крупянской и Л. Уховской в поезде по дороге из Брянска в районный центр Жуковку от слепца, инвалида Великой Отечественной войны И. К. Иванникова, 1920 г. рождения, крестьянина Навльского р-на, Брянской области. В 1941—1942 гг. Иванников участвовал в партизанском движении. Песню, по его словам, он усвоил от белорусских партизан Витебского р-на. (Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Два начальных куплета песни Исаковского использованы в данном тексте в качестве обобщающей концовки, придающей особую лиричность эпической по содержанию песне.

Аналогичный вариант на белорусском языке записан студентом Минского педагогического института Филимоновым от бывшего разведчика бригады Засло-нова А. С. Мурашкевича, по свидетельству которого, это одна из любимейших партизанских песен (Архив Института этнографии АН СССР).

Вариант этой песни записан от бойцов первой партизанской бригады им. Заслонова (опубликован в книге Гуторова, стр. 268—270). Текст этот представляет собой соединение песни «Возле Орши роща небольшая» и стихотворения, посвященного К. Заслонову «Есть курган в родимой Белоруси», написанного в 1943 г. поэтом Н. И. Незлобивым (текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», стр. 115).

92

ПЕСНЯ О ТАНЕ

Село родное вышло из тумана,
Стоял суровый утренний мороз.
Враги схватили девушку Татьяну
И потащили в хату на допрос.
Ее глаза бесстрашно так сияли,
У ней нашли гранату и наган,—
Ее пытали, слова не сказала,
Не выдала Танюша партизан.
Седые вербы страшным ветром гнулись,
Палач к веревке ящик приволок.
А девушка в последний раз взглянула
На вьющийся над крышами дымок.
«Товарищи, я ухожу от жизни,
Так бейте вы по-сталински врага».
И сила слов родной любимой Тани
Слезу страданья с гневных лиц смела.
Село родное вышло из тумана,
Стоял суровый утренний мороз,
А девушку по имени Татьяна
Крестьяне хоронили у берез.
Они клялись не дать врагу пощады,
Они клялись смерть Тани не забыть,
Умножить партизанские отряды,
Врагам за нашу Таню отомстить.

Песня записала Б. Г. Гершкович 19 августа 1945 г. в с. Хотылево, Брянского р-на от бывшей партизанки Н. Д. Петуховой (Архив Института этнографии АН СССР).

Песня — литературного происхождения. Автор текста М. Кримкер, музыка Б. Фомина (см. «Художественная самодеятельность. Репертуарный сборник», 1942, № 1). Песня была очень популярна на фронте и среди партизан и до настоящего времени остается любимой песней молодежи. Записана во многих вариантах в разных местах Союза, в том числе — в 14 пунктах БССР (Материалы Всесоюзного дома народного творчества им. II. К. Крупской).

В устной передаче авторский текст подвергся некоторым видоизгнепепиям. Сравни четвертую строфу публикуемого текста с аварским:

«Нас не сломить!» — услышали крестьяне,

А дальше петля крик оборвала.
И сила слов родной, любимой Тани
Слезу страданья с гневных лиц смела.

93

На опушке леса
Старый дуб стоит,
А под этим дубом
Партизан лежит.
Он лежит, не дышит
И как будто спит,
Золотые кудри
Ветер шевелит.
Перед ним старушка
Мать его стоит.
Слезы проливая,
Сыну говорит:
«Ты когда родился,
Батька врага бил,
Где-то под Одессой
Голову сложил.
Я ж тебя растила,
Да не сберегла,
А теперь могила
Будет здесь твоя.
Я ж вдовой осталась,—
Пятеро детей.
Ты ж был самый младший,
Милый мой Андрей.
Стал ты самым храбрым,
Врага крепко бил.
Орден со звездою
На груди носил.
Так скажи словечко
Матери своей.
Ой, болит сердечко
По тебе, Андрей».
Позади старушку
Слушал командир,
Ласково и тихо
Ей проговорил:
«Не рыдай, мамаша,
Пал он не один!
Мы фашистам-гадам

Крепко отомстим».

Эта популярная песня записана в августе 1945 г. от группы молодежи в с. Хале-вичи, Новозыбковского р-на, Брянской обл. Зарегистрирована повсеместно во всех партизанских бригадах. Аналогичные варианты записаны в с. Хотылево, Брянского р-на. от бывшей партизанки Д. Н. Петуховой, в районном центре К летне от бывшей партизанки Е. Барановой и в г. Навле от хора девушек.

(Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Песня получила широкое распространение и в среде белорусских партизан. Студентами Минского педагогического института она записана в 28 сельских пунктах.

(Архив Всесоюзного дома народного творчества им. Н. К. Крупской).

Бывший фронтовик Н. Семовская, приводя вариант этой песни, мало отличающийся от настоящего, вспоминает: «Так эту песню пели мы в госпитале, в Саратове. Позже я еще ее слышала, уже дома, в г. Вельске Архангельской области, от своей подруги Гали Быковой, которая тоже была на фронте, под Ленинградом. Ее текст немного не сходился с тем, который я слышала в госпитале, но сейчас я его не помню» (Архив Гос. лит. музея).

Песня эта, по свидетельству фронтовиков, возникла в 1942 г., в одном из ансамблей Брянского фронта. Автор ее — фронтовой композитор Шохин.

В течение нескольких месяцев песня распространилась по всем соединениям Брянского и Центрального фронтов. (Печатные тексты см. в сб. «Уральский фольклор», стр. 103; «Советский фольклор Чкаловской области», стр. 85, № 16; Афонина, стр. 40)

94

ПОД ОСЕННИМ ДОЖДЕМ

Возле рощи густой партизан молодой
Притаился в засаде с отрядом.
«Под осенним дождем мы врага подождем
И растопчем фашистского гада.
Пи сестра, ни жена нас не ждут у окна,
Мать родная на стол не накроет,
Наши семьи ушли, наши хаты сожгли,
Только ветер в развалинах воет.
И летит над страной этот ветер родной
И считает он слезы и раны,
Чтоб смогли по ночам отомстить палачам

За позор и за кровь партизаны».
Ночь упала темна, не светила луна,
Лишь у рощи костер разгорался,—
Там фашистский обоз полетел под откос
И на собственных минах взорвался.
Возле рощи густой над дорогой большой
Золотистая зорька вставала,
Дождь и ветер утих, а на листьях сухих
Груда мертвых фашистов лежала.

Текст записан в сентябре 1945 г. В. Ю. Крупянской в с. Бытошь, Дятьковского р-на, Брянской области от бывшей партизанки Валентины Попковой.

Одна из популярнейших песен брянских партизан; зарегистрирована повсеместно во всех партизанских бригадах (Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Партизаны указывали, что песня исполнялась на мотив популярной в эпоху гражданской войны песни «Там вдали за рекой зажигались огни...».

Автор песни «Возле рощи густой...» — В. И. Лебедев-Кумач (см. сб. «Вперед к победе!», Военмориздат, М., 1948). По сообщению поэта, песня была им написана в июле—августе 1941 г., под влиянием выступления товарища Сталина и особенно его высказываний о развитии партизанского движения. Песня впервые была опубликована в газете «Правда». В 1943—1944 гг. она распространялась в виде листовок среди партизан через ЦК ВЛКСМ. Музыка к ней писалась многими композиторами, но, по наблюдениям В. И. Лебедева-Кумача, «народ пел ее на мотив песни времен гражданской войны: «И поник головой коммунист молодой, комсомольское сердце разбито...»» (Из письма В. И. Лебедева-Кумача от 17 мая 1947 г. В. Ю. Крупянской). Это указание В. И. Лебедева-Кумача совпадает с вышеуказанным свидетельством самих партизан

Текст В. И. Лебедева-Кумача в большинстве народных вариантов относительно устойчив. Так, в публикуемом тексте изменена лишь четвертая строка первого куплета (ср. у Лебедева Кумача: «Нам спешить, торопиться не надо»).

Однако есть варианты, переработка которых значительно глубже и органичнее См. публикуемый ниже текст.

95

В темной роще густой партизан молодой
Притаился с отрядом в засаде.

Под осенним дождем мы врага подождем,
Рассчитаться с фашистами надо.
Ни сестра, ни жена нас не ждет у окна,
Мать родная стола не накроет,
Наши хаты сожгли, наши семьи ушли,
И лишь ветер в развалинах воет.
За свою Белорусь, за великую Русь
Третий год мы с фашистами бьемся.
Сталин ждет нас в Кремле, будет час на земле —
Мы в родимые гнезда вернемся.
А сейчас по ночам будем мстить палачам
За народные слезы и раны.
По завесам лесным и дорогам степным
Поднимайся на бой, партизаны!

Песня записана лейтенантом Н. М. Удовиченко в 1943 г от бойцов батальона охраны на 1-м Прибалтийском фронте (Архив Института этнографии АН СССР).

Аналогичный текст приводит военный корреспондент «Правды» П. Кузнецов, нашедший эту песню в подвале гестапо. «Во множестве экземпляров, переписанных от руки, пришла из партизанских лесов эта песня, и в захваченных оккупантами деревнях ее разучивали и тайно пели измученные фашистским рабством советские люди» («Правда» от 23 октября 1943 г.)

Тот же текст см. в книге Гуторова, стр. 222, 223.

96

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

Партизаны в лесах, как орлы в небесах,
Днем и ночью не знают преграды,—
Ни в мороз, ни в пургу нет пощады врагу,
Не спасутся фашистские гады.
Партизанский отряд из отважных ребят
Не боится фашистской машины,
На дороге в лесу он фашистскому псу
Приготовил смертельные мины.

Запись М. И. Костровой от В. Н. Наврацкого, бывшего руководителя агитколлектива партизанской бригады, действовавшей в районе Навли, Брянской области. Автор песни— В. Н. Наврацкий.

(Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

Песня является переработкой стихотворения Я. Шведова

«Партизаны в лесах» (музыка В. Белого).

97

ЗА ОТЧИЗНУ РОДНУЮ

По знакомой дороге
Выходил по тревоге
Партизанский отряд боевой.
Кони впряжены в санки,
Боевые тачанки
Выходили, готовые в бой.
В наши села, поселки
Лезут лютые волки,
Наши хаты родные горят,—
Потому партизаны
Выходили так рано,
По тревоге собрался отряд.
Возле леса опушка,
А за ней деревушка,—
Слышны стоны и крики людей
Здесь фашистские гады
Жгут и бьют без пощады
Беззащитных старух и детей.
Развернулись по ротам
В боевом развороте,
Штык острее, и тверже нога!
За родную отчизну,
За отнятые жизни
Партизаны пошли на врага.
Ошалев от налета,
Не схватив пулемета,
Побежали враги из села.
А на саване снега
Много трупов чернело
Мастеров по кровавым делам.
Пусть запомнят же гады —
Им не будет пощады,
Мы за Родину-мать отомстим!
И в лесу, и на поле
Мы запомним Заполье,
И Бацевич забыть не дадим!
Пусть запомнят фашисты,
Отомстим мы сторицей За безвинно пролитую кровь;
С нами Сталин родной,
Наш учитель-герой,

Наше счастье и наша любовь.

Текст сообщен бывшим фронтовиком И. Науменко 19 сентября 1945 г. (Архив Гос. лит. музея).

Поется па мотив популярной песни А. Суркова «По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год» (муз. бр. Покрасс).

Аналогичный вариант под назвапием «Песня кличевских партизан» был помещен под инициалами А. П. в партизанском рукописпом художественно-политическом журнале «За советскую Родину», 1943, «N*2 1.

(Текст опубликован в сб. «Фронтовой фольклор», «N*2 24).

С небольшими разночтениями текст этой песни опубликован в книге Гуторова, стр. 157, 158.

«Конноармейская» Суркова легла в основу ряда современных партизанских песен (см., например., сб. «Фронтовой фольклор» «N*2 25 — «Песня о партизане Ч.»).

98

ДВА ГЕРОЯ

Ночь светла, на селе огонечек горит,
Молодой партизан на допросе стоит;
Перед ним офицер с револьвером сидит:
«Отвечай, где отряд?— офицер говорит.—
Если скажешь, где он, тебе денег я дам,
А не скажешь, тебя под расстрел я отдам».
Но герой-партизан все стоит и молчит,
Знает он, что отряд в лесу скрыться спешит.
Знает он, что ему не придется гулять,
А в овраге лесном с лбом пробитым лежать.
В это время в лесу партизанка одна
Пробиралась ползком по оврагу она.
И горели глаза, как огни, у нее,
Жизнь готова отдать за спасенье его.
Вот уж видно село, рядом хаты стоят,
И вдруг видит она — два солдата стоят,
Между ними стоит молодой партизан,
Он губу прикусил, потускнели глаза.
Слышит вдруг партизан, кто-то веткой шумит,
Глянул он, увидал —в чаще Таня стоит.
И вернулась к нему сила, смелость его,
И ударом солдата свалил одного.
А другой закричал и хотел убежать,
Но Танюшин наган подоспел задержать.

Рано утром в лесу под зеленой сосной
Партизан обнимал наш герой молодой.

Песня записана В. Ю. Крупянской в рабочем поселке Бытошь, Дятьковского р-на, Брянской обл., от бывшей партизанки-разведчицы В. П. Попковой. Песня по своему содержанию была особенно близка девушке, семья которой неоднократно подвергалась репрессиям за связь с партизанами. Отец Попковой был замучен фашистами, они водили на допрос даже пятилетнюю сестренку, пытаясь выведать у девочки местонахождение сестры и братьев-партизан.

Автор песни не установлен.

(Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

99

СМЕРТЬ ПАРТИЗАНА

Вдалеке от Москвы, от столицы,
Средь клетнянских дремучих лесов,
Где летают лишь вольные птицы,
Где бродили лишь стаи волков,
Там отряд боевой партизанский
Живет жизнью своей боевой.
В нем есть группа отважных героев
Для работы в тылу подрывной.
Красной Армии мы, помогая,
Вражье полчище чтоб истребить,
По просторам родимого края
Стали в дальние рейсы ходить.
И разведку мы в дальних районах
Неустанно и точно ведем,
О враге, о его гарнизонах,
Сводки точно мы штабу даем.
Мы к мостам и к путям подползаем
Под укрытием темных ночей,
Эшелоны мы вражьи взрываем,
В них мы сотнями бьем палачей.
Нам за наше великое дело
Не приходится жизни жалеть.
На врагов нападаем мы смело,
Нам не страшно в бою умереть.
Наш товарищ, наш друг Вася Репнин
Эшелонов уж семь подорвал.
Разнесло все вагоны на щепки,

На восьмом свою жизнь он отдал.
Пусть бураны декабрьские дуют
Пусть морозы лихие трещат,
Но за Васину жизнь молодую
Еще сто эшелонов слетят.
Мы за Родину жизнь молодую,
Не жалея, в бою отдаем,
Но фашистскую свору шальную
Мы на нашей земле перебьем.
Когда с полной победой вернется
Наш отважных героев отряд,
Наша песня звучнее польется,
Веселее леса зашумят.

Одна из любимойших песен клетнянских партизан. Из альбома автора — партизанского поэта Н. М. Мигашевского, политрука отряда «За Родину» (клетнянские леса). По отзывам партизан, Мигашевский был превосходным певцом.

Песня посвящена гибели подрывника Васи Репнина, общего любимца отряда. На его боевом счету числилось немало пущенных под откос эшелонов. В. Репнин погиб в сентябре 1942 г. под Осколковым. Его хоронили близ деревни Маевки, Клетнянского р-на, на партизанском кладбище. Песня впервые была исполнена на его могиле.

(Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии АН СССР).

В значительном сокращении эта песня опубликована в сб. Афонина «Шумел сурово брянский лес», Брянск, 1946, стр. 22.

100
ОЛЯ ПАРТИЗАНКА

Окружили синие туманы
Наш лесок, пристанище мое,—
Запоемте песню, партизаны,
Чтоб друзья услышали ее.
Пусть по небу звезды светят ярко,
Я гадать не стану о судьбе...
Что грустишь ты, Оля партизанка,
Или Киев вспомнился тебе?
Не грусти. Туда вернемся скоро,
Погуляем около Днепра,
Отомстим врагу за кровь и горе,
И настанет славная пора.
Ведь недаром «Мстителем» зовется

Наш отряд, пристанище мое...
Эта песня шопотом поется,
Чтоб враги не слышали ее.

Песня записана в августе 1945 г. М. И. Костровой в районном центре Навля, Брянской области. Песня была популярна среди навлинских партизанок, познакомившихся с нею в 1942 г. по партизанским газетам. Пелась на мотив, близкий к песне «Три танкиста» (текст Б. Ласкина, муз. бр. Покрасс).

(Материалы Брянской экспедиции 1945 г., Архив Института этнографии
АН СССР).

Автор песни — Е. Долматовский (см. «Песня шопотом» в «Книге ровесников», 1947). По воспоминаниям композитора Д. Кабалевского, эта песня написана в украинском селе, только что освобожденном от немцев, в хате, где находился партизанский отряд. Песня была создана очень быстро. «Через полчаса,— вспоминает Кабалевский,— мы уже пели всю песню под аккомпанемент одного бойца, быстро схватившего мелодию и подобравшего на своем баяне незамысловатое сопровождение» (см. Л. Даниле-в и ч. «Музыка на фронтах Великой Отечественной войны», 1948).

В настоящем тексте по сравнению с авторским встречаются незначительные изменения. У Долматовского вторая строчка: «Наш лесок, походное жилье...», десятая строчка: «Отогреем сердце у Днепра...».

101
МАША

Деревья зелеными ветками машут,
Сирень за оградой цветет,
И часто веселая девушка Маша
Встречала ребят у ворот.
Слова задушевным приветом звучали,
Когда подавала воды,
А сколько она партизан выручала
В тяжелые дни из беды.
Бывало, бежит к нам тропинкою росной,
Бежит сквозь болотный туман,
И только мелькает средь белых березок
Цветистый ее сарафан.
Но гарью запахло, в сосённике древнем
Багровые тени легли.
Враги подошли на рассвете к деревне

И, вместе с людьми, подожгли.
В пожарище дети кричали от муки,
Пугливо храпел чей-то конь.
Схватили ее и связали ей руки
И бросили Машу в огонь.
Идут партизаны тропинкой вчерашней,
Идут на засаду за Друть,
Но больше не слышно уж голоса Маши:
«Эй, хлопцы! Зашли б отдохнуть».
И сердце тоскует в глубокой печали,
И душу тоска обняла...
Кругом обгорелые трубы торчали,
И нету родного села.

Песню сообщил партизан П. Волкодаев с указанием — «пелась на мотив «Каховки* С «Каховкой» М. Светлова — И. Дунаевского настоящую песню роднит образ героине ской советской девушки, помощницы партизан.

(Архив Института этнографии АН СССР).

102

СТОЙКИЕ

Товарищи, дружно, рубеж не сдавать,
Горячее время настало;
Немало боев нам пришлось испытать,
Такого еще не бывало.
Грохочут снаряды, и танки гремят,
Над нами стервятники вьются,
Но мы, партизаны,— ни шагу назад.
Фашисты сюда не прорвутся.
Мы помним святую Отчизну свою,
За нами друзья и родные.
И в этом, быть может, последнем бою
Мы будем стоять как стальные.
Умрем, но врага не пропустим вперед,
Дверей мы ему не откроем,
Пусть знают фашисты, что русский народ
Всегда остается героем.
Над родиной песня, как птица, лети
И гордо скажи нашим людям:
Пока мы живые, врагу не пройти,
Умрем, но победу добудем.

Записал С. Красноштанов в 1949 г. в д. Красноярово, Усть-

Кутского р-на, Иркутской области (Из материалов С. Красноштанова. Архив Института этнографии АН СССР).

Близкий вариант записан Л. Кругляшовым в 1948 г. в дер. М. Лая, Кушвинского р-на, Свердловской области, от А. П. Бердышева, который впервые услышал песню в боях под Воронежем в 1943 г. в стрелковой дивизии. «Привез к нам один лейтенант, который был под Сталинградом»,— сообщает Бердышев (см. комм, к № 90, сб. «Уральский фольклор», Свердловск, 1949, стр. 222). Из фронтовой среды песня, видимо, попала и к партизанам, где получила, судя по публикуемому нами тексту, соответствующую обработку. Песня исполнялась на мотив «Варяга».

103

ПОХОДНЫЙ ВАЛЬС

На башню танка сел радист
Веселый, как огонь,
И, как заправский гармонист,
Подругу взял — гармонь.
Легко притронулся к басам,
Прошел по голосам
И заиграл любимый вальс
Товарищам-бойцам.
По пояс вылез, люк открыв,
Механик и запел,
Ему ответил командир,
Башнер за ним поспел.
Радист веселый подхватил
Напев любимый свой,
И заряжающий вступил,
Бася со всей душой.
Гремит салютом звучный бас,
Кружится хоровод,
И кажется, что этот вальс
Сам танк теперь поет.
Мы с этим вальсом шли вперед
За наш родной народ,
Походный вальс, любимый вальс
Наш гармонист поет.
Про наши встречи, про девчат,
Оставленных вдали;
И про героев, про ребят,
Что до границ дошли;
Что снова мы готовы в бой,

В победный бой идти,
Что в мире силы нет такой,
Чтоб наш удар снести.
Труба тревогу нам поет
В осенней серой мгле.
Друзья, пора, пора в поход,
Уходим на заре.
Но вальс, как прежде, на устах,
Играй же, гармонист,
Любимый вальс, походный вальс,
Который пел радист.

Сообщил фронтовик А. Игнатенко в 1945 г.
(Архив Гос. лит. музея).

Песня сложена на мотив широко известного вальса М. Блантера на текст М. Исаковского «В прифронтовом лесу».

Автор песни — гвардии ст. сержант А. Янежич.

Песня бытовала в Гвардейском Уманском Краснознаменном ордена Кутузова танковом корпусе.

(Текст опубликован в сб. «Фронтовые стихи и песни». Изд. редакции газ. «Сталинское знамя», 1945, стр. 14).

Музыка песни Блантера является, как известно, переделкой старого вальса «Осенний сон». В несомненной зависимости от этого вальса стоит и песня Исаковского. В обстановке осыпающегося осеннего леса бойцы «точно в забытьи» слушают баяниста, играющего «старинный вальс «Осенний сон»»,— вот обрамление, которое Исаковский дает своей песне и которое определяет ее общий элегический тон. В эту рамку вставлены и воспоминания бойцов о довоенном прошлом, об оставленных подругах, и мужественный призыв свершить «что положено кому».

В песне «Походный вальс» А. Янежич развивает только вторую, призывную, бод рую тему песни Исаковского. В песне молодого поэта-фронтовика, сложенной в 1945 г. на границе Германии, звучит голос Советской Армии, победившей и вместе с тем всегда готовой к новым боям. Бойцы в песне Янежича не слушатели, а веселые исполнители любимой походной песни — дружный и сплоченный боевой коллектив танка.

104
ОРЛЯТА

В высокое небо уходят орлята
И русскую песню уносят с собой —
Про то, как крылатый носитель расплаты
Иван Кожедуб улетает на бой.

Он лётом орлиным пройдет над Берлином,
Врага атакует в туманной дали,
Он быстро покончит с фашистской машиной
Во славу священной советской земли...
И вот батареи грохочут над Шпрее,
Пехота выходит к Берлинским садам,
И вихря быстрее проходит над нею
Воздушный охотник по вражьим следам.
И нашим потомкам расскажут былины,
Как сталинцы в битвы воздушные шли,
Как сын Украины пронес над Берлином

Бессмертную славу родимой земли.

Записала Е. Струина в 1947 г. в с. Биянка, Челябинской области.

(Материалы экспедиции Челябинского педагогического института, 1947 г., поп руководством В. Е. Гусева).

105

Эту песню в Берлине сложили,
Но Россия нам вся подпоет,
Как советский народ шел в последний поход,
Как фашистов в боях разгромили.

Припев:
Если Сталин солдатам прикажет,
Нет преград для его сыновей.
Нету в мире смелей, нету в мире славней,
Нет солдат благородней, чем наши.

Мы пришли от руин Сталинграда
Отомстить за погибших друзей,
За тоску матерей, за убитых детей,
За голодные дни Ленинграда.

Припев.

Мы спасли от фашизма планету.
Мир обязан свободою нам.
И пойдет по векам, от отцов к сыновьям,
Слава наша по белому свету.

Припев.

Эту песню в Берлине сложили,
Но Россия нам вся подпоет,
Как советский народ шел в последний поход,
Как фашистов в боях разгромили.

Припев.

Автор текста — бывший фронтовик, майор А. В. Гуторович.

Песня, по свидетельству автора, впервые была исполнена солдатами Советской Армии в Берлине после взятия рейхстага в 1945 г.

(Архив Гос. лит. музея).

Поэт — бывший фронтовик С. Гудзенко свидетельствует об исключительной популярности песен А. В. Гуторовича, об их фольклоризации.

«Его песни;—пишет С. Гудзенко,— гуляли по фронту, оставаясь безымепными» они подхватывались слушателями и переходили из окопа в окоп из батальона в батальон» («Литературная газета» от 27 января 1945 г.).

Свидетельство это подтверждается записью народных вариантов одной из песен Гуторовича — «Отец и сын» («У берега Волги остался в живых из роты один лишь комроты».

106
ЗАСТОЛЬНАЯ

Время пришло, и прощаться приходится
С хлопцами роты штабной,
Выпить бы надо да вспомнить, как водится,
Где мы ходили на бой.

Вспомним, товарищ, на улицах Ряжска,
Где наш стоял батальон,
Где и когда наполнялась баклажка,
Кто и когда награжден.

Москву и Нахабино, время в учении—
Готовился к битвам солдат,
Жил в блиндажах, жил в Академии,
Верил друг другу, как брат.

Ночами суровыми в зиму холодную
На Бологое спешил,
За землю Советскую, за нашу, народную,
Фашиста в болотах топил.

Не было места изменнику, трусу
В наших рядах боевых,
Мы воевали за Старую Руссу,
За счастье народов своих.

Юнкерсы днями над нами кружилися,
Мы зарывались в снегу,
Падали, снова вставали, ложилися,
Но не сдавались врагу.

Днями мы шли сквозь леса и болота,
Дошли до окраин Холма,
Где пробивалась морская пехота,
Фашиста сводила с ума.

Зиму вторую, в боях, неспокойную
Там довелось зимовать,
Ранней весною, под песню походную
Мы покидали Ловать.

Затихли сражения грозные звуки,
Уходят друзья в Торопец,
Отдохнули, ушли под Великие Луки,
В Смоленск пробивался боец.

Гвардии воину, славному сыну
Сталина слышен приказ:
— За взятие нами родной Духовщины
Москва салютует не раз!

За Витебск и Идрицу битвы, сражения,
К Балтике рвется солдат,
Гвардия наша пошла в наступление,
Села фашисты палят.

Римшане, Рокшикис, Биржай под Митавою,
Местечко стоит Добэле,
Упорно сражались с фашистской оравою,
Горело, что есть на земле.

Гвардия двигалась с громкою славою,
К морю держали мы путь
И за далекой балтийской Либавою

Морскую увидели грудь.

Закончились грозные битвы, страдания,
Время настало мечте;
Седьмого июля, сказав «До свидания!»,
Покинул боец Айзпуте.

Старшие братья пожали нам руки:
«Мы вспомним, товарищи, вас!»
Радости дни, расставанья, разлуки,
Молодые ушли в Каунас.

Сообщил гвардии красноармеец П. М. Кулик 20 августа 1945 г. с пометкой «Сложил гвардии красноармеец И. Я. Михайлюк, в честь проводов старших товарищей, демобилизовавшихся из Красной Армии...» Песня эта, по свидетельству Кулика, пользовалась большой популярностью в части и «пелась по части» на мотив «Застольной Волховского фронта».

«Застольная Волховского фронта» (слова Косенко и Тарновского, музыка Любана) была широко известна на фронте. Фронтовые ее варианты записаны в 1945 г. в десантных войсках Ленинградского фронта, в Саратовском госпитале, в местечке Мессии близ Штутгардта. Последний — с примечанием: «песенка, сочиненная солдатами в дни капитуляции Германии».

Популярность «Застольной» порождена, повидимому, ее темой — воспоминаниями о пройденном боевом пути. Сохраняя ритм и композиционную схему «Застольной Волховского фронта», фронтовые песни запечатлевают этапы боевого пути, пройденные той воинской частью, к которой принадлежит автор песни. Публикуемый вариант — летопись боевого пути одной из гвардейских частей Советской Армии.

Эй, друзья, сильнее грянем,
Пусть подтянет весь народ,
Как на Тихом океане Свой закончили поход.
Шли полки стальной лавиной,
Как могучий ураган,
По степям и по долинам Прорвались через Хинган.
За великий край советский,
Землю дедов и отцов,
Бел нас маршал Василевский,
Малиновский, Мерецков.
И гремят в Москве салюты,
Весь в огнях родимый край,

Пал последний ворог лютый,
В прах разгромлен самурай.
На твердынях Порт-Артура
Вновь алеет русский флаг,
И дрожит за волчью шкуру,
На коленях подлый враг.
Годы скроются в тумане,
Будет вечно петь народ,
Как на Тихом океане
Свой закончили поход.

Текст сообщен гвардии рядовым И. П. Бурмашевым со следующим примечанием: «Песня нам друг в жизни. Мы очень любим русскую народную песню. Она вела нас в бой и вдохновляет сейчас на отличную учебу. Я прошел боевой путь от родного Сталинграда до Варшавы, освобождал Прибалтику, участвовал в борьбе с японскими самураями, прошел непроходимый «Большой Хинган» и кончил войну на бастионах Порт-Артура. После разгрома врага я услышал от солдат знакомую всем нам песню «По долинам и по взгорьям», но совершенно другого содержания, и она крепко запечатлелась у меня в памяти. Я ее записал. Эта песня для нас, несущих службу за рубежом родной земли,— большая радость».

Об истории песни «По долинам и по взгорьям» и ее современных партизанских текстов см. комм, к № 85 нашего сборника.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОВЕТСКИХ ПОЭТОВ И КОМПОЗИТОРОВ, 4 УПОМИНАЕМЫХ В КОММЕНТАРИЯХ К ПЕСНЯМ

Акуленко П. N° 89 Алексеев. N° 38.

Алымов С. N° 85—87, 107 Арманд П. N° 36, 37, 69 Белый В. N° 96 Блантер М. № 47—54, 103 Богословский Н. № 32, 33 Владимирцев. № 35, 69 Гридов Г. N° 35, 69 Гудзенко С. N° 6, 105 Долматовский Е. № 55, 5t>, 70, 76, 100 Дунаевский И. № 39—41, 101 Захаров В. № 90, 91 Исаковский М. N° 47—54, 58—60, 77, 80, 81, 90, 91, 103 Кабалевский Д. № 100 Кац З. N° 38 Кримкер М. N° 92 Кручинин В. № 75 Ласкин Б. № 32, 33, 100

Лебедев-Кумач В. № 75, 79, 83, 89, 94

Лепин А. № 75

Листов К. № 7, 62—64

Михалков С. N° 75

Новиков А. № 14, 19, 28, 78

Покрасс, бр. N° 67, 97, 100

Рудерман М. N° 7, 26
Светлов М. N° 39—41, 101
Слободской М. № 47
Слонов Ю. N° 57
Соловьев-Седой В. № 79
Софронов А. N° 27
Сурков А. N° 62—64, 67, 97
Талалаевский М. № 38
Уткин И. № 71
Фомин Б. № 92
Французов М. N° 57
Шварц Я. N° 75
Шведов Я. N° 40, 96

УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН,
НА МОТИВЫ КОТОРЫХ ИСПОЛНЯЛИСЬ ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Варяг («Наверх вы, товарищи, все по местам...»)— Народная песня. № 72, 102 «В далекий край товарищ улетает...»—Текст Е. Долматовского, муз. Н. Богословского. № 70

В лесу прифронтовом.— Текст М. Исаковского, муз. М. Блантера. № 103.

«В чистом поле, поле под ракитой...»— Текст М. Исаковского, муз. В. Захарова. № 90, 91

Дальневосточная. № И

Ермак. Текст К. Ф. Рылеева, муз. народная. № 27

«Есть на Волге утес» — Текст А. Навроцкого, муз. А. Рашевской. № 42

«Живет моя отрада...». N° 34

Застольная Волховского фронта. — Текст Косенко и Тарновского, муз. Лю-бана. N° 106

Землянка. Текст А. Суркова, муз. К. Листова. N° 62—64.

«И^у по знакомой дорожке...» — Текст Г. Гридова, муз. Владимирцева. № 35, 69 Катюша.— Текст М. Исаковского, муз. М. Блантера. № 47—54 Каховка.— Текст М. Светлова, муз. И. Дунаевского. N° 39—41, 101 Конноармейская.— Текст А. Суркова, муз. бр. Покрасс. N° 97 «Крутится-вертится...» — Текст М. Исаковского. № 77

Огонек.— Текст М. Исаковского, муз. народная. № 58—60 Партизаны в лесах.— Текст Я. Шведова, музыка В. Белого. № 96 «По долинам и по взгорьям...» — Текст в обработке С. Алымова, муз. обработка А. Александрова. N° 85—87, 107

«Под ракитою зеленой...» Текст Н. Веревкина, муз. народная. N° 30 «По Уралу свинцовые хлещут дожди...» — Муз. А. Новикова.

№ 19, 28, 78 «Раскинулось море широко...»—Народная песня «Кочегар», текст Г. Зубарева. № 43— 46, 79, 82

«Спят курганы темные...» — Текст Б. Ласкина, муз. Н. Богословского. № 32—33 «Там вдали за рекой загорались огни...» — Текст Н. Кооля, муз. народная. № 94 Тачанка.— Текст М. Рудермана, муз. К. Листова. № 7

«То не тучи—грозовые облака...» — Текст А. Суркова, муз. бр. Покрасс. № 67 Три танкиста.— Текст Б. Ласкина, муз. бр. Покрасс. № 100 «Тучи над городом...»— Текст и муз. П. Арманда. № 36, 37, 69 «Школа младших командиров» — армейская песня. № 6

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Введение

Песни Великой Отечественной войны

1. Вперед, дивизия («Гремит боевая тревога »)
2. Наша песня («В октябре в непогоду...»)
3. Песня 1 й гвардейской танковой бригады («Броня от частых выстрелов

дрожала...»)

4. Песня пятидесятой армии («На грозный бой мы посланы Москвою...»)
5. Марш пятьдесят первой отдельной зенитно-артиллерийской дивизии

(«У стен Москвы стоят, как часовые...»)

6. «Добровольно в строй мы стали...»
7. Наша полковая («Нам Остапенко прикажет...»)
8. Песня о Великих Луках («Вспомним, братцы, мы жизнь фронтовую...»)
9. «Мы в битвах с врагами любимой Отчизны...»
10. Бей, семьсот десятый («Над родиной песня летит, не смолкая»)
11. «Ведет в атаку смело и отважно...»
12. Симбуховцы («Слушай, казак молодой, клич боевой...»)
13. «Ой, как шли по снежным перекатам...»
14. Песня тацинцев («В степях Сталинграда — густые снега...»)
15. Гвардейский марш («На Днепре и у Южного Буга...»)
16. Походная песня воинов-гвардейцев («Мы пришли под Сталинград...») . .
17. Марш 716 полка («Прошли мы с боями от Волги и до Нейсе...»)

18. «То два сокола и орел он крылатый»
19. Песня о двадцати восьми гвардейцах («Ходит ветер в полях...»)
20. Песня о беловцах ˆ/Гвардейская слава летит...»)
21. Песня о Доваторе («Зачем вы нахмурились, темные ночи...»)
22. Песня о Садыкове («Над лесом качаются выстрелов вспышки...»)
23. Песня о Черняховском («Скрылись за тучами...»)
24. Песня о снайпере Александре Мозовце («Молодой, красивый, статный...»)
25. Песня снайперов («Ночью на границе...»)
26. «Он был рожден для светлой жизни...»
27. Песня о Матросове («Шумел валдайский темный бор...»)
28. Песня о Суркове («На высотах крутых...»)
29. «Красноармеец молодой —на разведку боевой...»
30. «Во степях да во донецких...»
31. «Воет ветер за снежной пургой...»
32. За страну Советскую («На границе Западной...»)
33. Летчик молодой («Спят курганы темные...»)
34. Парень с Васильевского острова («Не раз его встречали вы...»)
35. Песенка разведчиков («Мы все — молодые ребята...»)
36. «Тучи над городом встали...»
37. «Тучи над городом встали, бьется о берег прибой...»
38. «Кто ты — с Днепра или с Дона...»
39. Новая Каховка («Украинский ветер шумит над полями...»)
40. Чижовка («На миг, на минуточку вспомним, товарищ...»)
41. Об Анке Грайтеровой («Сигналом атаки...»)
42. Утес («Есть на Волге утес, он бронею оброс...»)
43. Севастополь («Раскинулось Черное море...»)
44. Песня севастопольцев («За нами — холодное море...»)
45. Песня танкиста («Механик-водитель, возьми рычаги...»)
46. Моряк черноморского флота («Я встретился с ним под Одессой родной...»)
47. «Тихий ветер чуть колышет травы...»
48. «Не цветут здесь яблони и груши...»
49. «Жгли фашисты яблони и груши...»
50. Катюша («Осыпались яблони и груши...»)
51. Катюша («Весь блиндаж снарядами разрушен...»)

52. «Катюша» («Расцветали яблони и груши...»)
53. Новая «Катюша» («Расцветали яблони и груши...»)
54. «Катюша» («Шли бои на море и на суше...»)
55. «Помню день последнего привала...»
56. Медсестра («Я помню ночь осеннего привала...»)
57. Медсестра Анюта («Дул холодный, порывистый ветер...»)
58. Огонек («На позицию девушка провожала бойца...»)
59. «Стихли залпы последние...»
60. «Мы знакомыми не были...»
61. Возвращение («Качаясь, вагоны...»)
62. Ответ на «Землянку» («Дни идут бесконечной чредой...»)
63. В теплушке («Догорает за Волгой закат...»)
64. Мой мальчик («Тихо плещет в речонке волна...»)
65. «Запеваю песню неспроста...»
66. Москвичка («Над рекой вечерний сумрак опускается...»)
67. Твоя фотография («Из Москвы меня увозит эшелон...»)
68. Песня о капитане Рачкове
69. Севастополь («Иду по знакомой дорожке...»)
70. «Седой мороз идет по хрупким веткам...»
71. Письмо любимой («На улице полночь...»)
72. Ваши письма («Эх, жены и девушки, знаете ль вы...»)
73. Вместе с любимой («Хоть ты далеко в том краю...»)
74. Письмо («Ты писал мне перед самым боем...»)
75. Письмо любимой («Ты мне пишешь на фронт, дорогая...»)
76. Варежки («Либо в Колпине, либо в Рязани...»)
77. «Лесами, полями, дорогой прямой...»
78. «Ветер студеный летит по полянам...»
79. «Есть муки, которые смерти страшней...»
80. Прощальная («Любимый мой, пора моя настала...»)
81. Девушке из Смоленска («Далекая, любимая подруга...»)
82. «Раскинулись рельсы далеко...»
83. Из плена («Что случилось с моею судьбою...»)
84. «Я в плену, в краю чужом, далеком...»
85. Партизанская песня («Налетела с громом туча...»)
86. Партизанская Тарасовская («Поднималися туманы...»)
87. Песня белорусских партизан («За страну родную нашу...»)
88. «Уж солнце закатилось за темные леса...»
89. «Что ты смотришь, родимый товарищ...»
90. «В чистом поле, в поле под ракитой...»

91. Песня о Заслонове («Возле Орши роща небольшая...»)
92. Песня о Тане («Село родное вышло из тумана...»)
93. «На опушке леса старый дуб стоит...»
94. Под осенним дождем («Возле рощи густой...»)
95. «В темной роще густой...»
96. Народные мстители («Партизаны в лесах, как орлы в небесах...»)
97. За отчизну родную («По знакомой дороге...»)
98. Два героя («Ночь светла, на селе огонечек горит...»)
99. Смерть партизана («Вдалеке от Москвы, от столицы...»)
100. Оля партизанка («Окружили синие туманы...»)
101. Маша («Деревья зелеными ветками машут...»)
102. Стойкие («Товарищи, дружно, рубеж не сдавать...»)
103. Походный вальс («На башню танка сел радист...»)
104. Орлята («В высокое небо уходят орлята...»)
105. «Эту песню в Берлине сложили»
106. Застольная («Время пришло и прощаться приходится...»)
107. «Эй, друзья, сильнее грянем...»

Указатель имен советских поэтов и композиторов, упоминаемых в комментариях к песням

Указатель песен, на мотивы которых исполнялись песни Великой Отечественной войны.

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР